

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 2020
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 4 (294) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Мишель Фуко* (1926–1984), французский философ, теоретик культуры и историк.

Поль-Мишель Фуко родился в городе Пуатье в состоятельной семье. Его отец, успешный хирург, преподавал анатомию в местном медицинском колледже. Оба деда Фуко также были хирургами. И отец философа, и его дед по отцу звались одинаково — Поль Фуко, но сам он благодаря матери получил второе имя Мишель. Питая неприязнь к своему отцу, который вел себя в кругу семьи деспотично, Фуко стал с юных лет называть себя Мишелем. По воспоминаниям тех, кто знал его в детстве, он был ребенком очень веселым, любил шутки в духе абсурдизма и розыгрыши. И в лицее, и в колледже Мишель был почти всегда одним из лучших учеников, получал награды за успехи в изучении французского, греческого, латинского, английского языков, истории и философии.

Фуко окончил Высшую нормальную школу в Париже, получил степень лиценциата по философии и по психологии в Сорбонне и диплом по психопатологии Парижского института психологии. Он преподавал психологию в университете города Лилль и в Высшей нормальной школе. Работал во французских культурных представительствах в ряде европейских стран, заведовал кафедрой философии в Тунисском университете. Последовательно преподавал в университете Клермон-Феррана, а затем в новом университете в Венсене. В 1970 году возглавил кафедру истории систем мышления в Коллеж де Франс.

Мишель Фуко очень популярен в США, Японии, Австралии и Европе. В России активное издание его работ началось только с 1996 года. Творческое наследие Мишеля Фуко не всеми воспринимается однозначно. Он философ-

ствует за пределами традиционных философских территорий, однако ставит именно философские вопросы. Это вызвано как личностными причинами (сложные отношения в детстве с отцом), так и спецификой его образования и интересов (изучение психиатрии, политизированность сознания). Фуко постоянно находился в творческом поиске. Каждое его произведение, даже если общая линия прослеживается, не похоже на другие и почти не повторяет предыдущих исследований.

Фуко стал авторитетом автором и в истории медицины: его анализ социальной гигиены, судебной психиатрии и больничного института сделал его одним из ключевых авторов по этой теме, и его работы уже много лет неизменно рекомендуются для обязательного прочтения студентам, изучающим историю медицины в западных вузах.

Труд «История сексуальности» сделал Фуко хрестоматийным автором самых разных гендерных исследований и классиком феминистской мысли.

Фуко ушел из жизни в 1984 году, оставив после себя обширное интеллектуальное наследие, однако в своем завещании наложил запрет на посмертные публикации. Изучением наследия Фуко занимаются исследовательские центры, такие как «Центр Мишеля Фуко» в Париже, группа «История настоящего», включающая в себя ученых Великобритании и Канады, «Круг Фуко» (США), «Центр мультидисциплинарных исследований Мишеля Фуко» (Мексика). В Париже был проведен международный colloquium «Философ Фуко», и такого рода встречи проводятся во многих западных странах.

*Екатерина Осянина,
ответственный редактор*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Борисов И. В.

Защита от посягательства, сопряженного с насилием, не опасным для жизни, либо с угрозой его применения 345

Борисов И. В.

Умысел при эксцессе необходимой обороны ...347

Булышева Н. А.

Проблема маркировки лекарственных препаратов в Российской Федерации 348

Вайнберг М. В.

Виды персональных данных в действующей правовой системе Российской Федерации 350

Вайнберг М. В.

Актуальные проблемы защиты персональных данных при их обработке в информационных системах 352

Гибина А. И.

Вспомогательные репродуктивные технологии и репродуктивный туризм в Российской Федерации 354

Глушкова М. Н.

К вопросу об административной ответственности страховых организаций при заключении публичных договоров страхования на примере ОСАГО 356

Горлова С. В., Спицына О. Ю.

Правосубъектность индивидуального предпринимателя в российском законодательстве 358

Горлова С. В., Спицына О. Ю.

Особенности банкротства индивидуального предпринимателя по законодательству Российской Федерации 360

Гундарев А. А.

Проблемы реализации прав осужденных в исправительных учреждениях 362

Гундарев А. А.

Направления совершенствования законодательства о правах осужденных в исправительных учреждениях 364

Доронина М. И.

Право потребителя на компенсацию морального вреда..... 366

Зиненко А. И.

Взыскание судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости367

Игнатьев Ю. Н., Игнатъева А. А.

Краткий обзор правоприменительной практики компенсации морального вреда, полученного в детском образовательном учреждении 371

Касымов Д. Х.

Нормативно-правовое регулирование продовольственной безопасности в РФ374

Климова А. А.

Правовые аспекты судебной защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет..... 376

Ко О. С., Воронин И. К.

Проблемы правового регулирования материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ и пути их решения 379

Кобжицкий Д. А.

Потенциальные административно-правовые составы за правонарушения в сфере взаимоотношения человека и животного.....381

Коваленко А. В.

Порядок возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия..... 385

Коноплева М. И.

История становления института банкротства в России 387

Копылова К. И.

Становление норм об уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка 389

Копылова К. И.

Характеристика субъекта убийства матерью новорожденного ребенка на основании статистических данных 392

Костоусова А. Е. Особенности правового регулирования правоотношений в сфере защиты прав потребителей.....	394	Павлова Т. А. Социально-психологические особенности современной молодежной организованной преступности в России.....	406
Мельников В. С. История развития законодательства, дачи и получения взятки	397	Плюта К. В. Местное самоуправление и российская государственность: становление и развитие	408
Мионов Р. Г. Уголовная ответственность за вандализм	399	Погорелов И. О. Квалификация убийств, сопряженных с иными преступлениями.....	410
Мишангина М. Б. Проблемы, возникающие у индивидуальных предпринимателей при уплате страховых взносов	400	Погорелов И. О. Убийство матерью новорожденного ребенка...412	412
Насретдинова Э. С. Отдельные аспекты правового регулирования приобретения статуса индивидуального предпринимателя несовершеннолетними лицами в России	403	Поливода В. А. Способы защиты прав граждан по договору перевозки пассажиров и багажа.....	414
Обухова А. А. Право — надежда и драма современной эпохи.....	405	Саблина М. Д. Применение инновационных технологий в управлении миграцией в Российской Федерации	416

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Защита от посягательства, сопряженного с насилием, не опасным для жизни, либо с угрозой его применения

Борисов Илья Владимирович, студент магистратуры

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Автором рассмотрены проблемы при квалификации деяния в состоянии необходимой обороны от посягательства, сопряженного с насилием, не опасным для жизни.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; насилие, не опасное для жизни.

В ч. 2. ст. 37 УК РФ дает право защищаться от посягательства, не сопряженного с насилием опасным для жизни либо несущим угрозу его применения, но ограничивает данное право пределами правомерности обороны. Одновременно в ч. 2.1 законодатель называет еще одно основание для, так называемый, беспредельной обороны — неожиданность нападения, характеризующуюся невозможностью обороняющегося оценить «степень и характер опасности нападения», и также исключающую эксцесс обороны.

В данном случае законодатель дает право на беспредельную оборону от посягательства, не сопряженного с насилием опасным для жизни, либо угрозой применения такого насилия. Из этого вытекает, что законодатель допускает применение в том числе оружия в этом случае. Интересной в данном аспекте представляется практика судов при принятии решения о правомерности необходимой обороны в случае применения оружия как средства защиты.

Ввиду наличия некоторых пробелов в уголовном законодательстве, судам рекомендуется руководствоваться положениями, содержащимися в постановлениях Пленума ВС РФ, ввиду чего то или иное решение, принятое Верховным Судом РФ по конкретному уголовному делу в последующем при рассмотрении аналогичного дела может стать ориентиром для нижестоящих судов.

С одной стороны, в рамках необходимой обороны законодатель в принципе дает свободу выбора средств защиты, но с другой ограничивает данный выбор в рамках нормативно правовых актов. Так, например, вопросы применения оружия в состоянии необходимой обороны урегулированы в ФЗ «Об оружии». В соответствии со ст. 1 указанного закона, оружием являются такие устройства и предметы, которые специально сконструированы таким образом, что последствия их применения априори максимально неблагоприятные, т. к. они предназначены «... для поражения живой или иной цели»... Ввиду этого, оче-

видно, что именно оружие является наиболее эффективным средством для прекращения посягательства.

Однако, как показал анализ судебной практики в данном направлении применение оружия при необходимости защитить жизнь и здоровье других лиц от посягательства, не сопряженного с насилием либо угрозой его применения является почти бесспорным поводом для привлечения к уголовной ответственности обороняющегося, причем не с точки зрения привилегированного состава. Одним из таких дел можно назвать «Дело Александры Лотковой». [5]

После «Дела Лотковой» дискуссии о применении оружия в состоянии необходимой обороны приобрели колоссальный масштаб. Решение данного вопроса было предложено депутатом Государственной Думы А. Журавлевым уже в начале 2015 года. Им были предложены поправки в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, позволяющие применять оружие самообороны, разрешенного ФЗ «Об оружии» для этих целей, для защиты жизни, здоровья и собственности, а также предпринимать иные действия в зависимости от неожиданности посягательства, количества посягающих, их поведения, в случае проникновения в жилище и т. д. [1]

Над законопроектом работали порядка двух лет и в мае 2017 года, он был внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ. Несмотря на первоначальную версию, проект поправок, в первую очередь, коснулся ч. 1 ст. 37 УК. Депутаты предложили исключить возможность привлечения к уголовной ответственности обороняющегося при причинении любого вреда посягающему посредством применения приобретенного на законных основаниях оружия, если последний незаконно вторгся на территорию собственности обороняющегося.

Правительство РФ данные поправки отклонило. Действительно, они кажутся не вполне обоснованными. Так, во-первых, формулировка ч. 1 ст. 37 уже содержит право защищать свою собственность, т. к. защита помещения, используемого на законных основаниях, является одним

из конституционных прав обороняющегося (ст. 25 Конституции РФ). Кроме того, в ч. 1 ст. 37 УК РФ косвенно прописано право защиты не только своего жилища, но и прав иных лиц. Следовательно, законодатель только продублирует сам себя.

В пользу необоснованности поправок также свидетельствует разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому ст. 37 УК РФ прописана таким образом, что позволяет гарантировать «... право причинять вред посягающему лицу в ответ на общественно опасное посягательство на жизнь и здоровье любых лиц... в любом месте, включая случаи защиты от посягательства, осуществляемого с незаконным проникновением в жилище или иное помещение». [2]

На сегодняшний день прямое указание на право применять оружие при необходимой обороне в кодифицированном законодательстве не прописано. При этом, как уже указывалось, основанием для применения оружия являются обстоятельства, обуславливающие возникновение состояния беспредельной обороны, т. е. уже фактического причинения обороняющемуся тяжкого вреда здоровью, либо возникновение реальной угрозы его причинения.

В свою очередь, принятие решения о правомерности обороны при защите от посягательства, не сопряженного с насилием опасным для жизни, с применением оружия и предметов, используемых в качестве такового, все также остается целиком на усмотрении суда.

Кроме того, внесение предлагаемых поправок не будет способствовать формированию справедливости при принятии решений судами. Вполне возможно, что внимание следствия и суда будет акцентировано на правомерности причинения любого вреда при необходимой обороне исключительно в пределах частной собственности обороняющегося и только от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием опасным для жизни либо угрозой его применения, что сузит правомочия обороняющихся от неопасного для жизни насилия. Подобная практика уже присутствует, например, «дело Гончара». [6]

С другой стороны, законодательное закрепление в УК РФ принципа «мой дом — моя крепость», может ввести в заблуждение о том, что в своем жилище каждый имеет абсолютное право на беспредельную оборону, и самого собственника, например «дело фермера». [3]

Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что изменения в данном направлении должны коснуться ст. 37 УК РФ не в ч. 1, а в ч. 2.1, т. к. именно она включает второе основание для беспредельной обороны. Достаточно большое количество авторов научных работ также склоняются к тому, что ч. 2.1 ст. 37 УК РФ требует существенной доработки.

Ряд ученых утверждает, что присутствие в формулировке ч. 2.1 ст. 37 УК РФ термина «неожиданность» существенно осложняет применение данной нормы. [4] В свое время к такому выводу пришли, например, Е. А. Русскевич, Е. В. Герасимова, И. А. Кадралиева. Действительно, четкого определения понятия неожиданности в какой-либо литературе нет, а в соответствии с толкованием данного термина с точки зрения психологии, он подразумевает под собой неспособность субъекта найти адекватное решение во внезапно возникшей ситуации.

По итогам проведенного исследования, можно сделать вполне обоснованный вывод о необходимости расширения прав обороняющегося от посягательства не только, если оно сопровождается насилием, опасным для жизни либо угрозой его применения, но и не сопровождающегося таковым.

Решить данный вопрос предлагается следующим образом. Во-первых, ввиду абстрактности термина «неожиданность», его следует исключить из нормы ч. 2.1 ст. 37 УК РФ и рассматривать его не как самостоятельное условие правомерности необходимой обороны от насилия, не опасного для жизни, а в качестве признака, сопутствующего сложившимся обстоятельствам и обстановки, обуславливающим возникновение состояния необходимой обороны.

Литература:

1. Об оружии — Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 241.
2. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19. // Сайт Верховного Суда РФ. Режим доступа: <http://www.vsrfl.ru>
3. Дело Александры Лотковой, осужденной за стрельбу в московском метро. // Режим доступа: http://rapsinews.ru/trend/lotkova_21032013/
4. Дело № 44у-176/2016 — Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 19 августа 2016 г. // Информационно-правовой портал: КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=235518#014937252521818567>
5. Волгоградский фермер расстрелял из карабина 14-летнюю школьницу, укравшую его собаку // Интернет-портал: WWW.CITY-N. RU. Режим доступа: <https://www.city-n.ru/view/341852.html>
6. Герасимова Е. В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны / Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 7–11.

Умысел при эксцессе необходимой обороны

Борисов Илья Владимирович, студент магистратуры

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Автор рассматривает проблемы определения вида умысла при квалификации деяния обороняющегося при эксцессе необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, эксцесс необходимой обороны, умысел при совершении преступления.

Несомненно, что институт необходимой обороны является одним из важнейших институтов уголовного права, миссией которых выступают гарантии реализации конституционного права человека на самозащиту, и защиту других лиц и их прав, а также правоохраняемых интересов общества и государства от преступных посягательств, ввиду чего наступление уголовной ответственности за эксцесс необходимой обороны априори должно быть явлением редким.

Однако несмотря на то, что любые сомнения, в принципе, должны трактоваться в пользу обороняющегося, суды, как показывает практика, иногда принимают решения, ущемляющие права и интересы посягающего лица, что также недопустимо. Итак, в соответствии со сформулированными уголовным законодательством нормами, регламентирующими уголовную ответственность при превышении пределов необходимой обороны, в случае причинения смерти при эксцессе обороны, деяния квалифицируются по ст. 108 УК РФ. Если эксцесс повлек причинение тяжкого вреда здоровью посягающего, то деяние обороняющегося квалифицируется в соответствии со ст. 114 УК РФ.

В данном случае стоит указать на некорректность названия ст. 114 УК РФ, которое акцентирует внимание на причинении тяжкого или среднего вреда при превышении пределов необходимой обороны, но в самой норме данной статьи уголовная ответственность за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью посягающего в состоянии необходимой обороны отсутствует.

В первом случае объектом преступления выступает жизнь человека, во втором — его здоровье. Объективной стороной, соответственно, выступает причинение смерти посягающему либо тяжкого вреда здоровью. Субъектом преступления при эксцессе необходимой обороны может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. [5]

Уголовная ответственность, предусмотренная в ст. 108 и 114 УК РФ, предполагает исключительно умышленную форму вины, образующую субъективную сторону преступления, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. Умысел, как форма вины, может быть прямым или косвенным.

По отношению к указанным положениям в части умышленности деяний среди ученых, в принципе, наблюдается согласие с законодателем, однако в отношении вида умысла — косвенный и/или прямой — особого единства нет.

В соответствии со ст. 25 УК РФ, применительно к деяниям в состоянии эксцесса необходимой обороны, косвен-

ный умысел, направленный на причинение вреда, имеет место, если обороняющийся осознает и предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но не желает их наступления либо относится к этому безразлично. При прямом умысле лицо не только осознает и предвидит возможность наступления негативных последствий, но и допускает и желает наступления этих последствий.

Действительно, вред, который обороняющийся причиняет, не является целью необходимой обороны, он выступает вынужденным средством достижения цели — пресечение общественно опасного посягательства на охраняемые блага, т. е. причинение вреда не является желанием обороняющегося, т. к. его основной мотивацией выступает защита себя и других лиц, общества, государства от общественно опасного деяния.

Однако в состоянии необходимой обороны, обороняющийся своими действиями может причинить тяжкий вред здоровью посягающему, а также смерть, не желая этого, в связи с чем, ряд авторов, полагает, что эксцесс обороны возможен исключительно при косвенном умысле (Э. В. Кабурнеев, В. Н. Ткаченко и др.), аргументируя это тем, что вред, который обороняющийся причиняет посягающему, не является для него целью необходимой обороны, он вынужденный. [2]

Так приговором Головинского районного суда г. Москвы был осужден С. А. Волков по ч. 1 ст. 114 УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при эксцессе необходимой обороны.

В момент потасовки футбольных болельщиков двух команд на привокзальной площади люди, стоящие у терминала, побежали в зону прилета вверх по лестнице, а Волков оказался у них на пути. Оценив сложившуюся обстановку и имея при себе травматическое оружие на законных основаниях, Волков решил, что его преследуют с целью применить насилие, и хотел произвести предупредительный выстрел в воздух. Однако в этот момент Волков оступился на лестнице и случайно выстрелил в толпу, причинив тяжкий вред Ц. — одному из людей, бегущих в его сторону.

Очевидно, что никакого желания причинить тяжкий вред здоровью Ц. у Волкова не было, неверно оценив ситуацию, он увидел опасность для себя и защищался наиболее подходящим для него на тот момент способом, а именно достав оружие самообороны с целью произвести предупредительный выстрел.

Однако он осознавал, что применение оружия в многолюдном общественном месте несет социальную опасность, он сознательно допустил преступные последствия своего

деяния, но не желал этого. Следовательно, в его действиях усматривается косвенный умысел на причинение вреда при эксцессе необходимой обороны. [3]

Некоторые ученые, например, Н. Г. Вольдимарова, И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов, высказываются за возможность существования и прямого, и косвенного умысла при эксцессе необходимой обороны, ссылаясь на то, что обороняющийся осознает возможность пресечения посягательства путем причинения вреда посягающему и положительно оценивает свои действия.

Однако констатировать прямой умысел в данном случае не представляется возможным, т. к. при совершении преступления недостаточно лишь одного желания наступления преступных последствий, необходимо, чтобы эти последствия действительно наступили, т. е. при наличии желания причинить тяжкий вред здоровью либо убить посягающего, обороняющийся действительно его причиняет либо убивает. Только в данном случае можно говорить о наличии прямого умысла.

Так приговором Ленинского районного суда г. Томска была осуждена А. Е. Кухальская за убийство при эксцессе необходимой обороны. Во время ссоры в квартире, находясь в состоянии алкогольного опьянения, К. А. толкнул Кухальскую на пол и стал ее избивать. Испытывая сильную физическую боль, она стала наощупь искать какой-либо предмет, чтобы отразить нападение К. А. Нашупав нож, Кухальская стала хаотично махать им перед К. А. и в какой-то момент почувствовала, как нож вонзился

в грудь К. А., в результате чего К. А. впоследствии скончался в больнице.

В данной ситуации, осужденная сознательно своими действиями вызвала ряд последовательных событий, допустив осмысленно причинно-следственную связь между действием и общественно-опасным последствием, т. е. размахивая ножом, допустила смертельное ранение К. А. [4]

Иными словами она, определенно осознавала опасность своих манипуляций с ножом и предвидела возможность наступления тяжких последствий, но ее целью было желание прекратить избиение со стороны К. А., в том числе и путем причинения ему вреда общественно-опасным способом, т. к. иного способа предотвратить посягательство она не видела. Вызов Кухальской скорой помощи и полиции, совершенные сразу же после происшествия, а также попытка оказать первую помощь К. А. свидетельствуют о том, что прямого умысла убить К. А. у нее опять же не было, а свои действия осужденная не оценивала положительно, т. к., в том числе, она полностью признала свою вину и раскаялась в содеянном.

В подобных случаях следует согласиться с мнением И. Г. Гусейнова, что в принципе «... любое действие обороняющегося в состоянии необходимой обороны совершается с косвенным умыслом, т. к. может привести к причинению тяжкого вреда или к смерти...» [1] без наличия на то желания обороняющегося. Ввиду этого действия, совершенные с косвенным умыслом, всегда должны рассматриваться в рамках норм о необходимой обороне.

Литература:

1. Гусейнов И. Г. Субъективная сторона преступления, связанного с превышением пределов необходимой обороны // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). С. 148.
2. Даровских Д. А. Умысел в преступлениях при превышении пределов необходимой обороны // Электронный журнал: Молодой ученый. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/12/998/> (дата обращения: 8.12.2019).
3. Дело № 1–43/2011 — Приговор Головинского районного суда города Москвы от 25.02.2015 года. // Информационно-правовой портал: Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <http://sud-praktika.ru/precedent/61273.html>
4. Дело № 1–45/2017 — Приговор Ленинского районного суда города Томска от 21 марта 2017 г. // Информационно-правовой портал: Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <https://sudact.ru/>
5. Камынин В. В. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2961.

Проблема маркировки лекарственных препаратов в Российской Федерации

Булышева Наталья Алексеевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

В статье автор пытается выделить основные проблемы маркировки лекарственных препаратов в Российской Федерации. Поэтапный переход всех участников рынка на маркировку лекарственных препаратов.

Ключевые слова: маркировка, лекарственные препараты, ценообразование на лекарственные препараты.

Маркировка — это специальный криптографический код, нанесенный на упаковке лекарственных препаратов. По этому коду система контроля сможет отследить движение любого лекарства от производителя до покупателя.

Федеральный закон от 28.12.2017 N 425-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» [2, с. 9] в Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [1]. Он обязывает маркировать лекарства средствами идентификации, а участников оборота отчитываться в систему Мониторинга движения лекарственных препаратов (МДЛП) обо всех операциях с маркированными лекарствами.

Участниками маркировки лекарственных препаратов являются:

- Производители — они регистрируют лекарства, отчитываются о введении нового кода в оборот;
- Дистрибьюторы — регистрируют получение препарата и передачу его в аптеки;
- Аптеки — фиксируют прием препарата от дистрибьютора, продажа покупателю;
- Медицинские центры — отмечают поступление препарата от дистрибьютора, списание для оказания услуг.

Согласно вносимым изменениям в Федеральный закон N 61-ФЗ запуск обязательной маркировки лекарственных препаратов должен был начаться с «01» января 2020 года, но производители, дистрибьюторы, аптеки и медицинские центры оказались не готовыми к изменениям. Так было разработано и утверждено Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2019 № 1954 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2018 г. № 1556» [3], которым предусмотрено поэтапное внедрение системы мониторинга до 1 июля 2020 года. Это необходимо для адаптации российского рынка лекарственных препаратов к новой информационной системе. Принятие постановления обеспечит гарантированную устойчивость лекарственного обеспечения населения, позволит не допустить срыва поставок лекарственных препаратов для медицинского применения. Субъекты обращения лекарственных средств по всей товаропроводящей цепочке в масштабах Российской Федерации смогут отработать промышленное функционирование системы мониторинга.

Вместе с тем, внесены также и поправки в закон об обращении лекарственных средств — соответствующий Федеральный закон от 27.12.2019 N 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» и Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»». Теперь без маркировки могут продаваться лекарства для обеспечения лиц, страдающих отдельными видами болезней, произведенные до 31 декабря 2019 года, а также любые другие препараты, произведенные до 1 июля 2020 года. Следовательно, такие лекарственные препараты

можно хранить, перевозить, продавать без нанесения маркировки до истечения срока годности.

Разберем, с какими же проблемами столкнулись производители, дистрибьюторы, аптеки и другие фармацевтические организации.

Упомянутые отдельные виды болезней: гемофилия, муковисцидоз, гипопизарный нанизм, болезнь Гоше, злокачественные новообразования лимфоидной, кроветворной и родственных им тканей, рассеянный склероз, а также это касается препаратов для лиц после трансплантации.

Но если в продаже есть также и маркируемые лекарства (например, по приведенному списку болезней, изготовленные уже в этом году), то об их реализации надо отчитываться и платить налог в соответствии с другими системами налогообложения. Тогда следует вести отдельный учет (Письмо ФНС России от 30.12.2019 N СД-4-3/27173@ «О направлении письма Минфина России от 20.12.2019 N 03-11-09/100308» (вместе с Письмом Минфина России от 20.12.2019 N 03-11-09/100308)) [4].

Также по данным президента Союза ассоциаций и предприятий медицинской промышленности «Росмедпром» Юрия Калинина, 40 % производителей лекарств либо только получили оборудование для маркировки, либо заканчивают его настройку. У крупных зарубежных производителей готовность к маркировке еще меньше. «Готовы с 1 января 2020 года печатать на упаковке криптокод не более 30 % производственных линий. И это весьма продвинутая фирма, имеющая хорошие финансовые возможности», — отмечает исполнительный директор Ассоциации международных фармацевтических производителей (АИМ) Владимир Шипков. Также не все аптеки и медучреждения в сельской местности и отдаленных частях России будут к 2020 г. обеспечены нужным оборудованием — а значит, не смогут работать после введения обязательной маркировки. Сейчас еще есть проблемы в работе информационных систем для маркировки и единого электронного справочника — каталога лекарств.

Исполнительный директор «Союзфарма» Марина Литвинова называет цифру 40 % подключений к «Честному знаку» слишком оптимистичной. По ее данным, готовность на рынке не превышает 12 %, это только те, кто приобрел оборудование для считывания кодов маркировки, в основном крупные аптечные сети. Исполнительного директора Ассоциации независимых аптек Викторию Преснякову беспокоит ситуация в регионах, особенно в отдаленных. «Аптеки не могут в течение 4 недель получить хотя бы одну коробку промаркированного товара, чтобы протестировать, как это будет работать», — сетует она. [5]

Ещё одна проблема с которой могут столкнуться не только производители, дистрибьюторы, аптеки и медучреждения, а также и покупатели, это повышение стоимости лекарственных препаратов после нанесения маркировки.

Как утверждает первый заместитель министра промышленности и торговли РФ Сергей Цыб, что лекарственные

препараты не подорожают после маркировки. Также он говорит о том, что в конце 2019 года в действующее законодательство были внесены соответствующие поправки. Согласно постановлению правительства, внедрение маркировки должно осуществляться поэтапно до первого июля 2020 года. Поэтому, по словам замминистра, работа ведется в плановом режиме со всеми органами исполнительной власти, которые в этом задействованы, на этапах обращения лекарственных препаратов по всей цепочке их обращения. [6]

Ещё один аспект, который придётся учитывать в 2020 году, это введение обязательной перерегистрации цен на лекарства, внесённые в перечень ЖНВЛП. По словам премьер-министра Дмитрия Медведева, обязательная перерегистрация будет применяться, если производитель завышает стоимость препарата для России по сравнению с зарубежной ценой [7].

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что принудительное снижение регистрационных цен на дорогостоящие лекарственные препараты, даже без согласия

производителя, может привести к отказу от поставок инновационных препаратов, в том числе тех, которые в России пока не производятся. Введение принудительной маркировки может повлиять на стоимость лекарственных препаратов, так как понесенные затраты на установку оборудования для этого должны оправдать себя.

В свою очередь мы можем столкнуться с тем, что если покупателю не могут продать лекарственный препарат, на котором не считывается код, то по правилам данный препарат должны вернуть производителю. Но если данный код не считывается со всей партии препарата? Если лекарственный препарат нужен покупателю сейчас? Таким образом, покупатель должен искать другую аптеку или организацию, где есть данный препарат. Такая проблема решаема в крупных городах России, но если это сельская местность или удаленный уголок России? Данную проблему можно решить предоставлением государством во временное пользование или предоставление скидок для приобретения специализированного оборудования для считывания кодов, либо для их нанесения в сельские места.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // «Российская газета», N 78, 14.04.2010.
2. Федеральный закон от 28.12.2017 N 425-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // «Собрание законодательства РФ», 01.01.2018, N 1 (Часть I), — 9 с.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2019 № 1954 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2018 г. № 1556» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001090008>.
4. Письмо ФНС России от 30.12.2019 N СД-4-3/27173@ «О направлении письма Минфина России от 20.12.2019 N 03-11-09/100308» (вместе с Письмом Минфина России от 20.12.2019 N 03-11-09/100308) // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=342809&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9017823281119793#04048920296796329>.
5. Статья «Аптеки рискуют остаться без лекарств» // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/217626301>.
6. Статья Елены Акимовой «В Минпромторге заверили, что после введения маркировки лекарства не подорожают» // <https://www.kp.ru/online/news/3736156/>.
7. Статья «Надо ориентироваться на интересы пациента»: что станет с дефицитными лекарствами в 2020 году» // <https://russian.rt.com/russia/article/703654-lekarstva-deficit-krizis-itogi-prognoz/amp>

Виды персональных данных в действующей правовой системе Российской Федерации

Вайнберг Мария Владиславовна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Понятие персональных данных содержится в том числе в ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [1] (далее по тексту — ФЗ о п/д). Согласно указанной норме, персональными данными является любая информация, относящаяся к прямо или кос-

венно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

В Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. [2], которая стала обязательной для Российской Федерации с 1

сентября 2013 года, персональные данные определяются как любая информация об определенном или поддающемся определению физическом лице (ст. 2).

Ни в первом, ни во втором из названных нормативных актов понятие персональных данных не конкретизируется, поэтому данный законодательный пробел активно пытаются заполнить доктрина.

Так, например, А. В. Кучеренко классифицирует персональные данные исходя из необходимости их обработки, предусмотренной законом. Исследователь выделяет персональные данные, которые обрабатываются:

- с момента государственной регистрации рождения (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения);
- с момента внесения записи в соответствующие документы (семейное положение, образование, профессия, доходы и т. д.);
- по прямому указанию закона и не требуют дополнительного оформления (социальное и имущественное положение, расовая и национальная принадлежность, политические взгляды и т. п.) [3, с. 190].

При этом исследователь упускает из внимания группу персональных данных, которую, по нашему мнению, в обязательном порядке следует выделять — это персональные данные, которые включаются в информационную систему. Мы полагаем, что указание на данную группу персональных данных прямо содержится в п. 1 ст. 1 ФЗ о п/д, который говорит о регулировании отношений, связанных с обработкой персональных данных, с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях. В настоящее время именно защита таких данных в связи с хищениями электронных баз данных и торговлей ими является наиболее приоритетным и актуальным вопросом.

В другом исследовании, автором которого выступает А. М. Лушников, выделяются иные виды персональных данных [4, с. 93–101], в частности:

- имя, фамилия, отчество и данные документа, удостоверяющего личность субъекта;
- пол, возраст, анатомические характеристики (рост, вес и т. д.) и биометрические данные гражданина;
- наличие у физлица образования, в том числе специального и/или дополнительного;
- состояние здоровья гражданина и его сексуальная ориентация;
- национальная, этническая и расовая принадлежность субъекта, а также его религиозные и политические убеждения, принадлежность к конфессии, членство в политической партии и т. п.;

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // Российская газета. — N 165. — 29.07.2006.
2. «Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981; (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной

- информация о месте жительства, а также привычках и увлечениях гражданина, особенностях его взаимоотношений с другими людьми (в т. ч. семейное положение, наличие детей, родственные связи и пр.);
- биография физлица, в том числе сведения о его трудовой деятельности (место предыдущей работы, размер заработка, судимость, служба в армии, выборные должности, государственная служба и т. д.);
- финансовое положение лица (его доходы, долги, владение имуществом и т. п.);
- носящие оценочный характер сведения о деловых и иных личных качествах гражданина.

Предложенная классификация, на наш взгляд, является в настоящее время максимально полной. Однако мы считаем, что реалии современного образа жизни требуют добавить в данный перечень еще один пункт — сведения о кредитной истории, поскольку они очень часто играют существенную роль при решении субъектом различных вопросов экономического характера.

Анализируя приведенные классификации, рискнем предложить собственное деление персональных данных на:

- **общедоступные**, так называемые «анкетные» (ФИО, дата и место рождения, паспортные данные, сведения об образовании, профессиональных навыках, трудовой деятельности и др.). Источниками такой информации могут быть справочники, обзоры, адресные книги. По требованию субъекта персональных данных анкетные сведения должны быть исключены из источника персональных данных, находящегося в открытом доступе (п. 1 ст. 8 ФЗ о п/д);
- **специальные**, характеристика которых содержится в ст. 10 ФЗ о п/д и к которым относятся расовая и национальная принадлежности, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, состояние здоровья, интимная жизнь. Обработка специальных персональных данных возможна только в случаях, предусмотренных указанной статьей ФЗ о п/д и должна быть прекращена, если устранены причины, вызвавшие необходимость такой обработки;
- **биометрические**, к которым, согласно п. 1 ст. 11 ФЗ о п/д, относятся сведения, содержащие характеристики физиологических и биологических особенностей человека, дающие возможность установления его личности. Обработка таких данных возможна только с согласия их субъекта, исключая случаи, предусмотренные в ст. 11 ФЗ о п/д.

обработке персональных данных (СДСЕ N 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // Собрание законодательства РФ. — 03.02.2014. — N 5. — ст. 419.

3. Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. Сборник материалов XV Региональной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых // Научные издания ТГПУ им. Л. Н. Толстого. URL: <http://tsput.ru/fb/int/Исследовательский%20потенциал/2019/> (дата обращения: 21.01.2020).
4. Лушников А. М. Защита персональных данных работника: сравнительно-правовой комментарий гл. 14 Трудового кодекса РФ // Трудовое право. — 2009. — № 9. — С. 93–101.

Актуальные проблемы защиты персональных данных при их обработке в информационных системах

Вайнберг Мария Владиславовна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В эпоху активного развития интернет-технологий вопрос правовой защиты персональных данных граждан стоит особенно остро. При этом одной из главных проблем, на которую обращают внимание исследователи, является: «...латентный характер посягательств на частную жизнь граждан» [1, с. 62]. Речь идет о том, что в ряде случаев субъект персональных данных вполне может не догадываться о том, что соответствующие сведения о нем незаконным образом собираются, обрабатываются, хранятся, изменяются и/или передаются третьим лицам.

Актуальным примером такого неправомерного использования персональных данных является распространение в сети Интернет соответствующих адресно-телефонных справочников. Увы, год от года количество таких нарушений только растет. Так, согласно публичному докладу Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в 2016 году был заблокирован 21 адресно-телефонный справочник и прекращена неправомерная обработка персональных данных 70 млн человек, а уже через год, в 2017-м, Роскомнадзор внес в реестр нарушителей 59 адресно-телефонных справочников, которые распространяли персональные данные пользователей без правовых оснований, и данные справочники обрабатывали личные данные уже более 100 млн человек [2, с. 70].

С учетом роста количества нарушений, по нашему мнению, целесообразно говорить о расширении полномочий органов Роскомнадзора по проведению внеплановых проверок по жалобам граждан. При этом только ужесточением ответственности вряд ли можно решить проблему — необходимо также использовать дополнительные меры информирования граждан и операторов персональных данных о требованиях закона и о возможных последствиях его нарушений.

Еще одной важной проблемой в рассматриваемой сфере является отсутствие четкой правовой регламентации процесса трансграничной передачи персональных данных рос-

сийских граждан — в глобальной информационной среде нет географических и геополитических границ, что закономерно способствует появлению неурегулированных правом общественных отношений и влияет на отсутствие надлежащей правовой защиты их участников.

Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [3], придерживаясь общей тенденции российского законодательства, определяет некие направления в сфере пресечения противоправной деятельности интернет-ресурсов за пределами Российской Федерации. Так, он устанавливает, что трансграничная передача персональных данных на территории иностранных государств может быть запрещена или ограничена в целях обеспечения защиты конституционных основ Российской Федерации, обеспечения нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, а также государственной безопасности (п. 1 ст. 12 ФЗ). Оператор персональных данных в этом случае, соответственно, обязан осуществлять адекватную защиту прав субъектов, чьи персональные данные подвергаются трансграничной передаче (п. 3 ст. 12 ФЗ).

При этом, несмотря на использование такой терминологии, закон не содержит определения понятия «адекватная защита». В связи с этим, по нашему мнению, возникает возможность неоднозначного толкования действий (бездействия), связанных с трансграничной передачей персональных данных, что становится благодатной почвой для различного рода злоупотреблений.

Определяя смысл и содержание понятия «адекватная защита», следует учитывать, что в ряде случаев при трансграничной передаче персональных данных государства-участники Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [4] вправе в некоторой степени отступать от принципов адекватности в пользу обеспечения собственной национальной безопасности. В связи с этим логично не просто определить на законодательном уровне адекватную защиту, но и ввести критерии, позволяющие провести границу ме-

жду адекватной и неадекватной защитой субъектов персональных данных.

Обращаясь к судебной практике по рассматриваемой теме, отметим, что в ряде случаев суды сталкиваются с низкой юридической грамотностью истцов, ошибочно трактуя размещение информации о себе в качестве нарушения соответствующего законодательства; кроме того, нередко они неверно определяют круг сведений, относимых к охраняемой информации.

Так, в апелляционном определении Верховного Суда Республики Татарстан по делу № 33–6211/2015 от 27 апреля 2015 г. [5] указано, что, в частности, голос человека не отнесен к числу биометрических персональных данных, защита которых осуществляется в соответствии с законом, в связи с чем истцу было отказано во взыскании компенсации морального вреда.

При этом Верховный суд РФ в своем определении № 307-КГ18–101 по делу № А42–342/2017 от 05 марта 2018 г. [6] указал на то, что фотографии <сотрудников и посетителей организации>, необходимые для установления личности, относятся к биометрическим персональным данным, то есть чтобы использовать их на пропусках, нужно письменное согласие гражданина.

Четвертый арбитражный апелляционный суд, рассматривая дело, связанное с персональными данными граждан, которые откликнулись и/или претендовали на вакантное место в организации, указал на то, что работодатель имеет право обрабатывать персональные данные соискателей на вакантные должности и хранить их резюме, формируя в том числе электронную базу данных («кадровый резерв»), но лишь в случае получения от них письменного согласия на соответствующие действия. При этом если кандидату отказывают в приеме на работу, все предоставленные им данные подлежат уничтожению [7].

Таким образом, имеющееся в законодательстве определение субъекта персональных данных в настоящее время не в полной мере отвечает запросам современного общества и, очевидно, назрела необходимость легальной конкретизации его содержания с учетом сложившихся тенденций правоприменения.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время гарантии защиты персональных данных, а также прав и законных интересов граждан в должной мере не обеспечиваются, а в рассматриваемой сфере имеется множество как теоретических, так и правоприменительных проблем.

Литература:

1. Даукаев И. М., Журавленко Н. И. Проблемы правовой и организационной защиты персональных данных (монография) // Международный журнал экспериментального образования. — 2013. — № 9. — С. 62–63;
2. Публичный доклад Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 2017 г. // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: https://rkn.gov.ru/docs/doc_2326.pdf (дата обращения: 20.01.2020).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // Российская газета. — N 165. — 29.07.2006.
4. «Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ N 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // Собрание законодательства РФ. — 03.02.2014. — N 5, ст. 419.
5. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан № 33–6211/2015 от 27 апреля 2015 г. по делу № 33–6211/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xiPJzn4JSDxq/> (дата обращения: 21.01.2020).
6. Определение Верховного Суда РФ от 05.03.2018 N 307-КГ18–101 по делу N А42–342/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2018 N 04АП-127/2018 по делу N А19–17054/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Вспомогательные репродуктивные технологии и репродуктивный туризм в Российской Федерации

Гибина Ася Игоревна, студент магистратуры

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

В статье рассматриваются правовые проблемы применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в Российской Федерации, а также вопросы репродуктивного туризма и направления репродуктивных миграционных процессов.

Ключевые слова: *вспомогательные репродуктивные технологии, ВРТ, медицинские технологии, репродуктивный туризм, репродуктивные права, суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение, ЭКО, репродуктивные миграционные процессы, in vitro, биоэтика.*

В 1932 году О. Хаксли в своем романе «О дивный новый мир» писал о контроле над рождаемостью в будущем и рассуждал о возможных последствиях такого контроля в присущей антиутопии манере [8]. Вымысел в какой-то степени стал реальностью и, на сегодняшний день, контроль рождаемости требует актуальных законодательных решений. На сегодняшний день, юриспруденция вынуждена охватывать те области, которые ранее не входили в предмет регулирования. Те области, в которых достигли успехов медики, остаются юридически неразработанными.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) — бесспорно, представляют собой олицетворение современных инноваций в области биомедицины. Такие медицинские технологии включают в себя различные методы преодоления бесплодия, такие как: ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), услуги суррогатного материнства, донорство биологического материала и т. п. [1]. Проблема применения вспомогательных репродуктивных технологий имеет комплексный характер, так как находится одновременно в нескольких плоскостях — медицины и биоэтики, юриспруденции, социологии, религии, экономики, порождает споры морально-этического и юридического характера.

К сожалению, на данный момент в Российской Федерации не ведется комплексная статистика применения ВРТ и результатов такого применения. Согласно данным Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ), постоянно возрастает количество проведенных циклов ВРТ и возрастает количество центров ВРТ по стране. Статистика ведется с 1995 года и, например, если в 1995 году было осуществлено 3690 циклов ВРТ, то по имеющимся данным на 2017 год — осуществлено 139779 циклов; а количество центров возросло с 12 до 220 соответственно [9]. Но, к сожалению, не все центры зарегистрированы в реестре и не все предоставляют статистическую информацию для обработки в РАРЧ, которая впоследствии передает информацию в международные статистические центры. Мы можем говорить лишь об общей тенденции возрастания таких правоотношений.

В Российской Федерации нет единого правового акта, посвященного регулированию вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Законодательство в данной области разрознено и носит фрагментарный характер, что, на наш взгляд, не соответствует темпам развития техноло-

гий репродукции. Основные вопросы репродуктивных прав регулируют: Конституция Российской Федерации [2], положения Семейного кодекса [3], Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан» [1], Приказ Минздрава России от 30.08.2012 N 107н (ред. от 01.02.2018) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [4].

Понятие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) сформулировано в ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ. Согласно закону вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства) [3]. Из определения понятно, что характерным признаком именно ВРТ является осуществление манипуляций *in vitro* с целью репродукции.

Недостаточно урегулированные отношения применения репродуктивных технологий также могут быть осложнены иностранным элементом, принимающим участие в данных правоотношениях. Эта проблема наиболее актуальна в связи с популярностью такого метода ВРТ, как суррогатное материнство. Поскольку в Российской Федерации на законодательном уровне не запрещено суррогатное материнство (как альтруистическое, так и коммерческое), а в ряде стран существует запрет на такого рода манипуляции (к таким странам относятся — Германия, некоторые штаты США), то иностранные граждане пользуются услугами суррогатных матерей на территории России. Не только суррогатное материнство, но и другие методы ВРТ также популярны среди иностранных граждан, ведь в Российской Федерации иностранные граждане могут пользоваться методами ВРТ.

Репродуктивные потоки могут быть как внутренними, так и внешними. Внутренние репродуктивные потоки — перемещение граждан внутри государства, вызванное необходимостью получения медицинских услуг репродуктивного характера в другом регионе. Внешние потоки — перемещение иностранных граждан из страны принадлежности

в страну осуществления репродуктивных медицинских услуг. Противоречивое законодательное урегулирование вопросов суррогатного материнства оставляет участников таких правоотношений незащищенными.

Осложнение репродуктивных отношений иностранным элементом с одной стороны позволяет найти точки соприкосновения и взаимодействия между государствами как в медицинской, так и в правовой сфере, с другой может привести к распространению так называемого репродуктивного туризма. О положительных и отрицательных сторонах этого процесса в доктрине до сих пор ведутся споры. В такой ситуации иностранные граждане въезжают в страну с целью осуществления процедур ВРТ на территории этой страны, что связано с запретом в их государстве осуществления подобного рода манипуляций. Можно сказать, что репродуктивный туризм — это разновидность медицинского туризма или миграции в медицинских целях [5]. Существуют различные взгляды на формулировку данного явления, однако мы в нашей работе будем использовать именно термин — репродуктивный туризм, поскольку данное определение является сложившимся в юридической доктрине. Однако, не следует рассматривать слово «туризм» в прямом смысле, так как в данном случае это скорее разновидность миграционного процесса. С туристическим бизнесом, на наш взгляд, данный процесс не связан, либо связан косвенно (в вопросах приобретения билетов, размещения, сопровождения и т. п.). В российском законодательстве о туризме нет такой разновидности туризма как репродуктивный.

Основной целью так называемых репродуктивных туристов является получение квалифицированной медицинской помощи за определенную плату на территории той страны, в которую они въезжают. Причина — дифференциация репродуктивного законодательства: невозможность получения медицинских услуг на территории собственной страны, либо большое количество запретов при доступе к процедурам, высокая стоимость, соображения конфиденциальности и анонимности, отсутствие специалистов.

Стоит отметить, что репродуктивный туризм охватывает не только территорию Российской Федерации. В этот процесс также вовлечены другие государства, например, США, Израиль, где методы ВРТ осуществляются на высоком уровне [6]. Наоборот, в Италии и Германии много запретов на использование методов ВРТ внутри страны. Соответственно, репродуктивный миграционный поток направлен из этих стран в страны реализации репродуктивных технологий.

Правовые проблемы и правовые пробелы имеют место быть при применении методов ВРТ. Ситуации, когда суррогатные матери отказываются отдавать ребенка биологическим родителям или, наоборот, биологические родители отказываются от ребенка, рожденного суррогатной матерью — остаются областью плохо урегулированной. На данный момент, законодательство Российской Федерации находится на стороне суррогатной матери признавая ее приоритет в вопросе передачи ребенка после рождения, так как суррогатная мать может отказаться давать согласие на запись потенциальных родителей в свидетельство о рождении.

И такие ситуации имели место быть на практике, после чего в Постановлении Пленума Верховного Суда данный вопрос был освещен. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» в п. 30 указал, что отказ суррогатной матери на запись родителей не может являться безусловным отказом в удовлетворении иска о признании их родителями рожденного ребенка. Суду следует принять во внимание договор о суррогатном материнстве, а также причины отказа суррогатной матери в передаче ребенка [7]. Однако, на наш взгляд, такого урегулирования столь важного вопроса недостаточно и необходимо непосредственное законодательное урегулирование таких ситуаций. Вопрос еще больше осложнится, если потенциальными родителями будут выступать граждане иностранных государств. Возникнет вопрос о коллизионных привязках и применимом законодательстве. Может возникнуть вопрос о гражданстве ребенка, чьи потенциальные родители являются гражданами иностранных государств. В контексте правового пробела такая ситуация может крайне негативно сказаться на судьбе рожденного ребенка, защите его прав и законных интересов.

Следовательно, необходима разработка и внедрение норм в семейное законодательство, регулирующих вопросы установления материнства и отцовства в ситуации применения ВРТ. Требуется разработка концепции договора о суррогатном материнстве, детальная проработка потенциальных проблем и вопросов. Должны быть сформулированы изменения и дополнения в действующее законодательство, расширено урегулирование вопросов применения методов ВРТ на территории Российской Федерации иностранным гражданам, а также разрешены вопросы репродуктивного туризма в Российской Федерации.

Литература:

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 13.01.2020) // Российская газета. — 2011. — № 263.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 года) (в ред. от 21 июля 2014) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995, № 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16

4. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к применению: Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) // Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 № 27010.
5. Юсупова О. Г. Репродуктивный туризм: дети, технологии и миграция // Еженедельник «Демоскоп Weekly». — 2012. — № 509–510. — С. 1–30.
6. Matorras R (December 2005). Reproductive exile versus reproductive tourism. Human Reproduction. 20 (12): 3571.
7. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017. — № 16.
8. Хаксли Олдос. О дивный новый мир. — М.: АСТ, 2018. — 350 с.
9. Российская Ассоциация Репродукции Человека // парч. URL: <http://www.rahr.ru/index.php> (дата обращения: 21.01.2020).

К вопросу об административной ответственности страховых организаций при заключении публичных договоров страхования на примере ОСАГО

Глушкова Марина Николаевна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье анализируются проблемы в сфере обязательного страхования автогражданской ответственности, предложены пути разрешения сложившихся проблем в данном сегменте страхования.

Ключевые слова: обязательное страхование автогражданской ответственности, страхователь, страховщик, проблемы в сфере ОСАГО, административная ответственность, ДТП.

Одним из основных институтов развития современной отечественной экономики в Российской Федерации можно назвать институт страхования.

Из всего многообразия видов страхования, основополагающую нишу занимает обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО). Это обусловлено, прежде всего, его особой правовой регламентацией. Законодатель строго устанавливает обязательное наличие полиса ОСАГО. [4] Таким образом, в Российской Федерации, в случае отсутствия вышеуказанного полиса, предусмотрена административная ответственность. Так, ст. 12.37 КоАП РФ за подобное правонарушение предусматривает штраф в размере восьмисот рублей [1]

Для того, чтобы перейти к проблематике вопроса, необходимо разобраться с понятиями:

Страхователь — Страхователями признаются юридические лица и дееспособные физические лица, заключившие со страховщиками договоры страхования либо являющиеся страхователями в силу закона. [3, ст. 5]

Страховщик — страховые организации и общества взаимного страхования, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации для осуществления деятельности по страхованию, перестрахованию, взаимному страхованию и получившие лицензии на осуществление соответствующего вида страховой деятельности в установленном настоящим Законом порядке. Страховые организации, осуществляющие исключительно деятельность по перестрахованию, являются перестраховочными организациями. [3, ст. 6]

Одним из основных законов, который регулирует данную сферу правоотношений является Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Положения данного федерального закона не лишены пробелов. Так, не рассмотрен вопрос о такой проблеме на рынке страхования как навязывание страховыми организациями дополнительных видов страхования при заключении договора ОСАГО. Данный аспект, закреплен лишь в КоАП РФ. [2]

Неоспорим тот факт, что страхование автогражданской ответственности владельцев транспортных средств, по своей сути, является убыточным видом страхования. И для того, чтобы минимизировать потери, страховые организации понуждают к заключению дополнительных видов страхования в комплект к полису ОСАГО, например, страхование жизни, недвижимости и так далее. [6, с. 107]

Ст. 15.34.1 КоАП РФ предусматривает административную ответственность в виде наложения штрафа за необоснованный отказ от заключения публичного договора страхования, либо навязывание страхователю, изъявившему желание заключить договор обязательного страхования дополнительных услуг. [1]

По мнению Исеева М. Р. навязывание дополнительных услуг при оформлении договора ОСАГО вызвано прежде всего:

1. Повышением страховых выплат;
2. Множеством мошеннических схем. [5]

В соответствии со статьей 1 данного закона продавец не имеет право навязывать покупателю дополнительный товар или услугу, которые выступают в качестве дополнения к приобретаемым покупателем товарам. Приобретение одних услуг не должно быть обусловлено приобретением других услуг.

Для решения данной проблемы, необходимо ввести адекватную систему «сдержек и противовесов», то есть найти баланс, который удовлетворял бы и страхователя, и страховщика. В связи с этим с 1 июня 2019 г. действует совершенно новый для Российской Федерации институт — институт финансового омбудсмена. Данный институт, призван минимизировать расходы страховщиков, связанные с судебными издержками, а также уменьшение доли выплат по договорам цессии (договор уступки права требования). Все это, в совокупности, должно иметь положительную динамику. Насколько такое нововведение окажется эффективным, покажет время.

В своей научной работе Исеев М. Р. предлагает ужесточить ответственность страховых организаций, в случае нарушения законодательства РФ, а именно, увеличить размер штрафных санкций. [5]

Размер штрафа, при возникновении вышеописанного случая, составляет для юридических лиц от 100 до 300 тысяч рублей. Следует отметить, что данная сумма, для крупных страховых организаций, не является существенной.

Ряд авторов, отмечают, что в настоящее время, поступает большое количество жалоб в контрольные органы на действия страховых организаций.

Исеев М. Р. приводит статистику полученных Российским союзом автостраховщиков жалоб на незаконные действия страховых организаций:

ОАО «Росгосстрах» — 74 %;
СОГАЗ — 7 %;
РЕСО — Гарантия — 6 %;
Альфа-страхование — 5 %;
ВСК — 2%. [5]

Закон, так или иначе, стоит на защите интересов непосредственно потребителей услуг в сфере страхования. Но также, стоит открытым вопрос, как обезопасить сферу страхования от мошеннических действий самих же потребителей услуг? Речь идет о страховании транспортных средств с единственной целью — получение выгоды, получение денежных средств путем инсценировки дорожно-транспортного происшествия (далее ДТП). И не всегда через судебные тяжбы, у страховщика есть возможность доказать, что авария — это следствие мошеннических действий.

Полагаю, что целесообразным будет также осуществить повышение тарифов на полисы ОСАГО, сделать их более индивидуальными, с учетом уровня возможного риска каждого водителя. Это позволит также снизить убыточность для страховщиков в данном сегменте страхования.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019) / [электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/
2. Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019) / [электронный источник] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/
3. Закон РФ от 27.11.1992 N 4015-1 (ред. от 01.05.2019) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» / [электронный источник] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/
4. Калашникова Я. Ю. Актуальные проблемы правового регулирования института ОСАГО в Российской Федерации / Я. Ю. Калашникова // «Наука. Общество. Государство». — 2017. — № 3 [электронный источник] / <http://esj.rnzq.ru>
5. Исеев М. Р. Навязывание дополнительных услуг при заключении договора ОСАГО как злоупотребление правом страховщиками / М. Р. Исеев // [электронный источник] / <https://www.eurasialegal.info/index.php/grazhdanskoe-pravo/5791-2017-09-15-06-26-19.html>
6. Меняйло Л. Н. К вопросу об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств / Л. Н. Меняйло // Юрьсть-Правоведь. — 2016. — № 4. — С. 106–110.

Правосубъектность индивидуального предпринимателя в российском законодательстве

Горлова Светлана Вениаминовна, кандидат юридических наук;

Спицына Ольга Юрьевна, студент магистратуры

Челябинский государственный университет

В статье рассмотрена правосубъектность индивидуального предпринимателя в российском законодательстве.

Автор характеризует особенности правового статуса индивидуального предпринимателя, рассматривает его место в системе гражданского права, анализирует законные ограничения.

Ключевые слова: гражданско-правовой статус, правосубъектность, индивидуальный предприниматель, самозанятый гражданин.

The article considers the legal personality of an individual entrepreneur in Russian legislation.

The author characterizes the peculiarities of the legal status of an individual entrepreneur, considers its place in the civil law system, and analyzes legal restrictions.

Keywords: civil status, legal personality, individual entrepreneur, self-employed citizen.

Деятельность индивидуального предпринимателя, являющегося субъектом гражданского права, начинается с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательской деятельности [1]. То есть, в результате регистрации возникает статус индивидуального предпринимателя.

С момента государственной регистрации в полной мере возникает правоспособность индивидуального предпринимателя, и он становится субъектом предпринимательской деятельности. Как считает А. И. Муранов, «на данный момент неразрешенным является вопрос о праве гражданина осуществлять те виды деятельности, которые не были указаны в свидетельстве о государственной регистрации» [2].

Рассматривая вопрос о специфике гражданской правосубъектности индивидуального предпринимателя, поддерживаем утверждение А. П. Сергеева о том, что «правосубъектность определяет, какими качествами должны обладать субъекты правового регулирования для того, чтобы иметь права и нести обязанности в соответствующей отрасли права» [3].

По мнению Ю. П. Кашириной «гражданская правосубъектность (правоспособность, дееспособность, сделкоспособность, деликтоспособность) является существенным элементом в структурной системе гражданско-правового статуса и выступает в качестве средства фиксации (закрепления) круга субъектов (лиц), обладающих способностью быть носителями субъективных гражданских прав и обязанностей» [4].

Автор полностью согласен с В. В. Якуниной, утверждающей, что «правосубъектность индивидуального предпринимателя представляет собой последовательное расширение общей правосубъектности гражданина, что выражается в дополнительной способности фактически осуществлять предпринимательскую деятельность, которой лишено физическое лицо, не прошедшее государственную регистрацию, и возложении на индивидуального предпринимателя

обязанности нести повышенную гражданско-правовую ответственность по своим обязательствам» [5].

Правосубъектность индивидуального предпринимателя наиболее полным образом отражена в утверждении В. В. Скоробогатовой: «правосубъектность индивидуальных предпринимателей является промежуточным звеном между правосубъектностью физических лиц и коммерческих организаций, находится под влиянием особенностей предпринимательской деятельности и качественных характеристик правоспособности, дееспособности, сделкоспособности и деликтоспособности обеих категорий названных субъектов гражданского права» [6].

В начале 1990-х годов, в период создания предпринимательства, возникли такие понятия, как «предприниматель без образования юридического лица», «частный предприниматель». С января 2005 года утвержден новый термин «индивидуальный предприниматель». Все индивидуальные предприниматели и предприниматели без образования юридического лица прошли процедуру перерегистрации для получения свидетельства нового образца.

С августа 2016 г. Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей находится в открытом доступе и по данным налоговой службы Российской Федерации на 10.01.2020 г. в нем насчитывается 3 млн 388 тысяч индивидуальных предпринимателей. За данный период количество предпринимателей увеличилось на 400 тыс., что составляет 13%.

С начала 2019 года в России тестируется новый налоговый режим — налог на профессиональный доход или налог на «самозанятых» граждан [9].

С января 2020 года Челябинская область в перечне субъектов Российской Федерации, включенных в эксперимент по установлению специального налогового режима — налога на самозанятых.

«Самозанятый гражданин — это физическое лицо, которое вправе заниматься определенными видами деятель-

ности, не регистрируясь в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица» [10].

На сегодняшний день самозанятые граждане — это лица, официально не трудоустроенные, не использующие наемный труд, не зарегистрированные в налоговых органах в качестве индивидуального предпринимателя, не платящие налогов, но имеющие регулярный доход.

У самозанятых граждан есть ограничения по видам деятельности. Они не могут: заниматься оптовой или розничной торговлей чужих товаров; работать по агентскому договору; добывать полезные ископаемые; торговать под акционными товарами, а также товарами, подлежащими обязательной маркировке; стать самозанятыми, если есть (или будут в будущем) наемные работники. Остальными видами самозанятые граждане могут заниматься, при условии, что предоставляют услуги лично, либо продают товар собственного производства.

По мнению автора, заинтересованность в приобретении статуса самозанятого у индивидуального предпринимателя, попадающего под условия для самозанятых лиц, будет выше, чем у таких физических лиц, как фрилансеры, домохозяйки. Для него (предпринимателя) преимуществом будет низкая налоговая ставка, отсутствие отчетности и применение контрольно-кассовой техники.

Самозанятый гражданин проходит регистрацию посредством мобильного приложения «Мой налог»; через Личный кабинет налогоплательщика «налога на профессиональный доход» на сайте Федеральной налоговой службы России; через уполномоченные банки; с помощью учетной записи Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Предлагается внести в действующее законодательство следующие изменения и дополнения: данные о самозаня-

тых содержать не в открытом доступе, а предоставлять по запросу; предусмотреть обязательное подтверждение квалификации по определенным видам деятельности самозанятых (массажисты, косметологи, мастера ногтевого сервиса, тренер по фитнесу и лечебной физкультуре и так далее).

Проблема самозанятых актуальна тем, что российское законодательство на данный момент в их отношении несовершенно; в том числе не определены меры административной ответственности перед потребителями.

Необходимо предусмотреть возможность применения положений закона «О защите прав потребителей», касающихся предъявления претензий к самозанятым и в момент реализации товаров или оказания услуг потребителю, и по истечении времени. У потребителя должна быть возможность вернуть товар ненадлежащего качества и получить взамен качественный товар, заново получить услуги или требовать возврата денежных средств.

Самозанятый, в случае возврата денежных средств потребителю, должен иметь возможность корректировки данных о сумме расчетов, ранее переданных в ФНС.

Таким образом, проанализировав содержание правосубъектности индивидуального предпринимателя и правосубъектности самозанятого, можно сделать вывод о том, что правосубъектность индивидуального намного шире правосубъектности самозанятого гражданина.

Это заключается в дополнительных возможностях индивидуального предпринимателя фактически осуществлять предпринимательскую деятельность, которых лишены самозанятые. Это обязывает индивидуального предпринимателя нести повышенную гражданско-правовую ответственность по своим обязательствам.

Литература:

1. Шапсугова М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук 12.00.03. — М., 2012. — 205 с.
2. Муранов А. И. Общая и специальная правоспособность индивидуального предпринимателя / «Законодательство» № 6, 7, июнь, июль, 2013.
3. Сергеев А. П. Гражданское право: Институт экономики и права И. Кушнера, — 2007.
4. Каширина Ю. П. Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации: автореферат дис. канд. юрид. наук 12.00.03. — Воронеж, 2012. — 210 с.
5. Якунина В. В. Гражданская правосубъектность индивидуального предпринимателя: проблемы возникновения и прекращения: дис. канд. юрид. наук 12.00.03. — Ростов н/Д, 2009. — 197 с.
6. Скоробогатова В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве: дисс. канд. юрид. наук 12.00.03. — Екатеринбург, 2010. — 226 с.
7. Федеральный закон от 21.12.2013 N 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017.).
8. Электронный ресурс <https://yakapitalist.ru/finansy/skolko-predprinimateley-v-rossii/> (Дата обращения 15.01.2020).
9. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в республике Татарстан (Татарстан)» от 27.11.2018 № 422-ФЗ (последняя редакция).
10. Шуваев Е. А Статус гражданина, зарегистрированного в качестве самозанятого, и проблемы налогообложения доходов самозанятых лиц: Российский юридический журнал № 2. — 2019.

Особенности банкротства индивидуального предпринимателя по законодательству Российской Федерации

Горлова Светлана Вениаминовна, кандидат юридических наук;

Спицына Ольга Юрьевна, студент магистратуры

Челябинский государственный университет

В статье рассмотрены особенности банкротства индивидуального предпринимателя по законодательству Российской Федерации.

Автор характеризует положение индивидуального предпринимателя в период банкротства, рассматривает проблему несовершенства процедуры банкротства, анализирует законные ограничения.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, банкрот, банкротство, предпринимательская деятельность.

The article deals with the peculiarities of bankruptcy of an individual entrepreneur under the legislation of the Russian Federation.

The author characterizes the position of an individual entrepreneur during bankruptcy, considers the problem of imperfection of the bankruptcy procedure, and analyzes legal restrictions.

Keywords: individual entrepreneur, bankrupt, bankruptcy, entrepreneurial activity.

Ежегодно в Российской Федерации тысячи индивидуальных предпринимателей, занимающихся предпринимательской деятельностью, проходят процедуру банкротства. Банкротство схоже с процедурой признания несостоятельности физического лица, но банкротство индивидуальных предпринимателей имеет ряд особенностей.

В статье поставлена задача проанализировать существующую практику и законодательство Российской Федерации с целью детального исследования процедуры банкротства, как обстоятельства, ведущего к прекращению правового статуса индивидуального предпринимателя.

В рамках исследуемого вопроса необходимо сделать заключение о том, что в процедуре банкротства, как способе прекращения предпринимателя, есть ряд особенностей, и она нуждается в совершенствовании.

Современное законодательство о банкротстве индивидуального предпринимателя состоит из Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, «Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» и нормативных актов, принимаемых в соответствии с ними.

Статья 25 ГК РФ содержит основания для признания гражданина банкротом «Гражданин, который не способен удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, может быть признан несостоятельным (банкротом) по решению арбитражного суда» [1, ст. 25].

ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» уточняет, что основанием для признания индивидуального предпринимателя банкротом выступает его неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате денежных платежей [2, ст. 214].

Индивидуальные предприниматели, как и юридические лица, могут быть признаны банкротом только по решению суда. Процедура признания индивидуального предприни-

мателя банкротом, очередность удовлетворения требований кредиторов установлены положениями ст. 25 ГК РФ [1, ст. 25].

Следует принять во внимание тот факт, что с момента принятия арбитражным судом решения о признании индивидуального предпринимателя банкротом и о введении реализации имущества гражданина утрачивает силу государственная регистрация гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, а также аннулируются выданные ему лицензии на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности [2, ст. 216].

Поводом для удовлетворения дела о финансовой несостоятельности служат несколько причин. Основными из них являются: просрочка оплаты платежей на срок более 90 (девяносто) дней; общий долг индивидуального предпринимателя более 500 (пятисот) тысяч рублей. Во внимание берутся долги и платежи, используемые для ведения коммерческой деятельности, т. е. задолженность должна быть только в денежной форме (платежи во внебюджетные фонды и бюджет — подоходный налог, взносы в ФСС, ПФР и т. п.; а также долги в результате участия в гражданско-правовой сделке). При определении признаков банкротства учету подлежит не вся денежная сумма. Из суммы кредиторской задолженности исключаются обязательства по выплате заработной платы, алиментов; долги, связанные с расходами на здоровье и другие, предусмотренные законом о банкротстве, обязательства.

Не теряет своей актуальности проблема, вызванная безнаказанностью преднамеренного банкротства. По данным судебной практики, обвинительные приговоры по ст. 196 УК РФ «преднамеренное банкротство» (комплекс умышленных действий должника, направленных на получение средств от кредитора с последующим преднамеренным ухудшением финансового состояния, ведущего к банкротству) и ст. 197 УК РФ «фиктивное банкротство» (комплекс умышленных действий, направленных на сокрытие реаль-

ного финансового положения должника с дальнейшей целью объявления собственной неплатежеспособности) выносятся очень редко.

Таким редким примером о привлечении индивидуального предпринимателя к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство является решение Приволжского районного суда г. Казани Республики Татарстан. Суд признал виновным индивидуального предпринимателя в совершении преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ и назначил ему наказание в виде лишения свободы на 2 года. Предприниматель, действуя из корыстных побуждений, вывел все ликвидное недвижимое имущество из своей собственности путем заключения фиктивных сделок по купле-продаже. Таким образом, он увеличил свою неплатежеспособность и подал заявление в Арбитражный суд г. Казани о признании его как индивидуального предпринимателя банкротом. Своими действиями принес кредиторам ущерб на сумму более 6 млн руб. Следствие установило, что предприниматель имел умысел на преднамеренное банкротство, и вина предпринимателя была доказана [4].

Анализируя положения ст. 84 Налогового Кодекса Российской Федерации, следует отметить, что налоговый кодекс РФ связывает процедуру снятия с учета в налоговом органе с прекращением деятельности в качестве индивидуального предпринимателя [5, ст. 84]. На основании ст. 216 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный суд направляет копию решения о признании индивидуального предпринимателя банкротом и введении реализации имущества гражданина в орган, зарегистрировавший гражданина в качестве индивидуального предпринимателя [2, п.3 ст. 216].

Арбитражный суд, приняв решение о признании гражданина банкротом, принимает решение о введении реализации имущества. На реализацию имущества отводится шесть месяцев. Данный срок в отношении индивидуального предпринимателя арбитражным судом может быть продлен. Продлевается срок по ходатайству лиц, принимающих участие в деле о банкротстве.

При внесудебном порядке индивидуальный предприниматель считается банкротом после официального объявления о своём банкротстве в «Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» и в официальном издании государственного органа по делам о банкротстве [6].

Согласно «Гражданскому Процессуальному Кодексу Российской Федерации» и Федеральному Закону Российской Федерации «Об исполнительном производстве» требования кредиторов индивидуального предпринимателя, признанного

банкротом подлежат удовлетворению в соответствии с очередностью, установленной законом, за счет всего принадлежащего ему имущества, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание [7].

Статья 38 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» определяет перечень необходимых документов, прилагаемых к заявлению о признании индивидуального предпринимателя банкротом. В этот перечень входят документы о наличии задолженности, о государственной регистрации индивидуального предпринимателя, список кредиторов и должников заявителя, бухгалтерский баланс, отчет о стоимости имущества должника [2, ст. 38].

Таким образом, анализ действующего законодательства позволил выделить следующие этапы банкротства: публичное оповещение кредиторов и других участников процесса с помощью публикации на сайте федерального ресурса; направление инициатором банкротства документов в суд; назначение процедуры наблюдения.

Особенность банкротства индивидуального предпринимателя заключается в том, что в нем сошлись интересы индивидуального предпринимателя, который заявил о процедуре банкротства в силу финансовых трудностей, и желает в дальнейшем восстановить свою предпринимательскую деятельность, и интересы его кредиторов.

Поэтому процедура банкротства, как способ прекращения правосубъектности предпринимателя, ведущего индивидуальную предпринимательскую деятельность, должна быть усовершенствована. Предлагается рассмотреть возможность введения и применения следующих мероприятий:

- для удовлетворения интересов кредиторов процедура банкротства индивидуального предпринимателя должна быть обязательной для того, чтобы кредиторы могли своевременно заявить о своих требованиях;
- в период ведения процедуры банкротства предприниматель должен быть частично ограничен в совершаемых им заключение договоров, сделках в отношении своего имущества (продавать, дарить, менять и т. д.);
- исключить возможность выезда предпринимателя-банкрота за пределы страны на весь период ведения процедуры банкротства;
- представляется возможным ввести для индивидуальных предпринимателей добровольную процедуру санации, по аналогии с процедурой санации для юридических лиц.

При совершенствовании процедуры банкротства она будет более широко применяться на практике.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019).
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.11.2019).
3. Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области № А56–59051/2014 от 23 сентября 2015 г.

4. Приговор суда по ст. 196 УК РФ № – 161/2017 (1–568/2016;)/Преднамеренное банкротство.
5. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 31.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019).
6. Журнал «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».
7. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (последняя редакция).
8. «Гражданский Процессуальный Кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019.).

Проблемы реализации прав осужденных в исправительных учреждениях

Гундарев Анатолий Александрович, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье раскрываются проблемы реализации прав осужденных в исправительных учреждениях. В частности, анализируется такая проблема, связанная с реализацией прав осужденных в исправительных учреждениях, которая заключается в некачественном оказании медицинской помощи осужденным. Помимо этого, рассматривается проблема реализации избирательных прав осужденных в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: права осужденных, исправительное учреждение.

Problems of realization of the rights of convicts in correctional institutions

The article reveals the problems of implementing the rights of convicts in correctional institutions.

Keywords: rights of convicts, correctional institution.

В настоящее время в системе реализации прав осужденных в исправительных учреждениях существует значительные и многочисленные проблемы.

Акцентируем внимание только на наиболее важных проблемах реализации прав осужденных в исправительных учреждениях.

Первая проблема, связанная с реализацией прав осужденных в исправительных учреждениях, заключается в некачественном оказании медицинской помощи осужденным.

Следует сказать, что медико-санитарное обеспечение является особой государственной структурой обеспечения лиц, которые содержатся в исправительных учреждениях, профилактической и лечебной помощью. Подчеркнем, что указанная помощь, в свою очередь, построена на принципе вседоступности.

Право на здоровье и получение медицинской помощи закреплено в ст. 41 Конституции РФ [1]. Стоит отметить, что указанное право реализуется за счет средств страховых взносов граждан РФ, а также государственного бюджета РФ. В ст. 26 ФЗ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2].

Закреплено, что осужденным к таким видам наказания, как лишение свободы, ограничение свободы, арест либо административный арест, положено оказание медицинской помощи наравне с обычными гражданами РФ. Также право на охрану здоровья и получение медицинской помощи закреплено и в международных нормативно-правовых актах

(к примеру, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными).

Кроме того, необходимо отметить, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [6] закрепила стратегию совершенствования всей уголовно-исполнительной системы, которая заключается в гуманизации ее деятельности и реализации международных стандартов исполнения уголовных наказаний.

Судебная практика, связанная с реализацией прав осужденных на здоровье и оказание медицинской помощи, также подтверждает наличие ряда существенных противоречий. В частности, в правоприменительной практике выявлена проблема роста числа заболеваний и смертности среди анализируемой категории лиц.

Одной из причин указанной выше проблемы является удаленность пенитенциарных учреждений от крупных населенных пунктов, а также и от учреждений здравоохранения. Этот факт осложнен тем, что врачи и медики пенитенциарного учреждения очень часто не обладают достаточной квалификацией для оказания качественной медицинской помощи [8, С. 44].

Второй причиной указанной проблемы является устаревшее специальное оборудование медицинских частей пенитенциарных учреждений, а также нехватка лекарственных препаратов [10, С. 56].

Кроме того, сложность рассматриваемой проблемы состоит в том, что поиск квалифицированного медицинского

персонала в сельской местности является затруднительным, что влечет за собой привлечение квалифицированных кадров из города в сельскую местность. Нередко реализация наказания в виде лишения свободы ухудшает физическое состояние осужденного, который имеет тяжелое заболевание, а зачастую приводит и к смерти такого заключенного.

С целью решения рассматриваемой проблемы в ФЗ от 29.12.2010 г. № 434 [4] закреплена возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу при появлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелой болезни, которая мешает реализации указанной меры пресечения.

Также было принято Постановление Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 1466 [5] которое утвердило перечень тяжелых заболеваний, которые препятствуют содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

Кроме того, был принят ФЗ от 07.02.2011 г. № 5-ФЗ [3], в котором зафиксирована потребность в проведении медицинского осмотра осужденного и выдачи медицинского решения при водворении в штрафной изолятор.

Однако на все предпринятые законодателем попытки исправить сложившуюся ситуацию, связанную с реализацией прав осужденных в исправительных учреждениях, в настоящее время всё еще остается множество нерешенных вопросов.

Вторая проблема заключается в реализации избирательных прав осужденных в исправительных учреждениях.

Следует напомнить, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ устанавливает запрет на право избирать и быть избранными в отношении граждан, которые содержатся по приговору суда в местах лишения свободы. При этом законодателем

абсолютно не комментируются причины и основания такого запрета.

Хотя в основополагающих международных документах указанное право презюмируется.

В частности, нормы ст. 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливают право каждого человека принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей, а также право каждого человека на равный доступ к государственной службе в своей стране. Нормы ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах [7] предусматривают всеобщее равное избирательное право без каких-либо ограничений или дискриминации.

Нормы ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод также устанавливают право каждого человека принимать участие в управлении своей страной непосредственно.

При этом следует заметить, что федеральное законодательство, включая Конституцию Российской Федерации, должно соответствовать подписанным международным документам. Однако в отечественном законодательстве существуют противоречия в отношении указанного права.

Однако наравне с мнением о целесообразности сохранения избирательных прав осужденным к наказанию в виде лишения свободы в научной литературе высказывается точка зрения, согласно которой следует не только оставить данное ограничение, но и расширить круг лиц, которые подпадают под его действие, а именно распространить ограничение активного избирательного права на лиц, которые имеют неснятую либо непогашенную судимость за совершение тяжкого либо же особо тяжкого преступления [9, С. 288].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48. Ст. 6724.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 5-ФЗ «О внесении изменения в статью 117 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 7 ст. 902, в «Парламентской газете» от 18 февраля 2011 г. № 8.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2011 г. № 1. Ст. 46.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.12.2012 № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 61.

6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р // СПС Консультант Плюс.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978 г., вып. XXXII, с. 44.
8. Багреева Е. Г., Гасанов Э. Н. О. Обеспечение социокультурных прав осужденных // Научные горизонты. 2018. № 11–1 (15). С. 44.
9. Королев Р. В., Бакиев Д. А. Некоторые вопросы о политических правах осужденных к лишению свободы // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8 (111). С. 288.
10. Никитин Д. А., Богданов М. Н. Роль криминогенной ситуации отчуждения в детерминации преступного насилия с участием ВИЧ-инфицированных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 56.

Направления совершенствования законодательства о правах осужденных в исправительных учреждениях

Гундарев Анатолий Александрович, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье раскрываются направления совершенствования законодательства о правах осужденных в исправительных учреждениях. В частности, анализируется возможность создания особой централизованной системы, руководящей процессом оказания медицинской помощи осужденным, а также вопросы реализации избирательного прав осужденных.

Ключевые слова: осужденные, права осужденных, исправительное учреждение, совершенствование законодательства.

Directions for improving legislation on the rights of convicts in correctional institutions

The article reveals the ways to improve the legislation on the rights of convicts in correctional institutions. In particular, the author analyzes the possibility of creating a special centralized system that manages the process of providing medical care to convicts, as well as issues of implementing the electoral rights of convicts.

Keywords: convicts, rights of convicts, correctional facility, improvement of the legislation.

В процессе анализа непосредственно проблем правового положения осужденных в исправительных учреждениях можно выделить наиболее частые распространенные нарушения прав осужденных:

- 1) администрациями следственных изоляторов и исправительных учреждений не соблюдаются нормы санитарной площади 4 кв. м. на одного человека;
- 2) встречаются системные нарушения требований законодательства о медико-санитарном обеспечении подозреваемых, обвиняемых и осужденных;
- 3) нахождение осужденных в штрафных помещениях без оформления документов, которые бы подтверждали законность и обоснованность их нахождения в таких помещениях;
- 4) необорудованные комнаты для проведения воспитательной работы с осужденными;
- 5) во многих учреждениях уголовно-исполнительной системы осужденных жестоко избивают, а также

пытают, помимо этого, высок риск заражения тяжёлыми заболеваниями;

- 6) нарушение требований действующего законодательства и прав осужденных при трудоустройстве осужденных в исправительных учреждениях.

Правоприменительная практика подтверждает наличие улучшений от внесения изменений в сфере оказания осужденным медицинской помощи и охраны их права на здоровье. Основным положительным примером реализации государством различных мер в данной сфере является Постановление Правительства РФ от 28.12.2012 № 1466. Распространение действия данного нормативного акта на всю территорию государства даст возможность достичь позитивных результатов в области обеспечения медицинской помощи осужденным. Ведь именно защита здоровья осужденных от различного рода угроз считается основной целью медико-санитарного обеспечения данной категории лиц и на сегодняшний день требует дальнейшего реформирования.

Поэтому на сегодняшний день является целесообразным создание особой централизованной системы, руководящей процессом оказания медицинской помощи осужденным, состоящей из разнопрофильных лечебно-профилактических учреждений, которые бы были подчинены территориальным органам уголовно-исполнительной системы России, хотя и были бы выведены за пределы пенитенциарных учреждений.

По нашему мнению, вопрос об ограничении избирательного права осужденных должен быть решен последовательно с учетом категории совершенного преступления, его вида в зависимости от объекта посягательства, умысла и мотивов. В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации [1] права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [4, С. 289].

Считаем, что избирательные права имеют политическую природу и обеспечивают политическую активность граждан. Лица, осужденные за совершение преступлений, не перестают быть гражданами своего государства и не должны автоматически утрачивать гражданские права, обеспечивающие их взаимосвязь с государством.

Более того, как определяет сама Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 55), любые ограничения прав граждан должны быть обусловлены необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Доктринальное и официальное разъяснение возможных ограничений подразумевает использование конституционного принципа соразмерности, который предполагает адекватность и пропорциональность применяемых ограничительных мер воздействия [2, С. 14]. Отступление от указанного принципа можно расценивать как меру, не соответствующую целям защиты конституционно значимых ценностей и интересов, и в итоге как нарушение конституционных прав и свобод [3, С. 38]. Конечно, формулировка рассматриваемого принципа имеет оценочные категории, что вызывает определенные затруднения. И все же принцип соразмерности можно рассматривать как естественный правовой барьер при установлении ограничений прав и свобод граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.
2. Беломестных Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина (теоретический аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Л. Л. Беломестных. — Москва, 2003. — 410 с.
3. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Пассивные избирательные права: законодательное ограничение или юридическая стигматизация // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 2. — С. 38–42.

Таким образом, ограничение избирательных прав для всех лиц, осужденных к лишению свободы, является, во-первых, необоснованным с точки зрения содержания указанной меры, во-вторых, противоречащим нормам международного права. Считаем, что ограничение избирательных прав должно быть дополнительным наказанием за узкий круг преступлений, а именно в сфере политических правоотношений. Для реализации данного положения необходимы соответствующие изменения в конституционном и уголовном законодательстве.

Помимо этого, следует сказать, что в настоящее время в исправительных учреждениях отсутствует законодательное закрепление обязанностей осужденных женщин по отношению к своим детям, которые также находятся в исправительных учреждениях; существуют огромнейшие проблемы реализации конституционного права на охрану здоровья осужденных, а также проблемы при реализации права осужденных на участие в выборах и также на свидание с родственниками.

Исходя из проблем реализации прав осужденных в исправительных учреждениях, выделим основные направления совершенствования законодательства и решения проблем правового положения осужденных.

Во-первых, в УИК РФ необходимо добавить отдельную главу 17.1, которая бы включила в себя особенности исполнения и отбывания наказания женщин в исправительных учреждениях.

Во-вторых, необходимо разработать более жесткий механизм защиты прав несовершеннолетних осужденных.

В-третьих, в сфере трудовой деятельности осужденных необходимо обеспечение государственных гарантий трудовых прав осужденных, которые установлены Трудовым кодексом РФ.

В-четвертых, целесообразным является создание особой централизованной системы, которая бы руководила процессом оказания медицинской помощи осужденным, и состояла бы, в свою очередь, из разнопрофильных лечебно-профилактических учреждений, которые бы были подчинены территориальным органам уголовно-исполнительной системы РФ.

В-пятых, необходимо внести изменения в конституционное и уголовное законодательство о том, что ограничение избирательных прав должно быть дополнительным наказанием за узкий круг преступлений, в частности, в сфере политических правоотношений.

4. Королев Р. В., Бакиев Д. А. Некоторые вопросы о политических правах осужденных к лишению свободы // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 8 (111). — С. 288–292.

Право потребителя на компенсацию морального вреда

Доронина Мария Ивановна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В данной статье изучен вопрос о возможности использовать право на компенсацию морального вреда таковой категории граждан как потребитель.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, потребитель.

Нормы института компенсации морального вреда в первую очередь регулируют защиту и восстановление нарушенных прав неимущественного характера.

По общему правилу, считается, что имущественный вред, причиненный гражданину, не предполагает возможность компенсации морального вреда, независимо от того какими сильными были переживания, связанные с утратой или повреждением имущества. Вместе с тем, на наш взгляд, в сложившейся ситуации выход есть, и возможность на обращение в данной случае к институту компенсации морального вреда не исключается.

На сегодняшний день большое число исковых заявлений в судах, по данной категории дел, связано с компенсацией морального вреда, причиненного гражданину в результате нарушения его прав как потребителя. В своем Постановлении от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» Пленум Верховного Суда указывает на то, что наряду с возмещением убытков, взысканием неустойки и других гражданско-правовых способов компенсация морального вреда является отдельным правовым способом защиты своих прав [2].

Сам по себе иск о компенсации морального вреда, причиненного в результате нарушения прав потребителя, ничем не отличается от компенсации данного вреда вообще, однако, существует ряд особенностей для данной категории дел [4].

Во-первых, это специальный субъект причинения вреда — изготовитель (исполнитель, продавец) либо организация, которая осуществляет полномочия изготовителя на основании договора с ним. В данном случае можно указать и на то, что компенсация происходит независимо от вины правонарушителя, важен сам факт нарушения права потерпевшего. Эти условия упрощают подачу иска, и как следствие непосредственно взыскание морального вреда, ведь ранее, в Постановлении Пленума № 7 от «24» сентября 1994 года, необходимым условием являлось наличие вины причинителя [3].

Во-вторых, на данные случаи исковая давность не распространяется, поскольку речь идет о неимущественных правах и других нематериальных благ.

В-третьих, согласно ст. 14 Закона «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 г. № 2300–1 право требовать возмещения вреда, в том числе морального, причиненного вследствие конструктивных, производственных, рецептурных и иных недостатков товара (работы, услуги) принадлежит также потерпевшему, независимо от того состоял ли он в договорных отношениях с виновным лицом или нет [1]. Поэтому совсем оправдано огромное количество обращений в суд граждан-потребителей о взыскании компенсаций морального вреда в результате нарушения их прав неимущественного характера.

В-четвертых, это вопрос, касающийся размера присуждаемой денежной суммы. По общему правилу размер денежного возмещения определяется судом, также исходя из принципов разумности и справедливости, принимая во внимание и анализируя все обстоятельства дела.

Важно также указать, что размер присуждаемой денежной компенсации не зависит от размера причиненного имущественного вреда и осуществляется независимо от него. Следует также учитывать, что сумма, которая должна быть выплачена потерпевшему, не должна создавать условий банкротства такого юридического лица. Как правило, размер присуждаемой суммы небольшой, но в случае, если данное нарушение повлекло за собой причинение вреда жизни и здоровью, то размер естественно денежной суммы увеличивается [5].

Анализируя ст. 15 Закона, можно прийти к выводу, что сам факт нарушения прав потребителя не является основанием удовлетворения требования о компенсации морального вреда [1]. Потерпевшее лицо обязано доказать факт того, что он испытывал нравственные или физические страдания.

Но нельзя не сказать и о том, что некоторые потребители неплохо разбираются в своих правах, при этом, не стесняясь, ими злоупотребляют. В итоге по небольшим проблемам, которые могли бы быть легко устранены при желании, через суд пытаются предъявить колоссальные убытки по всем возможным поводам.

Как отмечают эксперты, то суды имеют уже большую практику по данной категории дел. Как и в других случаях

применения норм о компенсации морального вреда, в данных ситуациях у судов отсутствует единообразие в применении норм данного института, в первую очередь, это касается установления размера компенсации.

Однако в делах о защите прав потребителей можно выявить уже некую тенденцию определения размера компенсации морального вреда: в частности это проявляется в уравнивании размера вознаграждения со стоимостью некачественного товара (услуги, работы). Например, в деле о компенсации морального вреда в связи с заменой некачественного пылесоса размер, присужденный компенсации, был пропорционален стоимости данного товара на момент рассмотрения дела в судебном заседании. Или другая ситуация из судебной практики: истец обратился в суд о компенсации морального вреда к организации-перевозчику, по чьей вине был утрачен его багаж, суд вынес решение об удовлетворении требований истца и присудил ответчику выплатить компенсацию морального вреда в размере стоимости договора перевозки.

Кроме того, как отмечается Судебной коллегией Верховного Суда РФ, нередко суды первой инстанции вместо уменьшения требуемой истцом суммы вознаграждения отказывают вовсе в удовлетворении требований. Но ведь отказ в удовлетворении требований и минимальное вознаграждение — это разные вещи, поскольку отказ в удовлетворении требования возможен только в случае, если нет оснований для привлечения ответчика к ответственности, а не случае минимального размера присуждения компенсации за моральный вред [2].

Ответственность за причинение морального вреда по сути своей должна носить компенсационный характер. В случае компенсации имущественного вреда работает принцип эквивалентности, однако, в случае компенсации морального вреда данный принцип имеет свою специфику. Но, исходя из того, что причиненный вред должен быть компенсирован, то судами применяется принцип адекватности, т. е. принцип соответствия пережитых страданий компенсируемой сумме.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. N 2300—1 (ред. 18.07.2019 г.) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 г. — № 3.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 9.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.1994 N 7 (ред. от 29.06.2010) «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» // «Российская газета». 1994. N 230. (утратил силу).
4. Богдан В. В. Компенсация морального вреда как способ защиты прав потребителей: проблема эффективности // Проблемы экономики и юридической практики — 2014 г. С. 50
5. Канцер Ю. А. «Защита прав потребителей сквозь призму возможной компенсации морального вреда по гражданскому законодательству российской Федерации» Экономика, предпринимательство и право, по. 11, 2011, pp. 27—36.

Взыскание судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости

Зиненко Алена Игоревна, студент магистратуры

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

На сегодняшний день суды общей юрисдикции загружены делами об оспаривании кадастровой стоимости, поскольку, кадастровая стоимость, определяемая методом массовой оценки, не соответствует рыночной, в силу того, что множество влияющих на стоимость факторов — внутреннее состояние объекта недвижимости, его фактическое использование, год постройки и т. п. не учитываются.

Вышеперечисленное вынуждает правообладателей обращаться в суд за защитой нарушенных прав и нести существенные затраты, однако немногие из заявителей впоследствии обращаются с заявлением о взыскании судебных расходов.

Это прежде всего связано с «судебной волокитой», которая вытекает из срока рассмотрения дел данной категории.

После длительного рассмотрения дела судами первой и апелляционной инстанции, правообладатель заинтересован только в пересчете налоговых или арендных платежей и получении экономии.

В данной статье мы рассмотрим вопрос, связанный с взысканием судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, административный истец, административный ответчик, судебные расходы, бюджет.

Nowadays, courts of general jurisdiction are loaded with cases to challenge cadastral value, because cadastral value determined by mass valuation method does not correspond to the market value, due to the fact that many factors affecting the value — the internal state of the real estate object, its actual use, the year of construction, etc., are not taken into account.

The above forces rights holders to apply to the court for protection of violated rights and to bear significant costs, but few of the applicants subsequently apply for court costs.

This is primarily related to the «wiggery» that follows from the duration of this category of cases.

After lengthy consideration of the case by the courts of first instance and appeal, the right holder is interested only in recalculating tax or rent payments and obtaining savings.

In this article we will consider the issue of recovery of court fees in cases related to the challenge of cadastral value.

Keywords: cadastral value, administrative plaintiff, administrative defendant, court fees, budget

Правовой институт судебных расходов имеет ключевое значение для процессуального права, выступая в качестве одного из инструментов обеспечения баланса интересов сторон, одновременно играя при этом важную роль экономического стимула и барьера при реализации права на судебную защиту [1].

Одной из особенностей дел об оспаривании кадастровой стоимости объектов недвижимости является то, что подготовка к обращению в суд и последующее судебное разбирательство для административного истца связаны с необходимостью несения значительных судебных издержек, зачастую способных в конечном итоге минимизировать экономический эффект даже от положительного судебного решения.

В свою очередь, общая сумма затрат, которые несет административный истец в связи с обращением с административным иском в суд, как правило, складывается из расходов на уплату госпошлины, составление отчета об оценке объекта недвижимости, кадастровая стоимость которого оспаривается, на проведение судебной оценочной экспертизы и на участие представителя в суде.

При рассмотрении данной категории дел практически в 100 % случаев судом назначается судебная оценочная экспертиза, главная цель которой — проверка правильности составленного оценщиком отчета и установление экономически обоснованного размера рыночной стоимости объекта недвижимости в целях соблюдения баланса частных и публичных интересов. При этом оплата судебной экспертизы всегда возлагается на административного истца, поскольку в силу ч. 5 ст. 247 КАС РФ обязанность доказывания наличия оснований для пересмотра результатов определения кадастровой стоимости лежит именно на нем [2].

Взыскание судебных расходов — важный процессуальный институт, имеющий актуальное значение для процессуального права и широко используемый в практике. Вместе с тем отдельные аспекты его применения толкуются судами общей юрисдикции неоднозначно, что приводит к противоречивой судебной практике.

Состав судебных расходов определен в ч. 1 ст. 103 КАС РФ, согласно которой судебные расходы состоят из госу-

дарственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением административного дела.

Статьей 111 КАС РФ предусмотрено взыскание в пользу стороны, которой состоялось решение суда, понесенных по делу судебных расходов.

В соответствии с позицией Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в п. 19 Постановления от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком, например, исков о расторжении брака при наличии взаимного согласия на это супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 23 Семейного кодекса Российской Федерации) [3].

Как разъяснено в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» при удовлетворении требований об установлении в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости судебные расходы, взыскиваются с органа, утвердившего результаты определения кадастровой стоимости.

Вместе с тем в случаях, когда удовлетворение таких требований сводится к реализации в судебном порядке права заявителя, административного истца на установление кадастровой стоимости в размере рыночной, которое не оспаривается привлеченным к участию в деле заинтересованным лицом, административным ответчиком ни по основаниям возникновения, ни по содержанию (в том числе размеру рыночной стоимости), судебные расходы относятся на заявителя, административного истца, поскольку решение суда по соответствующему делу не может расцениваться как принятое против заинтересованного лица, административного ответчика, не имеющего противоположных с заявителем, административным истцом юридических интересов [4].

При рассмотрении вопроса о взыскании судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости значимой является позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в Постановлении от 11.07.2017 № 20-П, согласно которой в системе действующего правового регулирования судебное оспаривание лицом результатов определения кадастровой стоимости принадлежащего ему объекта недвижимости путем предъявления требования о ее установлении в размере, равном рыночной стоимости данного объекта, связано для него прежде всего с необходимостью установления экономически обоснованной налоговой базы по соответствующему налогу, а возникающие в связи с этим расходы, как правило, определяются соблюдением императивных требований процессуального законодательства, устанавливающих порядок рассмотрения дел данной категории, а также инициативной деятельностью суда, т. е. не обусловлены процессуальным поведением самого этого лица.

При решении вопросов о распределении судебных расходов по указанной категории дел не исключается учет того обстоятельства, что допущенное при установлении кадастровой стоимости ее расхождение с рыночной стоимостью может укладываться в приемлемый с точки зрения существующих стандартов государственной кадастровой оценки диапазон отклонений и, соответственно, не является свидетельством ошибки, приводящей к нарушению конституционных прав и свобод граждан организаций как налогоплательщиков.

Соответственно, достоверность кадастровой стоимости объекта недвижимости предполагается в отношении результата ее определения, укладываемого в разумный диапазон возможных значений, которые могут быть получены в рамках соблюдения законной процедуры кадастровой оценки на основе имеющейся информации об объекте недвижимости с учетом профессионального усмотрения [5].

Таким образом, при распределении судебных расходов имеет значение установление следующего обстоятельства: является ли расхождение между кадастровой и рыночной стоимостью объекта оценки столь значительной (многократной), что бесспорно указывает на ошибки, допущенные при проведении кадастровой оценки стоимости имущества.

Примечательно то, что несмотря на законодательно закрепленное право административного истца на взыскание судебных расходов не подлежит безусловной реализации, при рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов, суд в первую очередь будет исходить из значительности расхождения между кадастровой и рыночной стоимостью объекта оценки, а также процессуальным поведением административного ответчика. Однако, термин «значительность» не раскрыт законодателем, что в свою очередь не обеспечивает баланс интересов сторон в процессуальном законодательстве.

В связи с изложенным, представляется необходимым рассмотреть примеры судебных актов, иллюстрирующих позиции судов общей юрисдикции при рассмотрении заявлений о взыскании судебных расходов.

Так, определением Московского городского суда от 12.07.2019 г. по административному делу № За-1229/2018 (33а-6092/2019) было отказано в удовлетворении заявления административного истца о возмещении судебных расходов, понесенных по делу в общей сумме 132 000 руб., включая расходы по оплате государственной пошлины в сумме 2 000 руб., по оплате отчета о рыночной стоимости принадлежащего истцу объекта в сумме 40 000 руб., судебной оценочной экспертизы в размере 90 000 руб.

Апелляционным определением Московского городского суда указанное определение оставлено без изменений, поскольку действующим законодательством предусмотрен специальный порядок пересмотра результатов определения кадастровой стоимости, который предполагает обращение в суд с соответствующим административным иском заявлением и представление доказательств несоответствия существующей кадастровой стоимости объектов их рыночной стоимости.

Решением Московского городского суда, которым, по существу, удовлетворено требование административного истца об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости равной его рыночной стоимости, не может расцениваться как принятое против административных ответчиков, поскольку таким образом административный истец реализовал предусмотренное законодательством право на установление в судебном порядке кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере рыночной; данное право реализовано административным истцом на основании выводов судебной экспертизы, установившей размер рыночной стоимости объекта недвижимости.

К тому же, судебная оценочная экспертиза была назначена с целью проверки достоверности доказательств, представленных административным истцом в обоснование заявленного им требования об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости, равной его рыночной стоимости.

Таким образом суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что удовлетворение требования административного истца обусловлено реализацией предоставленного ему законом на установление кадастровой стоимости объекта недвижимости равной его рыночной стоимости, — а не наличием спора о праве, как такового, что не было связано с установлением фактов нарушения или оспаривания прав административного истца со стороны административных ответчиков [6].

Иная правовая позиция содержится в апелляционном определении Московского городского суда от 30.08.2019 г. по делу № 33а-6094/19, которым рассмотрена частная жалоба ООО «ТриЭй и Ко» на определение Московского городского суда от 12.07.2019 г., которым взысканы с административного ответчика судебные расходы в размере 80 000 руб., составляющие расходы по оплате судебной оценочной экспертизы.

Удовлетворяя частично заявление о взыскании судебных расходов, суды первой и апелляционной инстанции исходили из того, что расходы на проведение судебной экспертизы подлежат возмещению за счет административного ответчика, поскольку судебная оценочная экспертиза была назначена по ходатайству административного ответчика и с учетом поданных им возражений в отношении отчета, представленного административным истцом, что повлекло для последнего дополнительные расходы по оплате экспертизы.

При этом, отказывая в удовлетворении заявления о взыскании судебных расходов в остальной части, судом отмечено, что факта значительного расхождения кадастровой стоимости объекта недвижимости с его рыночной стоимостью судом в ходе рассмотрения дела установлено не было [7].

В результате рассмотрения сложившейся судебной практики относительно вопроса взыскания судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости объектов недвижимости представляется необходимым сделать вывод об отсутствии выработанной единой правовой позиции, относительно критерия взыскания судебных расходов в пользу административного истца.

Разработанный в целях реализации указанного в настоящей статье Постановления Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П, Проект Федерального закона № 367470–7 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части уточнения правил распределения судебных расходов по административным делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости» был принят Государственной Думой в первом чтении, однако на сегодняшний день рассмотрение проекта Федерального закона не окончено [8].

Так, Законопроект дополняет КАС РФ статьей 248¹ «Особенности распределения судебных расходов между сторонами по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости».

Согласно дополняемой статье, судебные расходы взыскиваются с административного ответчика в случаях удовлетворения требований:

1) об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости на основании недостоверности сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости, в том числе в связи с исправлением ошибки в указанных сведениях;

2) об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости в связи с допущенной ошибкой при ее определении, повлекшей нарушение прав административного истца, когда ранее определенная в порядке массовой оценки кадастровая стоимость объекта недвижимости явно превышает его кадастровую стоимость, установленную судом в размере его рыночной стоимости».

Однако, предлагаемые изменения в КАС РФ в настоящей редакции, не позволяют достигнуть стабильности в формировании единообразной судебной практики по вопросам взыскания судебных расходов, рассматриваемых в рамках дел об оспаривании кадастровой стоимости объектов недвижимости.

На основании изложенного, представляется необходимым, несмотря на заявленный государственный интерес к развитию административного судопроизводства, внести изменения в КАС РФ, относительно справедливого возмещения судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу.

Литература:

1. Зайков Д. Е. Особенности взыскания судебных расходов в деле с участием процессуального истца // Администратор суда. 2017. № 4. С. 21–25. // СПС «КонсультантПлюс»
2. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 02.12.2019) СПС «КонсультантПлюс»
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 N 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.08.2019 по делу N 33а-6092/2019 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.08.2019 по делу N 33а-6094/2019 // СПС «КонсультантПлюс»
8. Проект Федерального закона N 367470–7 «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части уточнения правил распределения судебных расходов по административным

делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 10.04.2018) // СПС «КонсультантПлюс»

Краткий обзор правоприменительной практики компенсации морального вреда, полученного в детском образовательном учреждении

Игнатъев Юрий Николаевич, студент магистратуры;

Игнатъева Анастасия Александровна, студент
Московский государственный областной университет (г. Москва)

Конвенция о правах ребенка [1], а также Декларация прав ребенка [2] акцентируют внимание на том, что ребенок в виду того, что является недостаточно физически и умственно зрелым нуждается в специальной охране и заботе, в том числе и надлежащей правовой защите. В первую очередь такую охрану и заботу несовершеннолетнему ребенку должны обеспечить его законные представители, к числу которых относятся родители, опекуны, попечители, усыновители. Однако, определенный период своей жизни ребенок зачастую не находится под круглосуточным надзором своих законных представителей, так как начинает посещать детское дошкольное образовательное учреждение. Соответственно охрану и заботу малолетнего ребенка на период пребывания в данном учреждении должна обеспечивать его администрация. Вместе с тем пребывание ребенка в детском дошкольном образовательном учреждении, к сожалению, не исключает получение ребенком различного рода травм, в том числе причинение вреда здоровью как физического, так и психологического, что влечёт за собой нравственные страдания для малолетнего.

В виду психических и физических особенностей ребёнка, а также специфики детского дошкольного образовательного учреждения вопрос возмещения морального вреда приобретает особую значимость и обуславливает актуальность рассмотрения вопроса компенсации морального вреда в детском дошкольном образовательном учреждении.

Для исследования вышеуказанного вопроса необходимо рассмотреть материалы судебной практики, касающиеся компенсации морального вреда в детском дошкольном образовательном учреждении.

Следует обратить внимание, что законодатель не выделяет особенностей компенсации морального вреда, причиненного ребёнку в целом и в частности в детском дошкольном образовательном учреждении.

Определяя размер компенсации, суд должен учесть в какой же степени нарушитель виновен, а также иные обстоятельства, которые заслуживают внимания. К числу таких заслуживающих внимания обстоятельств Пленум ВС РФ в п. 1 постановления от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» рекомендует относить обстоятельства и характер действий (бездействий) повлекших наступле-

ние вреда, повлекшего причинение нравственных и физических страданий, индивидуальные особенности потерпевшего и другие конкретные обстоятельства, которые будут в наибольшей мере подтверждать тяжесть перенесенных им страданий.

Пленум Верховного Суда РФ п. 14 постановления от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» обращает внимание на то, что в том случае если вред малолетнему был причинен в тот период, когда он временно пребывал в образовательной организации (например, в детском саду, общеобразовательной школе, гимназии, лицее), где за ним в данный период осуществлялся надзор данной организацией, обязанность по возмещению вреда причиненного малолетнему в таком случае возлагается на образовательную организацию, в которой он пребывал, исключения составляют случаи когда данный вред причинен не по вине образовательной организации при осуществлении надзора. Следовательно, можно сделать вывод, что компенсация морального вреда за вред причиненный малолетнему в период нахождения его в образовательной организации осуществляется данной организацией. Определяя размер компенсации морального вреда суд должен дать оценку индивидуальным особенностям потерпевшего, которые могут быть выражены в тех или иных признаках, особенно это касается причинения тяжкого вреда здоровью [9]. Особенно актуально данное требование применительно к компенсации морального вреда причиненного малолетнему.

Истец Митрофанова О. Б., которая, являясь законным представителем своей несовершеннолетней дочери Митрофановой Т. О., обратилась с иском к Муниципальному бюджетному дошкольному образовательному учреждению о взыскании компенсации морального вреда, материального ущерба, судебных расходов. Основанием для предъявления иска явилось то, что ее несовершеннолетняя дочь, находясь в детском саду, получила травму вследствие ненадлежащего исполнения воспитателем своих обязанностей, а именно в виду того, что во время прогулки со стороны воспитателя не был обеспечен надлежащий контроль за ребенком. Во время игры ребенок пытался перелезть

через металлическое ограждение, которое, будучи не закрепленным, упало на ребенка. Некоторое время ребенок пытался освободиться самостоятельно, от испуга громко кричал, а воспитатель в это время разговаривала с другими сотрудниками сада, не обращая внимание на то, чем заняты ее подопечные. Ребенка из-под ограждения достали спустя некоторое время. Сотрудники детского сада не оказали ребенку профессиональной медицинской помощи, поэтому родители самостоятельно доставили дочку в ДГБ. Согласно акту судебно-медицинского освидетельствования ребенку был причинен вред здоровью легкой степени, выразившийся в виде ушибленной раны в лобной области.

Взыскивая в пользу истца компенсацию морального вреда, суд руководствовался положениями ст. 151, 1101 ГК РФ. При определении размера компенсации морального вреда суд с учетом требований разумности и справедливости принимал во внимание возраст малолетней Митрофановой, характер телесных повреждений, то что их локализация была в области лица, последующее состояние ребенка которая неоднократно жаловалась на головные боли, нарушение обычного образа жизни, сохранившиеся рубцы, а также то, что на момент рассмотрения дела в суде согласно заключению педагогов-психологов у ребенка отмечалось позитивное психическое состояние, активное участие в общении со сверстниками, что означало ситуация для ребенка уже не являлась психотравмирующей [7].

В другом деле Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда оставила без изменений решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 28 февраля 2017 года в части взыскания с ДОУ «Детский сад № 39 ОАО «Российские железные дороги» в пользу малолетнего Б. Д., компенсацию морального вреда в размере 150 000 (сто пятьдесят тысяч) рублей. Судебной коллегией было установлено, что малолетний Б. Д. находясь в дошкольном учреждении, во время прогулки получил тупую травму правого локтевого сустава: поперечный перелом блока плечевой кости со смещением отломков. В связи с чем был доставлен в больницу, прооперирован, 04.07.2016 г. ему была проведена повторная операция, 18.07.2016 г. — операция по удалению фиксирующих спиц и наложению гипса, с которым он проходил три недели. Причиненный ребенку вред явился следствием халатного отношения к своим обязанностям воспитателей детского сада, которые не обеспечили надлежащего надзора ребенком и допустили играть на детскую площадку, не отвечающую требованиям действующего законодательства, а именно имеющую покрытие из твердого засохшего слоя земли, из которого торчали корни деревьев.

Судебная коллегия указала, что судом первой инстанции размер компенсации морального вреда с учетом требований разумности и справедливости был правомерно определен исходя из конкретных обстоятельств. Судом было принято во внимание, что потерпевшим является малолетний ребенок, полученная травма повлекла за собой несколько операций, длительный период временной нетрудоспособ-

ности и реабилитации, степень вины работника, степень физических страданий Б. Д.

Требования истицы Б. Е. о компенсации морального вреда в размере 500 000 тыс. рублей, обусловленного тем, что полученная травма ребенка и последующее лечение повлекло для нее самый моральный вред, суд счел необоснованным и не подлежащим удовлетворению. В рамках настоящего гражданского дела судом не было установлено причинения Б. Е. нравственных переживаний именно в форме страданий в связи с получением травмы Б. Д., что определяет возможность возмещения морального вреда, в материалах дела не имеется каких-либо доказательств, свидетельствующих об обратном, при рассмотрении дела в суде первой инстанции, равно как и в суде апелляционной инстанции непосредственно Б. Е. участия не принимала.

Решение суда первой инстанции в части взыскания в пользу самой истицы компенсации морального вреда Судебная коллегия отменила, так как не установила, что Б. Е. были причинены нравственные переживания, а именно страдания обусловленные переживанием по поводу полученных травм Б. Д., то есть ее малолетним сыном. При этом Судебная коллегия указала, что вывод суда первой инстанции основан на презумпции причинения морального вреда в виду наличия родственных отношений между истицей и ее сыном Б. Д., который при этом не учел положения ГК РФ и разъяснений по их применению, изложенных в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 г. № 10 и от 26.01.2010 г. № 1 [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что в данном случае суд при решении вопроса исходил из того, что моральный вред может быть компенсирован непосредственно лицу, вред здоровью которого был причинен. Тот, факт, что родитель, переживая за своего ребенка, проходя совместно с ним все этапы лечения, реабилитации, эти позиции не расцениваются как нравственные переживания и не признаются основанием для компенсации морального вреда.

Вместе с тем в данном вопросе судебная практика весьма противоречива. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Орловского областного суда согласилась с правомерностью взыскания судом первой инстанции компенсации морального вреда как в пользу Калашниковой А. А., как законного представителя, так и ее малолетнего сына Калашникова И. И. В данном случае суд исходил из того, что Калашников И. И. получил травму, находясь в детском саду в результате того, что его толкнул другой воспитанник детского сада и он упал на дорожку. Несмотря на то, что данная травма была причинена в результате неосторожных действий воспитанника, в действиях воспитателя усматривается ослабление индивидуального контроля с учетом личностных особенностей детей. При определении компенсации морального вреда малолетнему Калашникову суд учел его возраст, а также тяжесть причиненного в результате получения травмы вреда здоровью, так как был причинен тяжкий вред здоровью, длительное нахождение

ребенка в различных лечебных учреждениях, проведение операций под наркозом, проведение различных процедур, внутривенное введение лекарственных препаратов.

Взыскивая компенсацию морального вреда в пользу Калашниковой А. А. — матери малолетнего, суд учитывал, что обстоятельства произошедшего, длительное лечение ее малолетнего сына, его физические страдания, которые он испытывал по причине расстройства здоровья и невозможностью вести привычный образ жизни влекут для истицы нравственные страдания. При определении размера компенсации морального вреда судебная коллегия приняла также во внимание что в настоящее время истица переживает за сына, у которого в связи с полученной травмой проявились, возможно необратимые, последствия [6].

Еще одно дело было рассмотрено Кызылским городским судом Республики Тыва по иску Самбыл Н. В. к МБДОУ Детский сад № 19 о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненных повреждением здоровья малолетнему ребенку. Исковые требования были основаны на том, что малолетнему ребенку Самбыл Н. В. во время нахождения в детском саду был причинен вред здоровью. Дочь истицы столкнулась в группе с помощником воспитателя, которая в то время несла горячий молочный суп, который опрокинула на малолетнюю, в результате чего последняя получила ожоги. В результате произошедшего у ребенка наблюдается эмоционально-волевая нестабильность, повышенная тревожность, появилась склонность к резким перепадам настроения, следствием перенесенной травмы у ребенка снизилась самооценка, возникли трудности при общении со сверстниками, при упоминании о травме наблюдаются психологические реакции. Иными словами, перенесенная травма повлекла для ребенка сильные душевные волнения, стресс, которые он испытывает по настоящее время. При определении размера компенсации морального вреда суд учел также то обстоятельство, что возможны остаточные следы рубцов от ожогов на всю жизнь. При таких обстоятельствах, у суда не имеется сомнений причинение малолетнему ребенку физических и нравственных страданий, поэтому требования о компенсации морального вреда подлежат удовлетворению в сумме 180 000 руб. [8].

Подводя итог, можно сделать вывод, что к гражданско-правовой ответственности за вред, который причинен малолетнему в период нахождения в дошкольной образовательной организации привлекается юридическое лицо, в котором потерпевший малолетний находился под надзором, и которое обладает правом на предъявление регрессного требования к работнику, по вине которого малолетнему был причинен вред.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // «Сборник международных договоров СССР», выпуск XLVI, 1993.

Проведенный анализ судебной практики показал, что законные представители предъявляют требования о возмещении убытков (расходов на лечение, услуги адвоката), компенсации морального вреда, причиненного как ребёнку, так и его законным представителям. Ответственным за вред, причиненному малолетнему при нахождении его в детском дошкольном образовательном учреждении, а соответственно лицом, которое обязано компенсировать моральный вред, является образовательное учреждение, в котором малолетнему были причинены физические и нравственные страдания.

При определении размера компенсации морального вреда суд руководствуется общими положениями о компенсации морального вреда, но учитывает возраст малолетнего, степень и характер причиненного вреда, длительность лечения, особенности и характер лечебных процедур, характер и длительность периода реабилитации, возможные последствия причиненного вреда в будущем, поведение ребенка среди сверстников после перенесенной травмы и др. обстоятельство применительно к каждому конкретному делу.

Вместе с тем проведенный анализ судебной практики показал, что суды действуя по своему усмотрению назначают абсолютно разные размеры компенсации вреда, порой один суд назначает размер компенсации за причиненный вред здоровью значительно выше нежели другой, несмотря на то, что вред здоровью является более тяжким.

Еще одно противоречие правоприменительной практики отмечается при назначении компенсации морального вреда законным представителям малолетнего, которому был причинен вред здоровью. Одни суды исходят из того, что родители в таком случае испытывают нравственные страдания, другие при решении вопроса исходят из того, что моральный вред может быть компенсирован непосредственно лицу, вред здоровью которого был причинен. Тот факт, что родитель, переживая за своего ребенка, проходит совместно с ним все этапы лечения, реабилитации, не расценивается как нравственные переживания и не признается основанием для компенсации морального вреда. Для исключения данного противоречия правоприменительной практике необходимым является разъяснение данного вопроса Пленумом Верховного Суда РФ на уровне постановления. Например, разумным является определить критерии, при которых право родителя на компенсацию морального вреда вследствие причинения ему нравственных страданий, причиненным вредом здоровью их ребенку, является безусловным, а также случаи, когда это оставляется на усмотрение суда с учетом конкретных обстоятельств дела.

2. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Права и свободы личности. Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита». Вып. 11. — М., 1995. С. 191–194.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 3, март, 2010
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // «Российская газета», N 29, 08.02.1995.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2018 N 33–232/2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Апелляционное определение № 33–350/2014 от 19 февраля 2014 г. по делу № 33–350/2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru>
7. Решение от 20 февраля 2013 г. Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru>
8. Решение № М-3226/2013 2–3373/2013 2–3373/2013 М-3226/2013 от 17 октября 2013 г. Кызылского городского суда Республики Тыва [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru>
9. Кузнецова О. В. Возмещение морального вреда: Практическое пособие. — М.: «Юстицинформ», 2009. — С. 16–17.

Нормативно-правовое регулирование продовольственной безопасности в РФ

Касымов Дилшод Холикович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Автором проведен анализ нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы продовольственной безопасности Российской Федерации. Раскрыта роль законодательной базы при формировании национальной продовольственной безопасности государства в современных условиях, выявлены существующие проблемы и недостатки.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Доктрина продовольственной безопасности, санкции, эмбарго, импортозамещение.

Regulatory legal regulation of food security in the russian federation

The author analyzes the regulatory legal acts regulating the food security of the Russian Federation. The role of the legislative base in the formation of the national food security of the state in modern conditions is revealed, the existing problems and shortcomings are revealed.

Keywords: food security, doctrine of food security, sanctions, embargo, import substitution.

Во времена нестабильности, как политической, так и финансовой, угроза обеспечения продовольственной безопасности, становится наиболее актуальной для каждого государства. Для Российской Федерации в условиях «западных» санкций и с учетом вступления страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) особую актуальность приобретают вопросы правового обеспечения продовольственной безопасности на национальном уровне, а также анализа места России по уровню продовольственной безопасности на мировой арене.

Под продовольственной безопасностью можно понимать способность государственной экономической системы создавать, распределять продовольственные запасы и обеспечивать ими население, проживающее на всей террито-

рии региона в достаточном количестве (не ниже нормы минимального потребления) [5].

Юридическое закрепление понятие продовольственной безопасности в РФ нашло в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации утвержденной Президентом РФ от 30 января 2010 года, которая является отправной точкой для дальнейшей разработки нормативных правовых актов в сфере обеспечения продовольственной безопасности государства [1].

Проблемы продовольственной безопасности решаются с помощью создания законодательной базы, создания внутригосударственных органов и международных специализированных организаций, целью деятельности которых, является достижение стабильности экономики государ-

ства и разработка и реализация мероприятий, нацеленных на поддержание необходимого уровня жизни населения.

На сегодняшний день помимо Доктрины продовольственной безопасности, не принято специального федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации», споры о его принятии ведутся с 1997 года, что является главным недостатком в данной сфере.

Среди основных документов, регулирующих вопросы обеспечения продовольственной безопасности в РФ, является ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Данный федеральный закон включает определение государственной аграрной политики и ее основных целей.

Ещё одним нормативно-правовым актом, содержащим нормы, регулирующие продовольственную безопасность, является ФЗ от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов». Документ содержит такие основные понятия, как пищевые продукты, продовольственное сырье, пищевые добавки, бады.

В систему правового обеспечения продовольственной безопасности входит Федеральный закон от 3 декабря 2012 года N 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», который определяет продукты питания, включаемые в потребительскую корзину для основных социальнодемографических групп населения.

С августа 2014 года Россия, как ответные меры на санкционную политику в отношении нашего государства, ввело продуктовое эмбарго. В 2014–2015 годах в Российской Федерации на фоне торгово-экономических санкций со стороны западных государств, было принято несколько законодательных документов, определяющих программу импортозамещения в сельскохозяйственной отрасли. В первую очередь, это уже Доктрина продовольственной безопасности РФ, а так же План содействия импортозамещению в сельском хозяйстве [3]. Кроме того, замещение импортных продуктов отечественными аналогами указано в числе основных целей развития агропромышленного комплекса России в Государственной программе развития сельского хозяйства до 2025 года [2].

Данными документами Правительство Российской Федерации преследовало цель обеспечения продовольственной безопасности путем замещения импортных продуктов отечественными.

Задачи, которые поставлены Правительством для достижения указанной цели были закреплены в представленных выше документах и заключались в следующем:

- предоставление преференций и обеспечение государственной поддержкой отечественных сельскохозяйственных предприятий;
- государственное обеспечение отечественными продуктами;
- запрет на импорт иностранных продуктов из санкционного перечня государств.

Таким образом, решение государства, с одной стороны, дало возможность для более активного развития отраслям, зависимым от импорта, с другой — ограничило ассортимент продовольствия для потребителей, которое к тому же подорожало.

Как указывают некоторые исследователи вопроса национальной продовольственной безопасности, национальный уровень продовольственной безопасности, подразумевает сохранение и обеспечение жизненно важных интересов общества, в связи с чем в государстве разрабатываются положения и принципы, способствующие решению изучаемой проблемы [6]. Так во исполнение Указа Президента РФ от 30.01.2010 № 120 были приняты правительственные акты, которые направлены на создание условий для роста отечественного производства и ограничение ввоза импортных продуктов. Так Правительством РФ принято распоряжение, которым утверждена стратегия развития машиностроения для пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, целью которой является кроме поддержания экономики страны является и обеспечение ее продовольственной безопасности.

Исследуя указанные нормативно-правовые акты, принятые для обеспечения продовольственной безопасности государства в период действия санкционной политики, можно прийти к выводу, что государство в первую очередь ставит цель обеспечить жизненно важные интересы не только государства в целом, но и каждого гражданина в отдельности. Первоочередными интересами страны являются наличие достаточного объема продовольственных ресурсов; экономическая и физическая доступность продовольствия; качество и безопасность поставляемого на рынок продовольствия; обеспечение активного образа жизни населения через поддержание прожиточного минимума и установление потребительской корзины.

Для формирования эффективной государственной политики, отвечающей современным требованиям обеспечения продовольственной безопасности, необходима качественная информационная база, отражающая все аспекты изучаемой проблемы, а также система показателей, позволяющая проводить объективную оценку обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации в условиях глобализации.

Необходимо отметить, что кроме вышеуказанных нормативно-правовых актов, во многих субъектах приняты государственные программы, направленные на обеспечение продовольственной безопасности, развитие сельского хозяйства и законы «О мерах по обеспечению качества и безопасности пищевых продуктов».

Таким образом, на сегодняшний день в Российской Федерации сложилась целая система нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы обеспечения продовольственной безопасности. Среди основных недостатков отмечаем: отсутствие специального ФЗ «О продо-

вольственной безопасности в Российской Федерации», отсутствие специальной нормативной базы в большинстве субъектов РФ. Поэтому принятие федерального закона

«О продовольственной безопасности» смогло бы решить многие проблемы, устранить пробелы в законодательстве нашей страны.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. № 21. 03.02.2010.
2. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 08.02.2019) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // Собрание законодательства РФ. 06.08.2012. № 32. ст. 4549.
3. Распоряжение Правительства РФ от 02.10.2014 № 1948-р Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы // Собрание законодательства РФ. 13.10.2014. № 41., ст. 5566
4. Путин призвал расширять присутствие аграриев России на внутреннем и внешнем рынках. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5654679> (дата обращения 07.10.2019).
5. Черникова С. А. Угрозы продовольственной безопасности РФ. Московский экономический журнал 2019 № 7. С. 264–271.
6. Шарошенко И. В., Черкашина А. В. Продовольственная безопасность России: Современное понимание, меры государственного регулирования. 2017. № 8–2. С. 458–463.

Правовые аспекты судебной защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет

Климова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

Собственность и отношения собственности, а также ее защиты всегда были в центре внимания юриспруденции, но прошли те примитивные времена, когда защищать приходилось лишь владение крупного рогатого скота. Собственность и ее правовое регулирование менялось и развивалось. Двадцатый век подарил юриспруденции абсолютно новую вид собственности — интеллектуальную собственность, в Российской Федерации внятное регулирование данной области началось только после 2008 года с вступлением в силу четвертой части гражданского кодекса. Двадцатый век также подарил миру всемирную сеть Интернет. С помощью этой сети возможно взаимодействие пользователей на разных концах планеты, за секунду возможна пересылка важнейших документов, для многих людей и компаний интернет стал местом постоянной работы. Но уже с начала двадцать первого века с помощью сети Интернет совершаются тысячи нарушений в области интеллектуальной собственности — музыкальные произведения, программы, фильмы размещаются в сеть без разрешения собственников.

С течением времени всемирной сетью начинают пользоваться все больше и больше людей, а угроза нарушения интеллектуальных прав также возрастает и принимает катастрофический характер из-за возможности доступа к файлам в сети неограниченного количества пользователей.

В подобной ситуации государство не может оставаться в стороне, ведь интеллектуальная собственность и сеть Интернет уже стали такой же обыденностью для современного человека, как и лампочка и электричество для человека из двадцатого века. Необходима активная работа, как ученых юристов, так и законодательных, исполнительных и судебных органов для максимального урегулирования и защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет. Актуальность данной темы состоит как раз в том, что для Российской Федерации защита интеллектуальной собственности, а тем более ее защита в сети Интернет, является совершенно новой областью, в которой присутствует множество пробелов.

На сегодняшний день достаточно затруднительно определить, где проходят границы «свободы обмена и распространения контента в сети» и начинается правонарушение, вследствие перехода за рамки допустимых прав и свобод пользователя контента в ущерб аналогичным правам и свободам правообладателя. В первую очередь эта проблема техническая, а не правовая. На практике в этой области законы следуют за научно-техническим прогрессом, а не наоборот.

Также серьезную сложность создает относительно новая технология распространения информации, так называемая «облачная».

Облачное хранилище (облачный хостинг) — это сеть серверов, на которых хранятся фрагменты данных. При загрузке файла на облако файл делится на несколько частей, которые «разбрасываются по серверам», каждая часть имеет одну или несколько резервных копий [1]. При обращении к данному файлу он вновь собирается с частей, причём «собираются» части с наименее загруженных серверов. Стало быть, обнаружить конкретного пользователя, который выгрузил этот файл в контент, становится невозможным. Тем более скачивание этого файла другими пользователями осуществляется через других пользователей, которые скачали этот файл до них и «раздают» его. Принцип действия облачного хостинга нами отображен на схеме (Приложение 1).

В последнее время огромное количество громких судебных процессов было непосредственно с провайдерами этих интернет-хостингов (дело Mininova.org [2], дело The Pirate Bay [3]).

Сложности регулирования процессов, происходящих внутри сети Интернет и затрагивающих права интеллектуальной собственности, создает также экстерриториальность Интернет-среды, что затрудняет определение границ действия того или иного национального законодательства.

Говоря о тех же самых облачных хостингах, «раздатчиками» одного и того же файла одновременно могут быть граждане десятков государств. Соответственно проблему создает и отсутствие однородного законодательства и единых правовых норм, обеспечивающих защиту интеллектуальной собственности. В связи с этим создаются дополнительные проблемы для пресечения распространения незаконного контента в сети и установления личности правонарушителя.

Но фактически, непосредственными нарушителями авторских и смежных прав являются пользователи, осуществляющие между собой обмен этой информацией, а провайдеры файлообменных сетей лишь обеспечивают условия осуществления данного обмена.

Сами провайдеры файлы не передают, а значит ничего не нарушают, и тогда авторы произведений сталкиваются с проблемой выявления лица, которому следует предъявить претензию или иск. (Приложение 2).

Тем не менее, всё далеко не так безнадежно, как может показаться на первый взгляд.

Законодательство Российской Федерации и современные технические средства предоставляют авторам такие возможности охраны своих прав, как знак Копирайта ©, водяные знаки, электронно-цифровые подписи, специальные программы, позволяющие прикрепить к файлу скрытую информацию об авторе.

С учетом того, что защита интеллектуальных прав осуществляется главным образом в судебном порядке, этому виду защиты необходимо уделить особое внимание. Судебная защита интеллектуальной собственности в сети интернет производится в основном арбитражными судами, в том числе специализированным арбитражным судом — судом

по интеллектуальным правам, однако необходимо учитывать, что суды общей юрисдикции также полномочны рассматривать подобные дела. Необходимо подчеркнуть особую роль суда по интеллектуальным правам в осуществлении защиты. Суд начал работу в 2013 году.

Так, суд по интеллектуальным правам рассмотрел резонансное дело общества с ограниченной ответственностью «ДРОФА» к обществу с ограниченной ответственностью «Нинтегра» о взыскании компенсации за бездоговорное использование произведений. ООО «Нинтегра» является собственником приложения «LMS. Школа. Школьный дневник» для планшетов iPad и телефонов iPhone, которое было размещено в магазине приложений App Store. После установки приложение дает доступ к учебникам, являющимися интеллектуальной собственностью ООО «Дрофа». ООО «Нинтегра» настаивало на том оно предоставляет пользователям площадку для размещения материалов, но ООО «Нинтегра» не представило доказательств размещения спорных учебников в приложении «LMS Школа. Школьный дневник» для устройств iPad и iPhone сторонними пользователями приложения. Суд указал, что поскольку ответчик продает пользователям готовый программный продукт, ответчик не может считаться хостинг-провайдером или файлообменным Интернет-ресурсом, вследствие этого ответственность за нарушение интеллектуальных прав (взыскание компенсации, возмещение убытков) наступает применительно к статье 401 ГК РФ. Любопытно также, что в настоящем деле в качестве доказательства фигурирует нотариальный протокол осмотра от 07.12.2012 на интернет-планшете iPad 2.

Важной проблемой в судебной защите интеллектуальной собственности в сети Интернет является возможность привлечения к ответственности хостинг-провайдеров, т. е. лиц, которые являются операторами связи, оказывающими услуги передачи данных сети связи общего пользования, что включает в себя размещение на сервере сайтов. Так, законодательно возможность привлечения к ответственности интернет хостингов не была закреплена до 2 июля 2013 года, а практика арбитражных первой проложила дорогу в этой сфере. Показательными являются дела № А40–6440/07–5–68 и № А40–75669/08–110–609. В этих делах имело место размещение объектов интеллектуальной собственности в сети интернет без разрешения собственников исключительного права, а при решении вопроса о привлечении к ответственности хостинг-провайдеров, на серверах которых были размещены сайты нарушителей, суд пришел к выводу, что необходимо учитывать степень вовлечения провайдера в процесс передачи, хранения и обработки информации, возможность контролировать и изменять ее содержание, а также следует принять во внимание превентивные меры по пресечению нарушений с использованием предоставленных провайдером услуг, предусмотренные договорами, заключенными им со своими клиентами [4]. Также судом подчеркивается, что, учитывая современное развитие сети Интернет, такая

правовая позиция может быть применена и при привлечении к ответственности владельцев социальных и файлообменных интернет-ресурсов. Предполагается, что подобная позиция позволяет наиболее полно и объективно оценить сложившуюся ситуацию и вынести справедливое решение [5]. Важность подобного подхода заключаются в том, что в статье 1253.1 ГК — Особенности ответственности информационного посредника фактически воспроизведены положения, изложенные Высшим Арбитражным Судом, что свидетельствует о восприятии законодателем накопленного опыта в этой сфере [6]. Схожая ситуация может возникнуть при сдаче в аренду доменного имени сайта. Так, в деле № А40—136427/2012 физическое лицо заключило договор с ООО о сдаче в аренду доменного имени во временное владение и пользование с правом администрирования. ООО впоследствии разместило на сайте с вышеупомянутым доменным именем информацию, нарушающую права истца путем предложения к продаже товаров с использованием обозначения, сходного до степени смешения со словесным обозначением товарного знака истца. Возник вопрос о привлечении физического лица арендодателя к ответственности за нарушение прав истца. Суд пришел к выводу, что привлечение к ответственности арендодателя доменного имени невозможно, так как отсутствует его вина, ввиду того на момент составления протокола нотариусом функции по администрированию доменного имени и размещением на соответствующем сайте рекламной информации о предложении к продаже товаров, маркированных товарным знаком, принадлежащим истцу, осуществляло ООО в силу договора между арендодателем и ООО. Таким образом, собственник доменного имени не может быть привлечен к ответственности за нарушение исключительных прав в сети Интернет, если он на момент нарушения не осуществлял функции администрирования доменного имени и размещенной на нем информации.

Также серьезной проблемой является затруднительность доказывания в спорах возникающих в сфере сети Интернет. Так, в силу специфики споров, возникающих в этой сфере, доказательства по делам могут существовать лишь в электронном варианте. Позиция судов по поводу приобщения электронных документов к судебному делу и их исследования в качестве доказательств заключается в том, что судьи в судебных процессах не работают с электронными документами как первичными письменными источниками фактов и прямыми доказательствами [7]. Поскольку электронный документ в силу своих объективных свойств не соответствует требованиям действующего судопроизводства, основанного на организации бумажного делопроизводства и выверенных столетиями процедурах, то в настоящее время сложился и установился своеобразный порядок исследования и приобщения таких доказательств к делу. Документ, содержащий текстовую или графическую информацию, приобщается к делу в виде его копии на бумажном носителе, т. е. документ распечатыва-

ется на бумаге, оформляется и лицом. Если электронный документ подписан электронной цифровой подписью, несмотря на легитимность электронной цифровой подписи, установленную федеральным законом, одна из сторон привлекает к участию в деле стороннего эксперта, который проводит экспертизу и оформляет экспертное заключение. Последнее приобщается к делу и исследуется на процессе. При этом, как правило, подлинный электронный документ в качестве прямого доказательства не исследуется и к делу не приобщается. Кроме того, любопытна позиция Высшего Арбитражного Суда, закрепленная в постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 05.04.2012 № 16311/11, согласно которой документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием сети Интернет, а также документы, подписанные электронно-цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и в порядке, которые установлены ст. 75 АПК, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором либо определены в пределах своих полномочий Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации. На основании этой позиции доказательство в виде распечатки интернет-сайта не были признаны допустимыми доказательствами, поскольку ответчики не обосновали в соответствии с названными нормами возможность предоставления распечатки с интернет-сайта в качестве письменного доказательства, поэтому у судов не имелось оснований признавать их допустимыми доказательствами, подтверждающими обстоятельства по делу. Если оспариваемый электронный документ, представляющий собой веб-страницу, размещенную на интернет-сайте, то такая страница с указанием ссылки распечатывается на бумаге, оформляется и заверяется как копия веб-страницы сайта в установленном порядке заинтересованным лицом.

Как говорилось ранее, защиту интеллектуальной собственности полномочны также осуществлять не только арбитражные суды, но также и суды общей юрисдикции. Особенностью защиты в судах общей юрисдикции является то, что в них рассматриваются споры с участием физических лиц. Примером может послужить дело № 2—6980/11, поводом для возбуждения которого послужило то, что фотографии из личного блога истца были размещены на интернет-сайте крупного информационного агентства. Кроме этого, при размещении фотографий в своем блоге на них истцом были нанесены имя и фамилия автора, указан адрес блога, а при воспроизведении фотографического произведения данная информация с фотографий была ответчиком удалена. Суд пришел к выводу, что ответчиком было нарушено исключительное право истца, и удовлетворило требования ответчика, касающиеся взыскания с ответчика компенсации за нарушение исключительного права автора и компенсации морального вреда. Из этого можно сделать вывод, что, несмотря на то, что споры об интеллектуаль-

ной собственности чаще возникают в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, подобные споры также объективно рассматриваются и справедливо разрешаются судами общей юрисдикции.

Литература:

1. <http://www.rabotafree.com/blog/22-blog/1359-princip-raboty-oblachnogo-hraniliwa.html>
2. http://minsvyaz.ru/ru/monitoring/index.php?id_4=40285
3. Pirate Bay chiefs deny illegal downloading at trial, AFP (via Google News), February 16, 2009.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.12.2008 № 10962/08, от 01.11.2011 № 6672/11
5. Ответственность за нарушение интеллектуальных прав в сети интернет К. А. Васичкин
6. Ответственность за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности в сети интернет. За рубежомный опыт. Д. И. Хабаров
7. Защита интеллектуальной собственности в сети Интернет Д. А. Ловцов, А. Е. Галахова

Проблемы правового регулирования материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ и пути их решения

Ко Ольга Сергеевна, студент магистратуры;

Воронин Иван Константинович, кандидат юридических наук, преподаватель

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Статья посвящена проблемам правового регулирования материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ, также в статье предложены пути их решения. Указано, что требуется вносить изменения и дополнения в действующее законодательство, в частности, в ТК РФ, что поможет решить проблемы правового регулирования материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ.

Ключевые слова: материальная ответственность, органы внутренних дел, ОВД, проблемы материальной ответственности, юридическая ответственность.

Материальная ответственность наряду с другими видами юридической ответственности выступает действительно эффективным средством защиты права собственности. Прежде чем рассматривать проблемы правового регулирования материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ, следует непременно обозначить, что само по себе бережное отношение к имуществу организации, предприятию остается одной из основных обязанностей работника в соответствии с составленным трудовым договором. Важно учитывать, что в случаях, когда нарушена эта обязанность, работодателю, начальству неизбежно причиняется ущерб, нередко ущерб заметный, а у работника появляется регламентированная обязанность по возмещению ущерба. В этом случае работник, соответственно, привлекается к материальной ответственности, которая определяется непосредственно как особая мера государственного принуждения, заключающаяся в возложении обязанности возместить в установленных законом порядке и размерах ущерб, причиненный в трудовых правоотношениях [3].

Известно, что материальная ответственность сотрудников в ОВД возникает в рамках трудовых отношений в случае причинения вреда сотрудником имуществу органов внутренних дел или, в частности, третьих лиц. К примеру, при утере специальных средств, которые находились

на балансе органа внутренних дел, или в случае фактического причинения вреда сотрудником третьим лицам в ходе произошедшего дорожно-транспортного происшествия [5].

Рассматривая проблематику, можно полагать, что на современном этапе развития правовой науки и общества есть определенная необходимость принятия отдельного нормативного правового акта, который бы урегулировал отношения, связанные с привлечением сотрудников органов внутренних дел к материальной ответственности. Это обусловлено отсутствием отдельного нормативно-правового документа, и в силу его отсутствия ликвидировать данный пробел можно принятием соответствующего закона на федеральном уровне [6].

Проблемы материальной ответственности в деятельности сотрудников ОВД достаточно обширны, так, в частности, практике деятельности органов внутренних дел (ОВД) причинение сотрудниками указанных органов материального ущерба государству в условиях крайней необходимости — достаточно распространенное явление. Изучение проблемы свидетельствует, что практически невозможно перечислить все случаи, когда, действуя в условиях крайней необходимости, рискуя своей жизнью и здоровьем, сотрудники ОВД устраняли опасность, угрожающую жизни и здоровью иных граждан, причинив при этом своими действиями материальный ущерб государству. Действия, фор-

мально подпадающие под признаки состава правонарушения, но характеризующиеся наличием общественно полезной цели и совершенные в состоянии крайней необходимости (при соблюдении условий и пределов ее правомерности), вызывают общественное одобрение и предполагают освобождение лица от ответственности. Несколько по-иному обстоит ситуация с освобождением сотрудников ОВД от материальной ответственности в таких ситуациях. Так или иначе, сформулировать положительный вывод о том, что причинение материального ущерба государству в условиях крайней необходимости является основанием освобождения сотрудника от материальной ответственности, возможно, лишь доказав, что крайняя необходимость охватывается понятием «правомерные действия». Трактовка названного словосочетания возможна в двух значениях: в значении действий, прямо предусмотренных нормативно-правовыми актами (правомерное поведение «в строгом» смысле слова) и действий, которые, кроме прочего, включают некоторые формы правом не регламентированного поведения.

Действие запрета «аналогии закона и права» проявляется в четком законодательном ограничении перечня таких деяний, которые признаются в них правонарушениями. Вместе с тем, результаты изучения имеющихся подходов к определению понятия «правомерные действия» позволяют утверждать, что признание деяния правомерным в отношениях, связанных с действием административно-правовых и уголовно-правовых запретов, не исключает рассмотрение этого же деяния в качестве противоправного в рамках иных отраслевых правоотношений. Вероятно, если не нарушается конкретная норма, то самим фактом причинения ущерба нарушается общий законодательный запрет причинять другому вред. В таком случае всякое причинение вреда другому является противоправным. Следует отметить, что как таковая противоправность для целей возникновения обязательств по возмещению вреда включает нарушение как установленного законодательством предписания (правовой нормы), так и субъективного права потерпевшего [4].

Необходимо отметить, что противоправное действие может выражаться не только в нарушении охранительных норм, но и в нарушении какого-либо основанного на договоре обязательства. Условием возникновения обязательства возместить вред может быть нарушение возложенной на лицо обязанности по содержанию определенного имущества, в результате чего был причинен вред имуществу юридического лица. По сути, для целей возникновения обязательства по возмещению вреда противоправность не всегда может включать оба компонента — нарушение законодательной (правовой) нормы, и нарушение субъективного права либо законного интереса участника правоотношения.

Достаточным основанием для возникновения указанного обязательства (а, значит, и признания соответствующего деяния противоправным) может служить нарушение субъективного права лица в условиях отсутствия к тому ка-

ких бы то ни было законодательных предпосылок. В этой связи заслуживает внимания вывод, в соответствии с которым причинение ущерба априори — противоправное деяние, а любой юридический факт, результатом которого является причинение вреда, презюмируется противоправным. Учитывая, что условия наступления гражданско-правовой (имущественной) и материальной ответственности совпадают, возможным является распространение приведенного утверждения на случаи причинения сотрудниками ОВД при исполнении ими своих служебных обязанностей материального ущерба государству. Притом в понятии противоправности отражается только факт объективного несоответствия действий сотрудника условиям заключенного с ним контракта и требованию законодательных актов. Однако, вряд ли можно утверждать, что деяние, которое, хотя и было направлено на достижение общественно полезной цели, но, не достигнув ее, привело к причинению материального ущерба (пусть даже действиями, не подпадающими под уголовную или административную ответственность), во всех случаях будет признаваться выполнением надлежащим образом служебных обязанностей. При таких обстоятельствах может быть констатировано формальное нарушение сотрудником условий заключенного с ним контракта, выразившееся в ненадлежащем исполнении возложенной на него обязанности бережно относиться к вверенному ему служебному имуществу [4].

Итак, приведенные положения позволяют заключить, что крайняя необходимость, как и обоснованный профессиональный риск, не подлежит полному включению в понятие «правомерные действия», а значит, должно учитываться в качестве самостоятельного основания освобождения сотрудника от материальной ответственности. С учетом вышесказанного, полагаем целесообразным внесение изменений в отечественное законодательство, дополнив его таким основанием освобождения сотрудника от материальной ответственности, как совершение деяния, повлекшего причинение материального ущерба, в условиях крайней необходимости.

Также весьма целесообразно вносить изменения и дополнения в уже существующее законодательство, в частности, в ТК РФ, что поможет решить проблемы правового регулирования материальной ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ [1]. Следует отметить, что в соответствии со ст. 241 ТК РФ за ущерб сотрудник органов внутренних дел несет материальную ответственность в пределах среднего ежемесячного заработка или, при наличии весомых и законных оснований, которые прописаны в ТК РФ и других законодательных актах, полную материальную ответственность [1].

Здесь же следует подчеркнуть и такую проблему как то, что в настоящее время в нормативных правовых актах, которые регламентируют и описывают деятельность органов внутренних дел, в трудовом законодательстве Российской Федерации именно повышенная материальная ответственность не предусмотрена. Можно полагать, что,

в целом, повышенную материальную ответственность, существовавшую ранее, не включили в классификацию и законодательные акты, поскольку в условиях формирования рыночных отношений непосредственно кратность на стоимость утраченного имущества желаемого результата в возмещении ущерба не дает, соответственно, выделение полной материальной ответственности не является решением проблем [4].

Характерным также видится и то, что детальный анализ практики, которая связана именно с утратой сотрудниками органов внутренних дел табельного огнестрельного оружия, боеприпасов, спецсредств, фактически свидетельствует о том, что сотрудники ОВД, которые допустили потерю и утрату, привлекаются чаще всего только к дисциплинарной ответственности, а необходимость привлечения к материальной ответственности во внимание не берется [6]. Это проблематично в связи с тем, что, по сути, вред причиненный органу внутренних дел, никак не возмещается, убытки не компенсируются.

Так, с точки зрения современного трудового законодательства, на основании положений статьи 240 ТК РФ работодатель вправе, принимая во внимание конкретные обстоятельства и нюансы, полностью или лишь частично отказаться от взыскания компенсации в материально-де-

нежном выражении с виновного работника, если имел место материальный ущерб. В ряде случаев, что немаловажно, работодатель ограничивается только наложением на работника дисциплинарного взыскания, а суммы ущерба впоследствии становятся убытками работодателя.

Итак, применительно к утере табельного оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудниками органов внутренних дел, полагаем, что, учитывая повышенную общественную опасность подобных деяний, не следует отказываться от взыскания ущерба с виновных сотрудников. Кроме того, необходимо помнить, что одной из функций материальной ответственности является превентивная функция. Так, зная о том, что за утерю оружия, боеприпасов и специальных средств ему придется возместить вред государству, сотрудник органов внутренних дел будет более бережно относиться к вверенному имуществу. Вероятно, с учетом существующей тенденции заимствования норм трудового законодательства, в отношении, связанные с материальной ответственностью сотрудников органов внутренних дел, включение института повышенной материальной ответственности за утрату оружия, боеприпасов и специальных средств в нормативные правовые акты будет противоречить общей концепции развития трудового законодательства.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) — Консультант-Плюс.
2. Адмиралова, И. А. Административная деятельность ОВД / И. А. Адмиралова. — М.: Юрайт, 2017. — 521 с.
3. Гончаров, И. В. Юридическая ответственность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации / И. В. Гончаров. — М.: Академия управления МВД России, 2015. — 119 с.
4. Рамазанов, А. З. Материальная ответственность сотрудников органов внутренних дел / А. З. Рамазанов. — М.: Юнити-Дана, 2017. — 130 с.
5. Ткачëв, В. Н. Материальная ответственность сотрудников (работников) органов внутренних дел Российской Федерации / В. Н. Ткачëв. — М.: Юнити-Дана, 2019. — 71 с.
6. Тоточенко, Д. А. Основания привлечения сотрудников органов внутренних дел к полной материальной ответственности / Д. А. Тоточенко. — Омск: Омская академия МВД РФ, 2015. — 47 с.

Потенциальные административно-правовые составы за правонарушения в сфере взаимоотношения человека и животного

Кобжицкий Дмитрий Андреевич, студент

Иркутский государственный университет

Статья посвящена анализу потенциальных административно-правовых составов, которые могут появиться в Кодексе об административных правонарушениях РФ под влиянием вступления в юридическую силу Федерального закона 498-ФЗ от 27 декабря 2018 года «Об ответственном обращении с животными». В данной статье автором на основе анализа правовых норм данного закона, а также иных правовых актов, принятых в соответствии с ним, будет проанализирована возможность появления отдельных новых составов в КоАП РФ и рассмотрена их юридическая специфика. В статье будет производиться сравнение законодательства РФ с законодательством отдельных штатов США.

Ключевые слова: животные, ответственное обращение, содержание животных, безнадзорные животные, домашние животные, не дикие животные, закон об ответственном обращении с животными, 498-ФЗ,

животные без владельца, ответственное обращение с животными, КоАП РФ, жестокое обращение с животными, Animal Legal Defense Fund.

Принятие в Российской Федерации Федерального закона № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [20] (далее — Закон) позволило говорить о новых явлениях в сфере правоотношений между человеком и животным.

Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными, предусмотренная статьей 245 Уголовного кодекса РФ, уже была ужесточена ранее, за год до принятия Закона. Затем, уже после его принятия, органы власти стали рассматривать вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за жестокое обращение с животными — с 16 лет до 14. Соответствующий законопроект внесет в Государственную Думу РФ [8].

Кроме того, Закон подготовил почву для появления новых административно-правовых санкций. Предпосылки к этому были продиктованы правовыми нормами, которые содержатся в Законе и в иных нормативно-правовых актах, которые были позже приняты в соответствии с ним.

По мнению автора, сейчас, когда прошел год с момента принятия Закона и начали появляться новые нормативно-правовые акты, принятые в соответствии с ним, предпосылки появления отдельных составов в КоАП РФ стали еще более явными. В Главах 3 и 4 Закона содержатся правовые нормы, содержащие гипотезу и диспозицию, и тем самым как раз и создающие предпосылки для появления санкций за неисполнение данных правовых норм.

Административная ответственность, как известно, наступает за деяния, менее опасные для общества, чем преступления. [5, с. 603]. В Российской Федерации основным нормативно-правовым актом, закрепляющим составы за нарушения правил поведения в сфере управления, является Кодекс об административных правонарушениях РФ.

При этом, в соответствии со статьей 1.3.1 КоАП РФ [14], к ведению субъектов РФ относится, в том числе и установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Таким образом, субъекты РФ также могут устанавливать своими законами составы административных правонарушений и наказания за них. Наиболее прогрессивным является Кодекс об административных правонарушениях Москвы [11], где содержится отдельная Глава 5, касающаяся правонарушений в сфере обращения с животными.

Нарушение общих требований содержания животных

Статьей 9 Закона установлены общие требования к содержанию животных, куда включаются, в том числе, обеспечение надлежащего ухода за животными, оказания им

своевременной медицинской помощи. Вполне вероятно, что потенциальный состав за нарушение данных требований будет звучать как «Нарушение общих требований содержания животных».

Интересно, что в КоАП Москвы содержится похожий состав: статья 5.1 закрепляет ответственность за нарушение правил содержания домашних животных. В статье упоминаются наказания за причинение животному увечья, допущение загрязнения домашними животными мест общего пользования, появление с собакой без поводка и др.

Вместе с тем потенциальный состав должен быть расширен по сравнению с тем, что указано в КоАП Москвы, поскольку он будет касаться не только домашних животных, но в целом не диких животных, правовое положение которых и регулирует Закон. При этом к не диким животным, как следует из норм Закона, относятся, помимо домашних, и безнадзорные, зоопарковые, цирковые, служебные животные [13].

Нарушение требований необходимости обеспечения дальнейшей судьбы животного при отказе от права собственности на него

По мнению автора, самой прогрессивной нормой в Законе является п. 2 ст. 9, который закрепляет обязательство хозяина животного, если он отказывается от права собственности на это животное, передать его новому владельцу или пристроить это животное в приют. Также данная правовая норма частично дублируется в подп. 3 п. 2 ст. 11 Закона.

Таким образом, из данной нормы вытекает противоправный характер деяния, когда человек в обход этому правилу выбрасывает животное на улицу. Соответственно и санкции за нарушение данной правовой нормы должны быть предусмотрены в Кодексе об административных правонарушениях РФ.

Стоит отметить, что в странах с развитым законодательством о защите прав животных, предусмотрена достаточно суровая ответственность за данное правонарушение. Так, по закону американского штата Нью-Йорк (а именно в силу Section 355 of New York Consolidated Laws, Agriculture and Markets Law) за оставление животного на улице, в общественном месте, на дороге на лицо налагается штраф в размере до 1000 долларов; также возможно лишение свободы на срок до одного года; возможно применение обеих мер наказания [2].

Самое интересное, что во многих американских штатах, включая упомянутый Нью-Йорк, оставление животного на улице относится к felony, то есть к наиболее тяжкому преступлению, в отличие от misdemeanor (проступок). Это следует, в частности, из анализа законодательства по штатам США, подготовленного юристами американской некоммерческой организации по защите прав животных Animal Legal Defense Fund [1].

Содержание в домашних условиях животных, запрещенных к содержанию в таких условиях

Данная санкция прямо вытекает из подп. 1 п. 1 ст. 10 Закона, где устанавливается запрет на содержание отдельных видов животных в домашних условиях. При этом идет ссылка на подзаконный акт, который фиксирует перечень таких животных. На момент принятия Закона такой подзаконный акт отсутствовал, однако в июне 2019 года Правительство РФ приняло соответствующее постановление. Так, в Постановлении Правительства РФ № 795 от 22 июня 2019 года предусмотрено, какие конкретно животные запрещены к содержанию [16]. Под данный запрет попали как совершенно экзотические животные (змеи, медведи, скорпионы), так и такие, которые ранее использовались людьми в качестве животных-компаньонов (например, лисица обыкновенная).

При этом в ряде случаев содержание таких животных все же допускается [18], что также надо иметь в виду.

Натравливание животных на людей, а также натравливание животных друг на друга

В подп. 2 п. 1 ст. 9 Закона предусмотрены исключения, когда допускается натравливание животного на человека: необходимая оборона, использование служебных животных, дрессировка собак кинологами. Соответственно, во всех остальных случаях данное деяние носит противоправный характер.

Интересно, что в судебной практике довольно часто встречаются прецеденты, когда животное (в особенности — собака) квалифицируется как предмет, используемый в качестве оружия [10]. Таким образом, если в действиях лица при натравливании животного на человека будут найдены признаки, предусмотренные одной из статей Уголовного кодекса РФ, лицо может понести, помимо административно-правовой ответственности, и уголовно-правовую.

Запрет натравливания животных на других животных предусмотрен подп. 2 ст. 11 Закона. Стоит отметить, что притравочные станции в Российской Федерации, благодаря стараниям общественных активистов, ныне запрещены [7], что является большим прогрессивным шагом вперед. Сама по себе недопустимость натравливания животного на другое животное вытекает из правовых принципов, закрепленных в статье 4 Закона. В зарубежном законодательстве за данное деяние наступает достаточно суровая ответственность: например, в американском штате Массачусетс за натравливание животного на другое животное лицо может быть подвергнуто лишению свободы на срок до 5 лет [3].

Проведение на животных без применения обезболивающих лекарственных препаратов для ветеринарного применения ветеринарных и иных процедур, которые могут вызвать у животных непереносимую боль

Данная норма, предусмотренная подп. 1 п. 2 ст. 11 Закона, пропитана принципом отношения к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания (статья 4 Закона).

В рамках данного административно-правового состава можно говорить и о специальном субъекте — лице, которое оказывает медицинскую помощь животному либо осуществляет иные процедуры (как правило, ветеринарный врач).

Немного отступая от вопроса самой ответственности, стоит отметить, что вопрос ветеринарного обследования животного нуждается в более полной и всесторонней законодательной проработке. Так, в законодательстве американского штата Флорида данный вопрос регулируется очень детально, закреплены все аспекты, включая перечень медицинских процедур и даже ведение медицинской карточки конкретного животного [4].

Пропаганда жестокого обращения с животными

Запрет на пропаганду жестокого обращения с животными установлен в статье 12 Закона. Интересно, что еще до принятия 498-ФЗ в ряде субъектов РФ действовали правовые нормы, запрещающие пропаганду жестокого обращения с животными. Например, данный запрет установлен в статье 4 Закона Республики Крым от 28 июня 2016 г. «О содержании и защите от жестокого обращения домашних животных» [12]. Правда, данный запрет в региональном законодательстве, во-первых, касался только домашних животных, а, во-вторых, был обязателен только для жителей отдельных субъектов РФ.

Теперь же данное правило касается всех недиких животных и обязательно для исполнения всеми гражданами Российской Федерации.

Нарушение правил содержания отдельных видов не диких животных

Закон регламентирует правила содержания домашних животных (статья 13); служебных животных (статья 14); животных, которые содержатся и используются в культурно-зрелищных целях (статья 15). Следовательно, за их нарушение должно последовать наказание.

Следует также иметь в виду отдельный рассмотренный нами ранее потенциальный административно-правовой состав по нарушению общих требований содержания животных, вытекающий из статьи 9 Закона. Вероятнее всего, составы по нарушению правил содержания отдельных животных будут включать квалифицирующие признаки, позволяющие отграничить эти составы от нарушения общих правил содержания животных.

Кроме того, как мы уже отмечали, после принятия Закона был разработан ряд подзаконных актов, конкретизирующих отдельные его правовые нормы. Так, был утвержден ГОСТ Р 58420–2019, закрепляющий стандарты содержания животных в зоопарках [9]. Также Приказом ФТС России, который был принят 30 июля 2019 года, утверждены нюансы правового регулирования обращения со служебными животными (правда, в привязке только к таможенным органам) [19].

Поэтому правовое регулирование данных вопросов становится более глубоким и детальным.

Нарушение правил содержания животных в приютах

С принятием Закона впервые на федеральном уровне были сформулированы нормы и правила содержания животных в приютах.

Более конкретные правила, в соответствии с п. 13 ст. 16 Закона, должны быть установлены органами субъектов. На сегодняшний день далеко не во всех субъектах РФ утверждены данные правила, однако на федеральном уровне приняты методические указания по организации деятельности приютов для животных [17].

Нарушение правил обращения с животными без владельцев

Данные правила содержатся в статье 18 Закона и устанавливают общеобязательные правила по обращению с животными при их отлове, помещению в приют, проведению медицинских мероприятий и последующему выпуску обратно на улицу.

Требования, установленные в статье 18 Закона, по своему характеру являются достаточно конкретными. Тем не менее, более детальные нюансы могут быть предусмотрены

законами субъектов РФ. Например, в Башкортостане региональные власти собираются принять собственный закон «Об ответственном обращении с животными» для уточнения федеральных норм, в том числе и по данному правилу [6].

Заключение

Таким образом, Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» подготовил почву для масштабных преобразований в сфере отношения человека с животными, в том числе почву для появления в КоАП РФ новых составов, которые вытекают из соответствующих норм Закона.

Стоит отметить, что уже сейчас данный вопрос в России активно решается, органы власти готовят поправки в КоАП по созданию в кодексе нескольких, перечисленных в настоящей статье, составов, в том числе и состава по оставлению животного на улице [15].

Видится, что данные изменения будут фундаментом для формирования в Российской Федерации наказаний, соответствующих тяжести правонарушений в сфере взаимоотношения человека и животного.

Литература:

1. 2019 U. S. Animal Protection Laws State Rankings // Animal Legal Defense Fund. URL: <https://aldf.org/project/us-state-rankings/> (дата обращения: 18.01.2020).
2. Section 355 Abandonment of animals // The New York State Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/AGM/355> (дата обращения: 18.01.2020).
3. Section 94 // The 191st General Court of the Commonwealth of Massachusetts. URL: <https://malegislature.gov/Laws/GeneralLaws/PartIV/TitleI/Chapter272/Section94> (дата обращения: 18.01.2020).
4. The 2019 Florida Statutes // Online Sunshine. URL: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?Appmode=Display_Statute&URL=0400-0499/0456/Sections/0456.057.html (дата обращения: 18.01.2020).
5. Административное право: учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. — 4-е изд., пересмотр. и доп. — М.: Норма, 2009. — 928 с.
6. В Башкирии будет принят закон об ответственном обращении с животными // Башинформ.рф. URL: <http://www.bashinform.ru/news/1402576-v-bashkirii-budet-prinyat-zakon-ob-otvetstvennom-obrashchenii-s-zhivotnymi/> (дата обращения: 18.01.2020).
7. В России вступил в силу запрет контактной притравки // ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. URL: <http://duma.gov.ru/news/28016/> (дата обращения: 18.01.2020).
8. Возраст уголовной ответственности для подростков-живодеров могут понизить // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2019/09/15/vozrast-ugolovnoj-otvetstvennosti-dlia-podrostkov-zhivoderov-mogut-ponizit.html> (дата обращения: 18.01.2020).
9. ГОСТ Р 58420—2019 Услуги населению. Услуги зоопарков. Содержание хищных животных. Общие требования // База ГОСТов. URL: https://allgosts.ru/03/080/gost_r_58420-2019 (дата обращения: 18.01.2020).
10. Животные как орудия преступления. В. Китаева // Сейчас.ру. Новости России и мира. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/2369> (дата обращения: 18.01.2020).
11. Закон г. Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» от 21 ноября 2007 г. N 45// Гарант [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
12. Закон Республики Крым от 28 июня 2016 года № 260-ЗПК/2016 «О содержании и защите от жестокого обращения домашних животных и мерах по обеспечению безопасности населения в Республике Крым» // Правительство Республики Крым. URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/11063> (дата обращения: 18.01.2020).
13. Кобжицкий Д. А. Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» как центральный нормативно-правовой акт, регулирующий общественные отношения между человеком и не дикими животными // Молодой ученый. — 2019. — № 26. — С. 217–220. — URL <https://moluch.ru/archive/264/61278/> (дата обращения: 18.01.2020).

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
15. Обновленный КоАП дополняют пунктами о жестоком обращении с животными // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191025/1560196420.html> (дата обращения: 18.01.2020).
16. Постановление Правительства РФ от 22.06.2019 N 795 «Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию» // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
17. Постановление Правительства РФ от 23.11.2019 N 1504 «Об утверждении методических указаний по организации деятельности приютов для животных и установлению норм содержания животных в них» // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
18. Постановление Правительства РФ от 27.06.2019 N 819 «Об утверждении перечня случаев, при которых допускаются содержание и использование животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию» // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
19. Приказ ФТС России от 30.07.2019 N 1243 «Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в таможенных органах Российской Федерации» // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
20. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N 498-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

Порядок возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия

Коваленко Алексей Викторович, студент магистратуры

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

Статья посвящена рассмотрению особенностей гражданско-правового института ответственности за вред, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия, что несомненно является важным институтом гражданского права в современной России. Возмещение вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, выражается в денежной форме путем взыскания убытков и морального вреда. Причинение морального вреда ведет к возможности получения денежной компенсации за причиненный вред. Компенсация может быть уплачена как в добровольном, так и в судебном порядке.

Ключевые слова: гражданско-правовой институт, гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда, ДТП, исковое заявление, суд, убытки, моральный вред, истец, компенсация, доказательственная база, процессуальное действие.

The article is devoted to the features of the civil law Institute of liability for damage caused as a result of a traffic accident, which is undoubtedly an important institution of civil law in modern Russia. Compensation for damage caused as a result of a traffic accident is expressed in monetary form by collecting damages and non-pecuniary damage. Causing moral damage leads to the possibility of receiving monetary compensation for the damage caused. Compensation can be paid either voluntarily or in court.

Keywords: Civil law Institute, civil liability, damages, accident, statement of claim, court, damages, moral damage, plaintiff, compensation, evidence base, procedural action

Гражданско-правовой институт ответственности за вред, причиненный в результате дорожно-транспортного происшествия, является важным институтом гражданского права и направлен на возмещение вреда потерпевшим в результате ДТП. Порядок возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия подчиняется общим правилам. Об этом прямо указывается в норме абз. 2 п. 3 ст. 1079 ГК РФ.

На первой стадии происходит направление искового заявления с требованиями в суд. В заявлении должны быть

обоснованы искомые требования истца, приводятся доказательства наступления вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Взыскание компенсации морального вреда происходит в рамках искового производства. В советском праве моральный вред начинает рассматриваться в качестве объекта правового регулирования только после правовой реформы 60-х гг. Фактически основы современного института возмещения морального вреда были заложены в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 31

мая 1991 года [3]. Современное регулирование института возмещения морального вреда осуществляется в рамках гражданского законодательства (ст. 151 ГК РФ).

Истец может подать как отдельное исковое заявление с требованием о компенсации морального вреда, так и предъявить эти требования наравне с другими исковыми требованиями. Об этом прямо говорится в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» [2] (далее — Постановление № 10).

Требования, предъявляемые к исковым заявлениям, раскрываются в рамках ст.ст. 131 и 132 ГПК РФ. Исходя из анализа этих статей мы можем обозначить обязательные элементы, которые должны быть прописаны в исковом заявлении:

- а) сведения о причинителе вреда;
- б) сведения о ДТП;
- в) доказательственная база;
- г) какие страдания испытал истец [4].

В абзаце 2 п. 32 Постановления № 10 говорится о том, что в законодательстве предусмотрены случаи, когда причинение морального вреда предполагается причиненным. В качестве примера можно указать на причинение вреда здоровью потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия.

При подаче искового заявления необходимо обязательно уплатить государственную пошлину. Размер государственной пошлины определяется по правилам, обозначенным в рамках подпункта 3 пункта 1 ст. 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ [5], и взыскивается как за исковое заявление неимущественного характера.

Если истец неправильно определит ответчика, то это не может служить основанием для отказа в иске, либо его возвращения или оставления без движения. Суд во время подготовки дела к судебному разбирательству разрешает вопрос о надлежащем ответчике. После этого происходит замена ненадлежащего ответчика. Особенность данного

процессуального действия состоит в том, что замена ненадлежащего ответчика производится только с согласия истца.

На второй стадии происходит рассмотрение искового заявления по правилам гражданского процессуального законодательства. Верховный Суд Российской Федерации указывает о том, что рассмотрение заявления о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, должно проходить в судах общей юрисдикции [1].

Удовлетворение требований истца ведут к тому, что суд взыскивает с виновной стороны причиненный ущерб. Размер причиненного ущерба определяется в тексте судебного решения. В предмет доказывания по делам о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, входят:

- Во-первых, факт причинения вреда;
- Во-вторых, отсутствие обстоятельств непреодолимой силы;
- В-третьих, причинно-следственная связь между ДТП и причиненным потерпевшей стороне вредом.

Незаконный либо законный характер действий причинителя вреда не могут признаваться преюдициальными. Только суд в рамках отдельного производства уполномочен признавать те или иные действия виновного лица в качестве незаконных.

Третья стадия знаменуется исполнением судебного решения в рамках исполнительного производства. Пожалуй, это самая главная стадия, т. к. именно в рамках исполнения судебных решений происходит воплощение в жизнь предписаний суда.

Таким образом, возмещение вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, выражается в денежной форме путем взыскания убытков и морального вреда. Нравственные и физические страдания составляют основу морального вреда. Причинение морального вреда ведет к возможности получения денежной компенсации за причиненный вред. Компенсация может быть уплачена как в добровольном, так и в судебном порядке. Суд уполномочен на определение размера компенсации. При этом суд должен учитывать индивидуальные особенности потерпевшей стороны.

Литература:

1. Берлин А. Верховный Суд РФ об исполнительном производстве // ЭЖ-Юрист. — 2015. — № 49. — С. 3.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2010. — № 3.
3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 31 мая 1991 года (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС СССР. — 1991. — № 26. — Ст. 733.
4. Табунщиков А. Т. Компенсация морального вреда: учебно-практическое пособие. — М.: Проспект, 2017. — С. 62.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.

История становления института банкротства в России

Коноплева Мария Ильинична, студент магистратуры

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Исследуя явление банкротства и нормативно-правовые основы регулирования отношений, связанных с ним, на современном этапе, обратимся к истории становления института банкротства (несостоятельности) в России. Законодательство о банкротстве сформировалось в нашей стране на основании той базы, которая была заложена на протяжении многих веков. Первые упоминания о нормах регулирования взаимоотношений кредитора и должника можно наблюдать в:

- древнерусском законодательном источнике Русской Правде (XI в.);
- Псковской Судной грамоте (1467 г.);
- Судебнике 1497 г.;
- Судебнике 1550 г.;
- Соборном уложении 1649 г [1, с. 85].

Уже тогда на должника возлагалась ответственность за растрату или потерю долга (имущества, товара, денег). Процедура расследования должностным лицом причин несостоятельности (банкротства) и скрепление полетной грамоты великокняжеской печатью гарантировали защиту интересов кредиторов. В средневековом праве против несостоятельности должника применялось уголовное наказание, так как в основе банкротства видели его злонамеренность. Только с течением времени был признан факт существования несостоятельности без вины должника, к которым стали применяться правовые средства имущественного характера. Но это не означало, что уголовное преследование полностью исключалось. Наиболее активными и полными периодами по формированию института банкротства можно отметить XVIII—XIX вв., что было связано с развитием торговли, реформами Петра I, укреплением внешнеэкономических связей. Были сформированы признаки банкротства: нарушение сроков внесения платежей, отсутствие имущества и попытка должника скрыться от кредиторов. Законодательство определяло разные меры воздействия в зависимости от причин возникновения банкротства: «несчастное», «неосторожное», «злостное» банкротство. В дореволюционной России предусматривалось существование таких различных правовых институтов, как несостоятельность и банкротство. Институт несостоятельности назывался конкурсным правом, а процедура, определявшая порядок равномерного распределения имущества несостоятельного должника между кредиторами — конкурсным производством. И если несостоятельность относилась к сфере гражданского права, то банкротство в дореволюционной России всегда рассматривалось как преступление. Оно понималось как неосторожное или умышленное причинение несостоятельным должником ущерба кредиторам посредством уменьшения или сокрытия имущества [2, с. 26].

В конце XIX — начале XX вв. развитие производственных сил, изменение содержания централизации и концен-

трации производства и капитала, а также появление крупных монополий потребовали адекватного реформирования законодательства о несостоятельности. Тем не менее, процедура конкурсного производства была невыгодна, по той причине, что получаемая при реализации всего имущества крупного должника стоимость была всегда значительно меньше прибыли «работающего» бизнеса. В этих условиях, как писал М. И. Кулагин, стали появляться более «смягченные» правовые формы: лицу, испытывающему финансовые затруднения, предоставлялась возможность избежать окончательного краха. Правовыми средствами реализации такой возможности явились широкое применение мировых соглашений, а также предоставление должнику различного рода льгот, например, освобождение в виде отсрочки платежей по долгам, снижения долгов, автоматическое освобождение от обязательств при определенных условиях [3, с. 173].

Таким образом, на тот момент утвердилась точка зрения, что процедура конкурсного производства не является обязательным последствием признания должника банкротом, предполагающее ликвидацию имущества должника — юридического лица и прекращение его правоспособности. Стали актуальными процедуры реабилитационного характера, направленные на восстановление платежеспособности должника, повышение производительности организации (предприятия).

Согласно историко-правовому анализу Ю. С. Сперанской после 1832 года были изданы следующие акты, касающиеся конкурсного права: Положение об утверждении временной Комиссии по делам об имениях и долгах Принцев Александра и Эрнеста Виртембергских от 5 сентября 1839 г., Положение о содержании под стражею за счет казны несостоятельных должников, признаваемых в злонамеренном банкротстве от 13 ноября 1839 г., Положение о предоставлении Сенату права приводить в исполнение определения свои о переводе торгов на продажу имений из губерний в столицу от 12 декабря 1839 г., Указ о порядке удовлетворения долгов несостоятельных купцов — золотопромышленников от 6 марта 1858 г., Правила о порядке производства дел о несостоятельности как торговой, так и неторговой в новых судебных установлениях 1868 г., Правила о порядке ликвидации дел частных и общественных установлений краткосрочного кредита от 22 июня 1884 г [4, с. 33].

В конце XIX в. — начале XX в. готовилась серьезная реформа законодательства о банкротстве, были разработаны проекты нового Устава, один из которых, составленный сенатором Н. А. Туром, являлся весьма обширным и интересным. Однако, задуманной реформе так и не удалось осуществиться вследствие смены государственного строя — власти Советов [5, с. 3]. После отмены частной собственности актуальность регламентации процедуры

банкротства исчезла. В период НЭПа судам, при рассмотрении дел о несостоятельности, приходилось использовать нормы из устава 1832 года. С 1922 года нормы правового регулирования несостоятельности отражались в отдельных главах Гражданского кодекса и Гражданско-процессуального кодекса РФ. По мере установления монополии государственной собственности институт банкротства перестал быть актуальным правовым явлением. В начале 60-х годов общие нормы о банкротстве были исключены из законодательства. Государство не признавало этот институт, считая его чужеродным для советской экономики [6, с. 80].

С начала 1990-х годов с интенсивной модернизацией плановой экономики, развитием предпринимательской деятельности и частной собственности возникла необходимость возрождения института банкротства в новых экономических условиях.

Первый законодательный акт, посвященный проблеме банкротства, был Указ Президента РФ № 623 (от 06 июня 1992 года) «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур». Он действовал до принятия в ноябре 1992 года закона «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Отдельные нормы, связанные с процедурой банкротства уточнялись в многочисленных нормативных документах: Указах Президента РФ, Постановлениях Правительства РФ, распоряжениях Федеральной службы по делам о несостоятельности и фи-

нансовому оздоровлению. 8 января 1998 года был принят второй Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 6-ФЗ [7, с. 59].

Период 1990-х годов характеризуется сменой собственника большинства бывших государственных предприятий в ходе их приватизации. Институт банкротства в России использовался либо как способ перераспределения (захвата, удержания, приватизации) собственности, либо как способ политического и экономического давления на предприятия со стороны государства. По оценкам Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству (ФСФО), каждое пятое банкротство имело признаки преступных преднамеренных действий (в частности, банкротство для списания долгов).

Со всей очевидностью необходимо было признать неэффективность законодательства о банкротстве и потребность внесения качественных изменений его положений. Учитывая практический опыт применения предыдущих законов о несостоятельности (банкротстве) 1992 г. и 1998 г., принятый в октябре 2002 г. третий Закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ был направлен на оздоровление экономики. Введение процедуры финансового оздоровления новым законом предоставило дополнительную возможность для восстановления юридических лиц — должников, стабилизацию платежеспособности и фактического выхода из критического состояния банкротства [8, с. 91].

Весь период истории правового регулирования банкротства условно можно подразделить на три этапа в таблице 1.

Таблица 1. Этапы становления института банкротства в современной России

Этапы развития	Год	Законодательство
1. Дореволюционный	1729	«Вексельный Устав»
	1740	«Банкротский Устав»
	1800	«Устав о банкротах»
	1832	«Устав о торговой несостоятельности»
	1905	«Устав Судопроизводства Торгового» (не только физическое, но и юридическое лицо может быть объявлено несостоятельным)
2. Советский	1922	Нормы о несостоятельности были включены в Гражданский кодекс РСФСР, был введен раздел, посвященный регламентированию процедур несостоятельности
	1927	Нормы о несостоятельности были включены в Гражданско-процессуальный кодекс
3. Постсоветский	14 июня 1992	Указ Президента РФ № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур»
	19 ноября 1992	Первый послереволюционный Закон № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (не доработанный, множество Указов Президента и Постановления правительства)
	8 января 1998	Второй Федеральный закон Российской Федерации № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
	26 октября 2002	Третий Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

Итак, институт банкротства прошел длительный путь развития. Он возник в результате необходимости урегулировать взаимоотношения между теми, кто берет средства в долг, и теми, кто предоставляет эти средства, то есть

между заемщиками (должниками) и кредиторами. Основной акцент ставился на интересах кредиторов. Но впоследствии стали защищаться и интересы должников (в случаях непредвиденных событий).

В начале 90-х гг. XX в. самая большая сложность состояла в том, что необходимо было разработать нормативный акт, который регулировал бы только-только нарождающиеся ры-

ночные отношения в России в условиях, когда современный отечественный опыт правоприменения рыночного, по сути, института несостоятельности (банкротства) отсутствовал.

Литература:

1. Радыгин А. Д. Институт банкротства: становление, проблемы, направления реформирования / А. Д. Радыгин, А. Е. Гонтмахер, М. Г. Кузык, И. В. Межераупс и др. М.: ИЭПП, 2015.
2. Беркович Н. В. Уголовная ответственность за банкротство по законодательству дореволюционной России // История государства и права. 2005. № 6. С. 26.
3. Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1997.
4. Сперанская Ю. С. Институт несостоятельности (банкротства) В России XI — нач. XXI века (историко-правовое исследование): уч. пособие. — Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия [изд.], 2009.
5. Трайнин А. несостоятельность и банкротство. С.-Петербург. Изд. Юридического Книжного склада «Право», 1913.
6. Кальварский Г. В. Становление института банкротства в России / Г. В. Кальварский. — СПб.: Вестник СПбГУ. 2006. № 3.
7. Гаврилова В. Е. Банкротство в России. Вопросы истории, теории и практики. Учебное пособие / В. Е. Гаврилова М.: ТЕИС, 2003.
8. Карелина С. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие / С. А. Карелина. М.: ВолтерсКлувер, 2014. С. 91.

Становление норм об уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка

Копылова Ксения Игоревна, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Российское уголовное законодательство развивалось на протяжении длительного времени и изменялось в зависимости от множества различных обстоятельств — общественного строя, государственной политики, наличия исследований в областях уголовной политики. Существует мнение, что долгое время в Древней Руси детоубийство (здесь — более широкое понятие, чем убийство новорожденного) не считалось преступлением. Одним из первых источников права считается Русская Правда, и в ней не содержалось никаких составов преступлений против новорожденных и более взрослых детей. С крещением Руси и приходом христианской церкви любое убийство стало считаться грехом. В одном из самых ранних памятников христианской культуры — Дидахе содержится очень емкое наставление православным: «Не убивай, не прелюбодействуй, не будь деторастлителем, не будь блудником, не кради, не волхвуй, не отравляй, не умерщвляй дитяти в зародыше и рожденного не убивай» [15]. Данные положения находили отражения в уставах русских князей, в которых преступления против жизни ребенка рассматривались как посягательство на христианские устои семьи и нравственности, в результате чего наказывались церковной епитимией.

Однако, существует и другая точка зрения. Действительно, достоверных данных об ответственности родителей за убийство детей в то время на данный момент не су-

ществует. В. О. Ключевским было проведено исследование о соотношении греха и преступления во времена действия церковных уставов Владимира Святого и его сына Ярослава: «Грех ведает церковь, преступление — государство. Всякое преступление церковь считает грехом, но не всякий грех государство считает преступлением... всякое преступление — грех, насколько оно портит волю преступника; но грех — преступление, насколько он вредит другому или обижает его и расстраивает общежитие» [3]. Помимо заботы о душе человека, церковь занималась и «мирскими» делами, чем значительно помогала государству, а нередко и заменяла его в вопросах поддержания порядка. В. О. Ключевский выделил три разряда дел, которые относились к ведомству церкви:

1. Только греховные дела, нарушающие заповеди, но не содержащие элемента преступности (близкородственные браки, разводы, чародеяние, язычество и общение с язычниками и т. д.).

2. Греховно-преступные дела, содержащие в себе и нарушение заповедей, и насилие по отношению к другому человеку. Решения по таким делам принимались совместно церковью и государством, как правило, митрополит получал пеню от виновного, а князь его судил и карал.

3. Любые дела, касающиеся духовных лиц. Независимо от вида правонарушения, уставом Владимира процессы

по этим делам отдавались церкви. Однако, князь оставлял за собой право принимать в них участие [3].

Таким образом, существуют основания полагать, что дела, связанные с убийством новорожденных, относились к греховно-преступным делам, а жизнь младенцев охранялась Церковью и Церковным судом. Благодаря разграничению церковной и государственной власти князем Владимиром в Русской Правде отсутствуют нормы, касающиеся убийства новорожденных, и именно поэтому принято считать, что впервые они появились в Соборном уложении 1649 г.

Нельзя не отметить, что помимо Уставов Владимира Соборному уложению предшествовал Церковный устав Ярослава, в котором содержится следующее положение: «Тако же и жонка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержить, или утопить обличивши, пояти (и) в дом церковный...» [7, с. 190]. Предполагается, что здесь как раз и говорится об убийстве новорожденного матерью. Наказанием за это деяние было заключение в «церковный дом» — монастырь. Женщина не могла распоряжаться своим имуществом, вступать в брак, должна была работать, при этом еще выплачивая епитимью в пользу церкви в течение неограниченного срока («до очищения души»). Срок изоляции тоже мог быть любым, вплоть до пожизненного.

Поэтому нельзя говорить о том, что до принятия Соборного уложения наказание за убийство матерью новорожденного отсутствовало, а само это деяние было не преступлением, а лишь грехом. Но именно после принятия Соборного уложения данные дела полностью переходят под юрисдикцию светского суда. Ст. 3 главы XXII содержит достаточно четкое указание на дела об убийстве родителями своих детей: «А будет отец или мать сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходит им к церкви божии, и у церкви божии объявляти тот свой грех всем людям в слух. А смертью отце и матери за сына и за дочь не казнити» [7, с. 150]. Немаловажным фактором в определении наказания была законность рождения убитого ребенка. Так, при убийстве законного ребенка родителем наказание смягчалось, а при убийстве незаконнорожденного — ужесточалось. То есть, родители, состоящие в браке, имели больше прав на своего ребенка. Именно поэтому наказание по меркам Соборного уложения было очень мягким — тюремное заключение сроком на год и объявление совершенного преступления грехом.

В случае же убийства незаконнорожденного ребенка наказание было значительно жестче, как правило — смертная казнь. При назначении этого наказания руководствовались тем, что происходило не только убийство, но и прелюбодеяние, т. к. ребенок был зачат вне брака, поэтому необходимо было устроить людей от нарушения сразу двух заповедей — «не убий» и «не прелюбодействуй»... [8, с. 150]. Очевидно, что в данной ситуации государство решало не проблему убийства детей, а проблему внебрачных связей.

Соборное уложение было значительно дополнено Петром I, так как он понимал, что оно несовершенно, требует систематизации и внесения изменений. Особый интерес представляет одно из таких дополнений — 163 артикул Артикула воинского 1715 г.: «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, Офицера наглым образом умертвит, одного колесовать, а тело его на колесо положить, а за прочих мечем наказать» [9, с. 358]. Субъектом убийства младенца в данном случае могли выступать и отец, и мать ребенка.

Примечателен и тот факт, что данная норма, в отличие от норм Соборного уложения, была направлена именно на сохранение жизни ребенка, а не на противодействие блуду. Это подтверждает в своих исследованиях М. Н. Гернет: «На фоне мрачной жестокости Уложения 1649 г., не знавшего жалости к детоубийцам и видевшего в смертной казни для них средство восстановить чистоту нравов и унять блуд, особенно знаменательными являются два указа Петра I: Указ N 2856 от 4 ноября 1714 г. и Указ N 2953 от 4 ноября 1715 г». [4, с. 739]. Оба Указа были направлены на создание условий для воспитания внебрачных детей, для чего создавались особые дома и «гошпитали». Женщины могли принести туда незаконнорожденного младенца, оставаясь полностью анонимными — от них не требовалось имени, они могли прийти с закрытым лицом. «Но ежели такие незаконно рождающие, — добавлял Указ 1715 г., — явятся во умерщвление тех младенцев, и оные за такие злодейственные дела сами казнены будут смертью» [4, с. 739].

М. Н. Гернет также анализировал положения проекта уголовного уложения 1813 г., где целых девять статей (381—389) были посвящены детоубийству. М. Н. Гернет высказывался об их содержании следующим образом: «казуистичны и очень неудовлетворительны в отношении формулировки выраженных в них понятий» [4, с. 740]. В Уложении убийство незаконнорожденного новорожденного рассматривалось как привилегированное преступление, основанием для этого служило чувство стыда или страха роженицы, на это указывает, например, формулировка ст. 381: «...ежели мать, утаив беременность свою, родит в скрытом месте»... За убийство незаконнорожденного ребенка наказание было ниже, чем за убийство законного, и ниже, чем за обычное убийство. По ст. 381 максимальное наказание, которое могла получить женщина привилегированного сословия — назначение места жительства в отдаленных губерниях, женщина прочих сословий — наказание кнутом и ссылка на вечное поселение. За убийство законных детей предусматривалось наказание пожизненной каторгой, вырезанием ноздрей, клейменем. Убийство новорожденного по неосторожности влекло за собой значительно меньшие наказания. Кроме того, предусматривалось наказание за укрывательство убийства новорожденного, причем соучастники и отец ребенка наказывались сильнее, чем мать.

В 1823 г. был принят Свод законов уголовных, в ст. 341 которого выделялись «особенные виды смертоубийства»,

куда относились «чадоубийство», убийство отца или матери и детоубийство, под которым понималось убийство ребенка в утробе. Наказание по ст. 341 было таким же, как и по ст. 342, т. е. как за любое убийство [5].

В 1835 г. начал действовать Свод законов Российской империи, согласно которому умышленное причинение смерти ребенку, независимо от его возраста и законности рождения, признавалось тяжким преступлением [6]. К отягчающим обстоятельствам умышленного убийства относилось родство (убийство своего ребенка, убийство родителя, брата, сестры, малолетнего). Наказанием за такое преступление были бессрочные каторжные работы.

В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно ст. 1451 Уложения, умышленное убийство своего законнорожденного ребенка наказывалось каторжными работами и лишением всего имущества. Предусматривалось также смягчение наказания, если убийство внебрачных сына или дочери совершено матерью от страха или стыда, при самом рождении младенца, если, однако же, при этом не будет доказано, что она была уже прежде виновата в том же преступлении [14]. Такое преступление наказывалось тюремным заключением на срок от 4 до 6 лет и лишением имущества. В ст. 1469 Уложения отдельно говорилось о таком привилегированном виде убийства, как убийство новорожденного ребенка-урода.

Уголовным уложением 1903 г. убийство новорожденного было отнесено к привилегированным. Согласно ст. 461 смерть могла наступить в результате умышленных действий или бездействия. Субъектом преступления выступала мать, ребенок должен был быть внебрачным, момент убийства описывался словами «при рождении». Данное убийство относилось к менее опасным, т. к. законодатель учитывал состояние женщины в момент родов (физические и моральные страдания).

Советское законодательство привнесло в законодательство ряд позитивных изменений, касающихся охраны здо-

ровья матери и ребенка: по отмене института внебрачных детей; предоставлению женщинам права решать самим вопрос о материнстве; установлению материальной помощи одиноким матерям; всемерной охране их трудовых прав. Специальная норма, касающаяся убийства матерью новорожденного отсутствовала в УК РСФСР 1922 г. и 1926 г., данное преступление рассматривалось как убийство с отягчающими обстоятельствами, т. к. мать должна заботиться о своем ребенке, а она, напротив, убивает беспомощного младенца. Однако судебными органами, как правило, назначались пониженные наказания, т. к. суд учитывал моральное и физическое состояние женщины или исключительные обстоятельства (отсутствие денег, неодобрение родственников и т. д.).

В УК РСФСР 1960 г., несмотря на длительную полемику и призывы теоретиков выделить убийство матерью новорожденного в отдельную статью, данное деяние квалифицировалось по ст. 103 как убийство без смягчающих и отягчающих обстоятельств [13]. Все смягчающие обстоятельства учитывались судьями в рамках этой статьи.

В 1996 г. был принят Уголовный кодекс РФ, в котором, опираясь на опыт зарубежных стран, законодатель выделил убийство матерью новорожденного ребенка в отдельную статью (ст. 106 УК РФ), отнеся его к привилегированным видам убийств. Данная норма сохранилась и в действующем уголовном законодательстве, однако, не прекращается полемика по многим вопросам, связанным с составом преступления.

Таким образом, российское уголовное законодательство об убийстве матерью новорожденного ребенка развивалось с учетом исторически изменчивой оценки законодателем общественной опасности данного деяния, и прошло через следующие этапы: отношение к убийству матерью новорожденного как у греху, а не как к преступлению, признание его квалифицированным преступлением или приравнивание его к обыкновенному убийству и признание его привилегированным преступлением.

Литература:

1. Безверхов А. Г. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года: монография / А. Г. Безверхов, В. С. Коростелёв. — Самара: Издательство «Самарский университет», 2013. — 192 с.
2. Бояров С. Квалификация убийства детей // Российская юстиция. — М.: Юрид. лит., 2002, № 12. — С. 50.
3. В. О. Ключевский. Курс русской истории. Лекция 15 // История России до 1917 года. URL: <http://russiahistory.ru/vo-klyuchevskij-kurs-russkoj-istorii-lektsiya-15/> (дата обращения: 16.12.2019).
4. Гернет М. Н. Детоубийство в русском праве // «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX в.: В 3 кн. Кн. 1 / Изд. подгот. Н. Л. Пушкарева, Л. В. Бессмертных. — М.: Ладомир, 2004. — 752 с.
5. Первое собрание (1649—1825). Том 10 (1835). // Полное собрание законов Российской империи. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=365 (дата обращения: 16.12.2019).
6. Первое собрание (1649—1825). Том 38 (1822—1823). // Полное собрание законов Российской империи. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=177@im=3 (дата обращения: 16.12.2019).
7. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1984 г. Т. 1—432 с.

8. Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3. — 511 с.
9. Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. — 511 с.
10. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года: изд. Н. С. Таганцевым / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С. Н. Таганцевым. — 11-е изд., пересм. и доп. — С.-Петербург: Гос. тип., 1901. — 925 с.
11. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С очерком существенных отличий его от действующего уложения и предметным алфавитным указателем — М.: Изд. А. Ф. Сорова, 1903. — 230 с.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 16.12.2019).
13. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 16.12.2019).
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей истории российской реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата обращения: 16.12.2019).
15. Учение Господа, (переданное) народам через 12 апостолов (Дидахе) // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/didahe_gus/ (дата обращения: 16.12.2019).

Характеристика субъекта убийства матерью новорожденного ребенка на основании статистических данных

Копылова Ксения Игоревна, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Субъект преступления — это лицо, совершившее общественно опасное деяние, способное в соответствии с законом понести за него уголовную ответственность [4, с. 9]. Субъект детоубийства — специальный. Им может быть только мать новорожденного ребенка, вменяемая, достигшая шестнадцатилетнего возраста. Понятие «мать», как правило, связано с фактом рождения женщиной выношенного ею ребенка, его вскармливания и воспитания в будущем.

Рассмотрим статистику Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по вынесению приговоров по делам убийства матерью новорожденного ребенка в России за последние 10 лет [3]:

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	1 пол 2019
Число осужденных по основной статье	87	65	66	60	75	42	45	58	42	33	15
Дополнительная квалификация	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0

С 2017 года ведется официальная статистика по социальным характеристикам матерей, убивших своего новорожденного ребенка. На ее основании можно составить портрет преступниц.

Возраст осужденных на момент преступления [3]:

Год	Всего преступлений	14–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше
2017	42	0	12	11	19	0
2018	33	2	5	3	23	0
1 пол. 2019	15	0	4	0	11	0

Согласно статистическим данным, большая часть преступлений совершается женщинами в возрасте 30–49 лет. Около 15% женщин, совершивших убийство новорожденного, имеют хотя бы одного ребенка в возрасте до 3 лет. Средний возраст, в котором современные женщины рожают первого ребенка, приближается к 30 годам и старше. Вторая беременность, после 35 или 38 лет, становится почти неизбежной при желании женщины полностью восстановиться после первых родов, что соответствует информации Всемирной организации здравоохранения.

Кроме того, женщинами в возрасте от 25 до 29 лет убийство новорожденного ребенка было совершено почти в 15 % случаев. Наиболее типичными причинами становятся значительные финансовые затруднения и неблагоприятные жилищные условия; эгоцентризм: по мнению

женщины, ребенок препятствует ее личному счастью, карьерному росту и т. п.; рождение ребенка вне брака; наследственность (генетические заболевания и предрасположенность) и некоторые другие.

Образование матерей, убивших новорожденного [3]:

Год	Всего преступлений	высшее	среднее	среднее общее	основное общее, начальное
2017	42	2	15	15	10
2018	33	1	9	15	8
1 пол. 2019	15	0	3	8	4

Данные об образовании свидетельствуют о том, что большая часть матерей, совершающих убийство ново-

рожденного, имеют среднее, среднее общее, основное общее и начально образование.

Род занятий матерей, совершивших преступление [3]:

Год	Всего преступлений	рабочие	работники сельского хозяйства	работники коммерческой или иной организации	учащиеся и студенты	нетрудоспособные	трудоспособные лица без постоянного источника дохода	судьи, работники суда	лица прочих занятий
2017	42	6	0	0	1	1	30	1	3
2018	33	8	1	2	0	1	17	0	1
1 пол. 2019	15	6	0	0	1	0	8	0	0

Большинство женщин, совершивших преступление по 106 ст. УК РФ, являются трудоспособными, лицами, не имеющими постоянного источника дохода.

С 2018 года ведется статистика по месту совершения преступления [3]:

Год	Всего преступлений	Совершили преступления в сельской местности	Совершили преступления в административных центрах субъектов РФ
2018	33	13	8
1 пол. 2019	15	7	3

Из таблицы видно, что преступления по ст. 106 УК РФ тяготеют к сельской местности и малым городам (76 % от всех в 2018 г. И 80 % в 2019 г.). Преступления, совершенные в крупных и крупнейших городах, являющихся административными центрами субъектов РФ, можно объяснить как широким диапазоном по численности населения городов (от 250 тыс. человек до городов-миллионников), так и большой плотностью населения.

Большое число данных преступлений в сельской местности и малых городах можно объяснить депрессивностью этой местности: низким уровнем жизни, отсутствием работы и, как следствие, средств к существованию. Нужно подчеркнуть, что депрессивность сельских территорий в последние годы растет, становится недоступной медицинская помощь, закрываются ФАПы (фельдшерско-акушерские пункты), детские сады, школы, библиотеки, дома культуры.

Таким образом, можно составить сводный портрет матери-убийцы новорожденного ребенка: это женщина тру-

доспособного возраста, не имеющая высшего образования, не имеющая постоянного места работы, проживающая в сельской местности или некрупном городе.

Взаимоотношения с отцом ребенка у таких женщин, как правило, носят непрочный характер, что вполне объясняет боязнь и нежелание женщины сообщить своим партнерам и родственникам о наступившей беременности, а также страх перед трудностями бытового характера при воспитании ребенка. Исходя из этого, многие женщины скрывают или отрицают наличие беременности, поэтому отказываются от акушерско-гинекологической помощи, что, несомненно, свидетельствует о том, что мать не собирается оставлять своего ребенка.

При описании характерологических особенностей нравственно-психологического уровня отмечается личностная незрелость преступника, отсутствие криминального прошлого, пассивность, низкий интеллектуальный уровень, тревожность, неуверенность в себе. У многих

имеются психологические проблемы, предшествующие психотравмирующей ситуации, которая включается в себя боязнь «позора» перед родными за нежелательную беременность, такая ситуация с приближением родов, вызывает у рожениц особое эмоциональное состояние, которое и провоцирует совершение агрессивных действий в отношении своего ребенка. Эмоциональная напряженность, оказывает существенное влияние на поведение и сознание женщины.

Именно при таких обстоятельствах нередко встречаются более жестокие способы совершения преступления. Это связано с тем, что в момент наступления родов, женщины чаще всего рожают без оказания квалифицированной медицинской помощи в одиночестве дома либо поблизости, но так чтобы скрыться от других факт родов.

Литература:

1. Бабий, Н. А. Убийства при привилегирующих обстоятельствах и иные преступления против жизни. — М., 2013. — 152 с.
2. Гернет, М. Н. Детоубийство в русском праве. — М.: Ладомир. 2004—739 с.
3. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.12.2019).
4. Специальный субъект преступления. Монография / Устименко В. В. — Харьков: Вища шк., 1989. — 104 с.

Особенности правового регулирования правоотношений в сфере защиты прав потребителей

Костоусова Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры

Сибирский юридический университет (г. Омск)

Правовое регулирование — специальная юридическая деятельность наделенных государственно-властными полномочиями субъектов по целенаправленному государственно-властному упорядочению (организации) общественных отношений путем установления правовых норм и принятия в необходимых случаях индивидуально регламентирующих решений в соответствии с этими нормами по юридически значимым вопросам, возникающим в рамках таких отношений.

Исходя из субъектного состава правоотношений в сфере защиты прав потребителей нужно сказать, что это правоотношения гражданско-правового характера.

Потребительские правоотношения являются самостоятельным видом общественных отношений, которые имеют свойство возникать между любыми субъектами гражданского права. А сам термин «потребительский» достаточно широко используется в экономической теории, в таких понятиях как: потребительские цены, корзины, минимум и тому подобное. На основании чего представляется целесообразным использовать термин «потребительский» в применении к правоотношениям с участием потребителей,

Подобная травмирующая обстановка еще более усугубляет естественные психологические проблемы, связанные с родовым периодом женщины. В результате наступает истощение психической деятельности, развиваются панические состояния, что сужает возможность роженицы оценивать свои действия, в результате чего и совершаются жестокие убийства новорожденных.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать, что неблагоприятная обстановка прохождения родов является фактором, провоцирующим совершение убийства новорожденного ребенка. Мать, планирующая совершение данного преступления, переходит в состояние маргинальности (пограничности, неопределенности), из которого ее еще возможно вывести при наличии действенной системы профилактики подобных деяний.

как не отражающего специфику рассматриваемого явления. В конечном итоге потребительские правоотношения выступают в качестве самостоятельного вида гражданских правоотношений, оформляют широкий круг общественных отношений в сфере имущественного (гражданского) оборота.

Участников таких правоотношений характеризуют такие признаки, как юридическое равенство субъектов потребительских отношений, диспозитивность, имущественный, компенсационный характер потребительско-правовой ответственности и судебно-исковой порядок защиты нарушенных потребительских прав. При этом метод потребительско-правового регулирования представляет собой совокупность приемов, способов воздействия потребителя на общественные отношения, выступающие его предметом.

Вместе с тем, в сфере защиты прав потребителей необходимо отметить наличие публично-правовых правоотношений, возникающих в процессе осуществления контроля и надзора со стороны государства в лице уполномоченных органов, осуществляющих надзор в сфере производства товаров, оказания услуг, выполнения работ. Также опре-

деленную роль играют муниципальные правоотношения, которые возникают в ходе реализации органами местного самоуправления своих полномочий по защите прав потребителей. Данные публично-правовые отношения регулируются публично-правовыми методами, которым свойственны юридическое неравенство субъектов потребительских правоотношений, императивность правового регулирования этих отношений, административный порядок разрешения потребительских споров и принудительный, карательный характер ответственности.

Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» установлен сложный субъектный состав, вовлеченный в правоотношения в указанной сфере. Это правоотношения, возникающие не только между продавцом и потребителем. Закон также регулирует отношения между потребителем и изготовителем, владельцами агрегаторов информации о товарах (услугах) при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), исполнителями, импортерами, продавцами.

Безусловно, положения Гражданского кодекса Российской Федерации являются основными нормами, на которых базируются правоотношения субъектов, круг которых определен Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей». Именно гражданское законодательство содержит общие нормы, применяемые к договорным отношениям, которые являются основой правоотношений в сфере оказания услуг, выполнения работ.

Вместе с тем, важное значение имеют и специальные нормы права, применяемые к правоотношениям, возникающим между потребителем и изготовителем, исполнителем. С целью необходимости урегулирования данных правоотношений, не только установления общих правил и норм поведения, а регламентации специфических особенностей, которые имеют правоотношения в той или иной сфере, определения меры ответственности за нарушения прав потребителей, восстановления нарушенного права возникает потребность в применении специальных федеральных законов, а так же правил, утвержденных Правительством РФ.

Необходимость применения специальных правовых норм обусловлена особенностями правового статуса субъектов правоотношений в сфере защиты прав потребителей, многообразием отношений и их спецификой, обусловленной участием в правоотношениях слабого субъекта — гражданина-потребителя.

Особое значение в современных условиях имеют положения федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», которые регламентируют особые требования, предъявляемые к кредитору, когда должником является гражданин-потребитель. Субъектами правоотношений в сфере кредитования выступает «Заемщик» и «Кредитор». Это сложные правоотношения, к которым применяются нормы не только гражданского законодательства и настоящего Федерального закона, но и иных специальных нормативных правовых актов — Федерального закона от 02.12.1990 № 395—1-ФЗ «О бан-

ках и банковской деятельности», Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» и иных федеральных законов, регламентирующих правоотношения в сфере потребительского кредитования (займа).

Особый интерес представляют отношения потребителей в сфере перевозок, как пассажиров, так и багажа, так как они регулируются в большей степени нормами транспортных уставов и кодексов. Так, при рассмотрении претензии потребителя в лице пассажира, грузоотправителя или грузополучателя при перевозке железнодорожным транспортом нельзя не учитывать специальный нормативно-правовой акт — Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации», который устанавливает требования к условиям организации и осуществления перевозок пассажиров, грузов, багажа, грузобагажа, оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования и иных, связанных с перевозками, услуг.

Не меньший интерес вызывает статус потребителя медицинских услуг, права которого, несмотря на специфические особенности и сложность данного вида услуг, регулируются Законом РФ от 07.02.1992 № 2300—1 «О защите прав потребителей». В рамках данного закона человек, которому оказывается медицинская помощь или который обратился за оказанием медицинской помощи, в том числе по программам обязательного и добровольного медицинского страхования, приобретает статус не только пациента, но и потребителя. Предоставление медицинской услуги связано с нематериальным благом — здоровьем. При этом тождественные понятия «пациент» и «потребитель медицинских услуг» отличаются порядком предоставления медицинской помощи. Если физическое лицо обращается за оказанием медицинских услуг в рамках договора добровольного медицинского страхования, он является потребителем медицинских услуг. Если оказывается экстренная медицинская помощь физическое лицо приобретает статус пациента. Но в том и ином случае, и пациент и потребитель медицинских услуг имеют одинаковые права на качественную медицинскую помощь, возмещение ущерба при причинении вреда здоровью, гарантированное право каждого на здравоохранение.

При рассмотрении вопроса о применении той или иной специальной нормы права, необходимой для защиты прав потребителя, следует учитывать специфику товара, работ, услуг, являющихся предметом, относительно которого возникли определенные правоотношения.

Учитывая специфику такого нематериального блага, как здоровье, невозможно не применять такие специальные нормы права, как Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», содержащий требования о независимой оценке качества условий оказания услуг медицинскими

организациями. Специальным нормативно-правовым актом в сфере предоставления медицинских услуг является Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 4 мая 2018 г. № 201н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями, в отношении которых проводится независимая оценка».

Наиболее распространенные отношения — это отношения, возникающие из договора розничной купли-продажи, которые также регулируются Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей». Вместе с тем к ним, в определенных ситуациях, применимы и нормы Федерального закона от 02.01.2000 № 268-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов».

Данный Федеральный закон устанавливает требования к качеству и безопасности пищевых продуктов, материалов и изделий, а также обязанность по достоверному информированию потребителей со стороны индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляющих деятельность по изготовлению и обороту пищевых продуктов, материалов и изделий, оказанию услуг в сфере розничной торговли пищевыми продуктами. Полагаем, что повышение ответственности изготовителя пищевой продукции, путем совершенствования данного Закона сыграло бы положительную роль в защите законных прав и интересов потребителя.

Значительная роль в законодательстве отведена различным видам ответственности за нарушение прав потребителей. Тот или иной вид ответственности применяется в зависимости от предмета посягательства (жизнь, здоровье, имущественные интересы) и степени вреда, причиненного потребителю.

Законодательство в целях защиты прав потребителей наиболее часто используются такие меры ответственности как, возмещение убытков, уплаты неустойки, компенсации морального вреда, взыскание с контрагента потребителя двойной суммы задатка и установление ответственности за неисполнение денежного обязательства и иные, в том числе установленные договором. В данном случае мы применяем нормы гражданского законодательства.

Однако за нарушение субъективного права потребителя на безопасность товаров, работ и услуг может одновременно возникать административная и уголовная ответственность.

Согласно статьям 55 и 57 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологиче-

ском благополучии населения» за нарушение санитарного законодательства устанавливается дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Сложность в правоприменении тех или иных норм права при рассмотрении в судебном порядке споров, связанных с защитой прав потребителей, связана с многообразием данных правоотношением, их постоянным развитием, появлением новых видов услуг, работ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» дает разъяснения относительно отношений, регулируемых законодательством о защите прав потребителей.

Так, к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых в рамках обязательного и добровольного медицинского страхования, применяется законодательство в сфере защиты прав потребителей, а при предоставлении услуг нотариуса нет. Данное положение вызывает споры, как ученых, так и практиков.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что законодательство, применяемое к регулированию правоотношений в сфере защиты прав потребителей, является комплексным, включающим общие и специальные нормы права.

Наличие большого количества общих и специальных норм, применяемых в сфере защиты прав потребителя, обусловлено сложным субъектным составом, наличием своих особенностей правового статуса каждого субъекта таких правоотношений, многообразием регулируемых правоотношений, что вызывает необходимость их детальной регламентации в отдельных правовых актах.

Подводя итог вышеизложенному хочется отметить, что правоотношения в сфере защиты прав потребителей являются наиболее распространенными в современном обществе, их регулированию уделяется особое внимание. По мере развития экономических отношений, роста благосостояния населения и его потребительской активности происходит увеличение доли потребительских отношений и все чаще встает вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования указанных отношений. Как одним из путей совершенствования действующего законодательства в данной сфере можно считать исследование законодательства иностранных государств о защите прав потребителей, которое позволит использовать уже имеющийся опыт зарубежных стран.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных 21 июля 2014 г.) // Российская газета. N 237. 1993.
2. Гражданский кодекс РФ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301, «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 5.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 9.
6. Защита прав потребителей. Учебное пособие Г. Р. Гафарова. Под редакцией доктора юридических наук З. М. ФАТКУДИНОВА. «Юстицинформ», 2018.
7. Усманова Р. М. К вопросу о сфере и пределах муниципально-правового регулирования / Р. М. Усманова // Конституционное и муниципальное право. 2013. N 6. С. 40–44.
8. Усманова Р. М. Муниципально-правовое регулирование: предмет и объекты / Р. М. Усманова // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 12. С. 50–59.
9. Кузнецова О. В. Возмещение морального вреда: Практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2009. С. 152.

История развития законодательства, дачи и получения взятки

Мельников Василий Сергеевич, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

История взяточничества берет свое начало с того момента как появилось общество. На протяжении многих столетий и тысячелетий коррупция являлась и является одной из наиболее опасных угроз национальной безопасности.

В настоящее время, ученые разнятся в вариантах периодизации истории коррупции и взяточничества в России. Так, например анализируя генезис коррупции, И. И. Басецкий и А. В. Башан выделяют четыре периода:

- 1) древний, характеризующийся развитием ранней государственности в российских княжествах и Российской империи IX–XV вв.;
- 2) дореформенный и пореформенные периоды (XVI–XIX вв.);
- 3) советский период, охватывающий большую часть XX в. (1917–1991 гг.);
- 4) постсоветский период, начавшийся в 1992 г. [1].

В период феодализма воеводы, бояре, и другие управленцы получали, так называемое «кормление» — плату от народа. Происходило такое «кормление» трижды в год — Рождество, Пасха и Петров день. К тому же, местные кормильщики решали разные судебные дела и собирали штрафы.

В дальнейшем чиновники породили свои термины: «почести» и «поминки». Принцип таков, преподносят «почести», должностное лицо решает дело, по завершению выдают «поминки». Это было обыденно для того времени. Есть небольшое число историков, которые полагают, что ключевое развитие взяточничества на Руси является ханство. Во времена правления Золотой Орды, русские князья привозили хану дань для получения ярлыка.

Через столетия пришел к власти Иван III, со своими нововведениями. Он создал, судебник — первый запрет на получение и дачу взятки должностному лицу, который запрещал только «посул» — взятка судье. Расценивались

такие преступления, как особо опасные, так как русский народ с недоверием относился к государству. В 1561 году, внук Ивана III, Иван IV Грозный ввел Судную грамоту, которая констатировала смертную казнь как наказание за получение взятки чиновником.

В Соборном уложении 1649 государство изменила подход к корыстным злоупотреблениям на службе. Статья 5 и 7 Соборного уложения рассматривали уголовную ответственность за получения вознаграждения судебными органами, а статья 6 увеличила количество субъектов, которые относились и выполняли те же функции, что и судебные чиновники.

Большой вклад в борьбу с коррупцией вложил Петр I Алексеевич. Государь проанализировал распространение взяточничества, и создал указ, в котором, помимо получения взятки, назначил уголовную ответственность за дачу взятки. Петр Великий не стоял на месте и в 1714 году издал еще один Указ, в котором царь запретил посулы и вятки, с того момента «кормление» прекратилось, но на этом взяточничество еще не было искоренено. В 1715 г. должностные лица получили свои первые заработные платы, но так как число чиновников было очень велико, средств для регулярных выплат не хватало, и тогда взятка приобрела форму главного способа дохода для чиновников низшего ранга.

Для борьбы с взятками царь Петр I издает Указ «О должности фискалов». Суть этого указа в создании этого органа в тайной слежке за чиновниками и государственными служащими. Фискалы должны были также надзирать за исполнением законов. Они принимали доносы от частных лиц, имели право являться во все учреждения, заведения и другие места и требовать на просмотр все дела и документы. Они обязательно присутствовали при отобрании денег в доход государства [2]. Это также поощрялось, за донесение о уголовном преступлении могло достигать размера половины суммы конфискованного имущества. Позже ин-

ститут фискалов получил новое название — прокуратура. Как и до преобразования, были те же обязанности с одним отличием, теперь новый государственный орган работал открыто. Но образование нового государственного органа не дала ожидаемого результата. Само начальство прокуратуры, Алексей Нестеров обер-фискал Сената, был обезглавлен за получение взяток. Некоторые писатели уверены, что Алексей Нестеров стал жертвой клеветы.

Екатерина II, как только села на трон, сразу же открыла войну коррупции. Через три недели она издала «Манифест о лихоимстве», что сделало ее борцом с взяточничеством. Однако, как писал дореволюционный историк Василий Бильбасов, «Екатерина скоро убедилась сама, что «мздоимство в государственных делах» не искореняется указами и манифестами, что для этого нужна коренная реформа всего государственного строя — задача, оказавшаяся не по плечу ни тому времени, ни даже более позднему» [3]. Хотя она была и яростным противником коррупции, так же была добрейшим человеком. Екатерина Великая лояльно относилась к преступлениям своих чиновников. Потемкин, пойманный на воровстве государственной казны, отделался объяснением, что временно их позаимствовал.

Александр I, в годы своего царствования, должным образом не смог изменить отношение к коррупции в стране. Царь знал о лихоимстве в стране, но проявлять противостояние не стал, самое суровое наказание являлось увольнение с должности и отставка от государственной должности.

Ярым противником в борьбе с взяточничеством является Николай I. В свои годы правления сформировал третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, которое создавалось для контроля за должностными лицами и борьбы с ними. Для улучшения законодательства о лихоимстве было издано Своды законов 1832, 1842, 1857 гг., в котором была образована глава 6 раздела 5 тома 15 статья 336, пояснявшая понятие взятка и отменявшая все смягчающие обстоятельства. Также конкретизировали преступника, им являлось лицо, которое получило взятку.

Далее произошли тотальные изменения в стране. Система правления, которая существовала более тысячи лет спала под гнетом социализма. Произошла революция, превратившая монархию в коммунизм. Что естественно, это событие затронуло законодательство. Так как на то время коррупция существовала как обыденность, инфекция — которую уже не искоренить, созданный молодой государ-

ственный орган Совет народных комиссаров издает декрет о взяточничестве. В дальнейшем новая власть не стоит на месте и возвращает смертную казнь, в частности расстрел. Феликс Эдмундович Дзержинский указал, расстреливать чиновников, пойманных на взяточничестве без суда и следствия.

После смерти вождя, В. И. Ленина, к власти пришел его друг Иосиф Сталин. Человек жёсткий и не терпевший неповиновения. Многие учёные убеждены что именно во времена правления Сталина, страна была менее коррумпированной [4]. Однако борьба с коррупцией при Джугашвили имела двойственность. С одной стороны, он усилил закон о злоупотреблении служебным полномочиями, с другой создал новый орган, называемый номенклатурой. Участники этого органы были неприкосновенны и неподсудны, поэтому не боялись наказаний. В 30-е годы появились так называемые сталинские конверты — невиданное ранее система поощрения. Армия, прокуратура, народный комиссариат внутренних дел и высшие чиновники получали денежный подарок за верность государству. Приход к власти Л. И. Брежнева даёт зелёный свет преступному миру объединиться с номенклатурой в целях обеспечения власти в своих целях. Одна из главных проблем расцвета коррупции является, на тот момент, недостатки в работе государственных органов, партийных организациях, профсоюзов.

Наступили 90-е, произошел распад СССР и образование нового государства. Коммунисты стали демократами, это привело к гиперинфляции, безработице и приватизации. Криминал заполнял улицы, а из-за инфляции и безработицу правоохранительных органов пропал стимул осуществлять свои обязанности. В это время создаются новые условия для роста коррупции:

- 1) Приватизация собственности номенклатурой или близкими к ним людьми;
- 2) Приватизация представителями криминального мира;
- 3) Взятки — как основной доход;
- 4) В обществе проявляется негативное отношение к праву и действующим законам [5].

В современной России, как и в России прошлых веков, с этой проблемой борются, но пока общество будет воспринимать коррупцию как нормальное явление, оно сохранится, и будет существовать.

Проведя исторический анализ, можно с уверенностью сказать, что с начала зарождения древней Руси и до современной России коррупция - неотъемлемая часть общества. Отчасти, благодаря коррупции желанию победить ее, государство развивалось, изучая слабые стороны этого деяния.

Литература:

1. Сорокун П. В., Балаев А. Ш. Исторический очерк возникновения и развития взяточничества и коррупции в России // Эпоха науки. Социально-экономические и общественные науки. 2016. № 7. С.10.
2. <https://www.prlib.ru/history/619124>
3. https://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120920_golden_age_catherine
4. Григорьева Т. В. Коррупция в России: История и современность. // Экономика. 2009. № 1. С.46—50.

5. Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути его преодоления. // Советская юстиция. 1990. № 9. С.4–5.

Уголовная ответственность за вандализм

Миронов Руслан Григорьевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В данной статье рассматриваются комплексные исследования уголовно-правовых проблем вандализма с целью разработки на этой основе конкретных предложений по совершенствованию уголовно-правовых средств борьбы с этим преступлением и мер по его предупреждению.

Ключевые слова: вандализм, квалификация преступлений, состав преступления.

Квалификация преступлений предполагает установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и юридическими признаками состава преступления, закрепленными в уголовном законодательстве. В этом случае правовой основой для квалификации преступлений является именно состав преступления, или, скорее, его объективные и субъективные характеристики, выведенные путем толкования соответствующего уголовного закона.

Признаки основного состава вандализма содержатся в расположении части 1 статьи 214 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — Уголовный кодекс), определяющий это преступление как «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». В то же время квалифицированные виды вандализма (часть 2 статьи 214 Уголовного кодекса Российской Федерации) предполагают его совершение группой лиц, а также на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или враждебность, или по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Мотивы ненависти или вражды указывают на то, что вандализм относится к экстремистским преступлениям [3]. Объективный признак, обозначаемый термином «осквернение», является оценочным, то есть его интерпретация зависит от конкретной ситуации, включая ситуацию и место преступления, выбранный метод и его внешнее выражение. Кроме того, учитывается содержание умысла виновного, которое должно включать осознание объективных свойств совершаемых им действий, а также их последствий и, по нашему мнению, отношения к осквернению, зданий или других сооружений характеризуется именно желанием человека причинить такой вред [2].

Изучение уголовных дел о вандализме позволило выяснить, что в обоснование того, что место является публичным, правоохранительные органы, как правило, ссылаются на то, что на соответствующем участке населенного пункта, здания, сооружения, помещения и т. д. открыты для посещения широким кругом людей, а также тот факт, что результаты вандализма стали доступны для восприятия неограниченного числа людей.

То есть осквернение может быть зафиксировано, если таковое имеется, в отношении зданий или других сооружений; внешнее выражение совершенных деяний унижает (оскорбляет) общественную мораль; результаты таких действий видны другим, что предполагает общественное место для их совершения.

Понятие общественного места в Уголовном кодексе Российской Федерации, а также в другом нормативно-правовом акте в Российской Федерации не закреплено, что следует признать существенным пробелом в праве [1].

В России много примеров вандализма. Я дам вам несколько интересных примеров уголовных дел:

1) 11.12.2016 мужчина около часа ночи будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь на автобусной остановке, имея умысел на порчу автобуса общественного пользования, умышленно, из хулиганских побуждений, пренебрегая общепринятыми нормами поведения и общественными интересами, нарушая при этом общественный порядок, действуя публично и демонстративно, выражая явное неуважение к обществу, противопоставляя себя окружающим, высказывая оскорбления, нецензурно выражаясь в присутствии другого гражданина, достал из мусорной урны предмет, а именно стеклянную бутылку. Используя ее в качестве оружия, бросил указанную бутылку в окно автобуса № 211. №, и повредил его, нарушив целостность конструкции. А именно: разбил стекло окна автобуса № 211, находящегося на автобусной остановке по вышеуказанному адресу, принадлежащее акционерному обществу «Третий парк».

2) 01.01.2017 года около 08.30 часов, действуя из хулиганских побуждений, умышленно, из окна квартиры в г. Кронштадте произвел не менее трех выстрелов из пневматического пистолета, по автобусу МАЗ, городского маршрута, под управлением водителя, разбив три стекла в двух окнах салона автобуса, причинив акционерному обществу «Третий парк» имущественный ущерб, испортив тем самым имущество на общественном транспорте, совершив вандализм.

Опасность вандализма выражается в том, что эти действия грубо нарушают общественный порядок, мир граждан, нормы общественной морали, наносят значительный материальный ущерб и духовный вред обществу.

Таким образом, вандализм совершается только с прямым умыслом. Мотивами этого преступления могут быть хулиганские побуждения, религиозные соображения, гнев на общество, желание продемонстрировать свою смелость, проявить себя, а также политические мотивы или месть государственным органам власти или местным органам власти в отношении возраста уголовной ответственности за Вандализм, поэтому он возникает с 14 лет.

Этот вид преступлений обусловлен, в частности, появлением в странах новых молодежных групп и движений, каждое из которых пытается заявить о своих интересах и своем существовании. Цель такой деятельности — противопоставить себя обществу, продемонстрировать свое

происхождение ради удовлетворения базовых, сиюминутных интересов.

Я думаю, что повысить эффективность борьбы с вандализмом можно только путем совершенствования законодательства. Необходимо организовать централизованный учет всей информации об актах вандализма, совершаемых в регионах и по всей стране.

По моему мнению, вандализм, влекущий за собой большие финансовые потери для государства, должен быть наказан более сурово, и все финансовые расходы на восстановление оскверненных зданий и сооружений, а также поврежденного имущества общественного транспорта или общественных мест должны нести осужденные.

Литература:

1. Алиев Х. К., Магомедова М. К вопросу о дифференциации вандализма в российском уголовном и административном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 137–140.
2. Широков Н. А. Вандализм (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2010. — 27 с.
3. Борисов С. В., Дмитренко А. П., Осипов В. А., Рус-скевич Е. А. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / отв. ред. Н. Г. Кадников. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. — 120 с.

Проблемы, возникающие у индивидуальных предпринимателей при уплате страховых взносов

Мишангина Марина Борисовна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье автор раскрывает особенности передачи страховых взносов из ПФР в ИФНС.

Ключевые слова: *страховые взносы, индивидуальный предприниматель, обязательное пенсионное страхование, налоговые органы*

В развитом демократическом государстве социальная политика должна распространяться не только на социально незащищенные слои, но также и на малых предпринимателей. Малый бизнес характеризуется тем, что он мобильнее и легче приспосабливается к изменяющимся условиям и способствует обеспечению занятости трудоспособного населения и др. При этом малый бизнес, как правило, обладает ограниченными финансовыми ресурсами, что в действительности негативно сказывается на экономическом благосостоянии индивидуальных предпринимателей и стремлении возможными способами уменьшить количество налогов. Государством предпринимаются различные меры по поддержке индивидуальных предпринимателей, в числе главной из которых — уменьшение налоговой нагрузки на индивидуальных предпринимателей. Одним из путей уменьшения налоговой нагрузки на индивидуальных предпринимателей, не производящих выплат индивид. лицам, то есть не применяющих труд наемных работ-

ников, является отказ от внесения индивидуальными предпринимателями добровольных социальных взносов на страхование от болезней и в связи с материнством за себя лично. Данное обстоятельство является спорным, оно обусловлено целью снижения налоговой нагрузки, но негативно сказывается на положении незастрахованного лица в случае наступления страхового случая.

В случае, когда индивидуальные предприниматели привлекают наемных работников, они являются страхователями по нескольким основаниям: в отношении самих себя и в отношении нанимаемых лиц. В связи с последними изменениями в системе уплаты страховых взносов, передаче полномочий по сбору и учёту страховых взносов Федеральной налоговой службе России в связи с принятием Федерального закона от 03.07.2016 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений за-

конодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» [3], тарифы страховых взносов индивидуальных предпринимателей-работодателей установлены ст. 426 Налогового кодекса РФ [2].

«Переходный период» оказался в настоящее время сложным как для налоговых органов, так и для плательщиков страховых взносов. Появляется много проблем по администрированию страховых взносов и большое количество справедливых нареканий со стороны налогоплательщиков.

Так, первой проблемой стали технические сбои, из-за которых обязательства страхователей были переданы неверно, с недоимками и пенями. По этим недоимкам, которые не соответствуют действительности, налоговые органы стали направлять требования об уплате взносов. В них указано, по какому виду взносов и за какой период оно выставляется. Инспекции не выясняли, почему образовались задолженности, и отправляли урегулировать ситуацию в фонды, поскольку именно они сформировали долги. В фондах выяснялось, что на конец 2016 г. у страхователя нулевое сальдо, то есть долгов нет. В качестве подтверждения остатков выдавалась справка о состоянии расчетов, которую необходимо было представить в налоговый орган. На основании этого документа вносились корректировки в личную карточку налогоплательщика, и долги аннулировались.

Количество критических ситуаций с сальдо по взносам в этом году переполнило чашу терпения предпринимателей, они активно начали жаловаться. Спустя 9 месяцев вышло совместное Письмо ФНС и ПФР от 01.09.2017 № НП-30-26/13859/Зн-4-22/17710@ [6].

В нем говорится о том, как теперь ведомства будут урегулировать ситуацию с неверно переданными остатками. В письме указываются возможные случаи корректировки: несогласие плательщика взносов с сальдо расчетов или необходимость уточнения сведений, если ПФР сами находят ошибку. Также Письмом установлены сроки для внесения корректировок. В течение трех рабочих дней после поступления обращения страхователя налоговые органы направляют запрос в органы ПФР. Фонды за 20 рабочих дней должны осуществить мероприятия по корректировке сведений. После получения информации от фондов налоговые органы в течение 7 рабочих дней корректируют сведения в своих базах.

Второй важной проблемой является отчетность индивидуальных предпринимателей. Так, до 2017 г. действовало правило, при котором предпринимателю, не сдавшему налоговую отчетность, доначислялся 1 % пенсионных взносов в максимальном размере. С 2014 г. требования по долгам по взносам в максимальном размере не выставлялись. Но в связи с тем, что взносы теперь администрируют налоговые органы, и в том числе собирают недоимки за пре-

дыдущие годы, эти долги стали направляться предпринимателям в требованиях об уплате взносов очень активно.

Изначально для урегулирования этой ситуации достаточно было сдать налоговую декларацию, после чего обратиться в территориальный ПФР с заявлением и копией сданной декларации. ПФР на основании этих документов вносил корректировки в сальдо расчетов.

Но потом появилось письмо ПФР от 10.07.2017 № НП-30-26/9994 [8], в котором указано, что отделы ПФР не будут пересчитывать взносы, рассчитанные по максимуму, предпринимателям, сдавшим декларации с опозданием, после окончания расчетного периода, то есть года. Пересчитывали размер обязательств только тем, кто сдал отчетность вовремя, но по которым налоговые органы не сообщили в ПФР о том, какие сведения содержались в декларации.

ФНС вмешалась в ситуацию и выпустила Письмо № БС-4-11/17461 от 01.09.2017 [7]. ФНС не согласна с позицией ПФР относительно пересчета максимальных взносов, ссылаясь на то, что в Федеральном законе от 24.04.2009 «О страховых взносах в ПФР, ФСС РФ, ФФОМС» не было запрета на перерасчет, соответственно, его нужно производить по факту представления декларации, даже с опозданием, в налоговый орган. Однако ПФР не обязан руководствоваться в своих действиях Письмами ФНС, поэтому для урегулирования ситуации должно быть проведено совместное совещание ведомств, на котором будет определен порядок дальнейших действий [9].

Следует также выделить и проблему, связанную с уплатой страховых взносов индивидуальными предпринимателями на социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

Так, согласно действующему законодательству, в отношении наемных работников индивидуальный предприниматель в обязательном порядке уплачивают взносы на обязательное пенсионное страхование, на обязательное медицинское страхование, и на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Пенсионные взносы осуществляются в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [4].

При этом, за себя индивидуальные предприниматели обязаны платить только пенсионные взносы и взносы за медицинское страхование, а взносы за социальное страхование не предусмотрены. Существуют также страховые взносы на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, но, индивидуальные предприниматели не уплачивают их, руководствуясь п. 6 ст. 430 Налогового Кодекса РФ. Однако уплату этих взносов можно производить на добровольных началах, согласно ст. 4.5 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [5]. Уплата взносов добровольно производится на случай наступления страхового случая, чтобы в случае, например, болезни, инди-

видуальный предприниматель мог бы получить соответствующее пособие за счет уплаченных средств социального страхования. Страховые взносы «на травматизм» индивидуальные предприниматели в 2018 году не уплачивают, их уплата индивидуальными предпринимателями не предусмотрена и на добровольной основе.

Необходимо отметить, что добровольные страховые взносы на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством не уменьшают налоги на любой из систем налогообложения. На основании этого положения можно сделать вывод, что указанное положение закона в некоторой мере снижает стремление индивидуальных предпринимателей вносить эти взносы, что негативно сказывается на работе всей системы социального обеспечения, так как большая часть индивидуальных предпринимателей не уплачивают за себя взносы на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством с целью экономии средств, что в некоторой мере может негативно сказаться на их имущественном положении при наступлении страхового случая.

Было бы целесообразно внести изменения в налоговое законодательство о страховых взносах на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, согласно которым указанные взносы могли бы уменьшать сумму единого налога в совокупности с на уплаченными страховыми взносами на обязательное пенсионное страхование и на обязательное медицинское страхование в фиксированном размере [10]. Следует согласиться с данным мнением, потому что данное нововведение позволит расширить круг

лиц, которые застрахованы на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, среди индивидуальных предпринимателей.

Проведенная реформа несет в себе определенные риски. Ее применение приведет к безадресному принципу действия страховых взносов, что непосредственно будет отражаться на общей эффективности механизма администрирования страховых взносов и системе налогообложения в России.

Вместе с тем нет сомнений что, имея в арсенале мощный профессиональный аппарат управления с передовыми технологиями, налоговые органы оперативно адаптируются к новым условиям администрирования и качественно изменят положение дел с собираемостью страховых взносов, что впоследствии отразится на благосостоянии самых незащищенных слоев населения пенсионеров [11].

На основании вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы: во-первых, передача страховых взносов из ПФР в ИФНС имеет только один плюс, и тот в пользу государства, — пополнение бюджета. Во-вторых, смена администратора повлекла за собой следующие проблемы: остатки по задолженности (переплате) взносов плательщиков-работодателей, переданные пенсионными фондами ИФНС; технические сбои в программах ПФР и ИФНС; отчетность индивидуальных предпринимателей; технические сбои в программах ПФР и ИФНС; большая загруженность налоговых органов; недостаточное количество сотрудников в ИФНС; халатность и неопытность сотрудников ИФНС при проверке отчетности индивидуальных предпринимателей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] // Российская газета. — 2009. — № 7.;
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2: федер.закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ: [в ред. от 11.10.2018] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2000. — № 32.;
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование: федер.закон от 03.07.2016 № 250-ФЗ: [ред. от 28.12.2017] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 27.;
4. О страховых пенсиях: федер. закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ: [ред. от 27.06.2018] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 2.;
5. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федер.закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ: [ред. от 07.03.2018] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 31. — ст. 3803.;
6. По вопросу корректировки сведений, переданных территориальными отделениями ПФР в налоговые органы, о суммах страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и обязательное медицинское страхование, пеней и штрафов, образовавшихся на 01.01.2017: Письмо ПФ РФ № НП-30–26/13859, ФНС России № ЗН-4–22/17710@ от 06.09.2017 // Официальные документы в образовании. — 2017. — № 30.
7. Об обложении страховыми взносами: Письмо ФНС России от 01.09.2017 № БС-4–11/17461@ // Солидарность. — 2017. — № 36.

8. О реформировании обязательств по страховым взносам: Письмо ПФ РФ от 10.07.2017 № НП-30—26/9994 // Официальные документы в образовании. — 2017. — № 25.;
9. Зайцева М. Сальдо по взносам: проблемы передачи между ФНС и ПФР [Электронный ресурс] // www.audit-it.ru/articles/account/tax/a39/932623.html
10. Хисматуллин С. А. Об уплате страховых взносов в системе социального обеспечения индивидуальными предпринимателями // Е-SCIO. — 2018. — № 1 (16). — С.111—115.
11. Петрова С. А., Бочкарева Е. В. Администрирование страховых взносов на обязательное пенсионное страхование // Вестник Международного института рынка. — 2018. — № 1. — С.100—103.

Отдельные аспекты правового регулирования приобретения статуса индивидуального предпринимателя несовершеннолетними лицами в России

Насретдинова Элеонора Сергеевна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье приведен анализ некоторых проблем, связанных с приобретением несовершеннолетними лицами статуса индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, правовой статус, дееспособность, несовершеннолетнее лицо, индивидуальный предприниматель.*

В настоящее время деятельность индивидуальных предпринимателей выступает одним из приоритетных видов экономической деятельности в России.

Об этом свидетельствуют, в том числе, и статистические данные, согласно которым количество индивидуальных предпринимателей в России превышает число юридических лиц (52% и 48% соответственно) [1].

В статье 2 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) установлены основные признаки предпринимательской деятельности, однако, при этом законодательство не содержит однозначного и четкого положения о минимальном возрасте лица, позволяющем заниматься предпринимательской деятельностью.

Актуальность данной статьи обусловлена несовершенством действующего законодательства в отношении закрепления отдельных положений в части приобретения несовершеннолетними лицами статуса индивидуального предпринимателя, а также в отношении их дальнейшей предпринимательской деятельности.

При системном толковании законодательства РФ представляется возможным говорить о том, что статус индивидуального предпринимателя может приобрести лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Вытекает данный вывод из статей 21, 26 и 27 ГК РФ, согласно которым, во-первых, гражданин может приобрести полную дееспособность до достижения восемнадцати лет в случае вступления в брак или эмансипации, а во-вторых и без приобретения полной дееспособности, несовершеннолетние, достигшие четырнадцатилетнего возраста, вправе совершать сделки с письменного согласия их законных представителей и самостоятельно несут имущественную ответственность по таким сделкам.

Указанное выше согласуется с положением Закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее «Закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ»), так как при регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в регистрирующий орган несовершеннолетним, наряду с иными документами, должно быть представлено нотариально удостоверенное согласие родителей, усыновителей или попечителя на осуществление предпринимательской деятельности, либо копия свидетельства о заключении брака, либо копия решения органа опеки и попечительства или копия решения суда об объявлении физического лица, регистрируемого в качестве индивидуального предпринимателя, полностью дееспособным (п. «з» п. 1 ст. 22.1).

Между тем, установление более четкой возрастной границы в целом для получения возможности приобретения статуса индивидуального предпринимателя остается дискуссионным вопросом среди многих авторов.

Например, М. Д. Шапсугова, В. В. Тихонов, полагают, что индивидуальным предпринимателем может быть только полностью дееспособный гражданин, достигший возраста 18 лет. Также, в литературе высказываются позиции, заключающиеся в том, что для осуществления предпринимательской деятельности, без образования юридического лица, нужно установить возраст 16 лет, на уровне закрепленного в трудовом законодательстве возраста, с достижением которого приобретает общую трудовую правоспособность [2].

По мнению С. В. Букшиной, заниматься предпринимательской деятельностью вправе несовершеннолетний, также достигший 16 лет, однако при условии объявления его полностью дееспособным, которая также отмечает,

что эмансипация должна предшествовать предпринимательской деятельности несовершеннолетнего, а не наоборот [3].

Данная точка зрения, представляется наиболее обоснованной, ведь признание несовершеннолетнего полностью дееспособным кардинально расширяет границы его непосредственного участия в предпринимательской деятельности, особенно в части совершения сделок. Так, большинство сделок, согласно п. 1 ст. 26 ГК РФ, совершаемых в рамках предпринимательской деятельности, до приобретения полной дееспособности, должны будут совершаться именно с предварительного письменного согласия или при последующем письменном одобрении законных представителей, в случае же приобретения полной дееспособности гражданин вправе самостоятельно совершать любые сделки, и наличие или отсутствие согласия законных представителей на ее совершение не будет иметь каких-либо правовых последствий для заключенных сделок.

Кроме того, необходимо отметить и аспект ответственности несовершеннолетнего лица в рамках предпринимательской деятельности. Так, например, согласно ст. 2.3. Кодекса об административных правонарушениях РФ, возраст привлечения к административной ответственности также наступает именно с шестнадцати лет.

Таким образом, если предпринимательскую деятельность осуществляет лицо, которое обладает полной дееспособностью, даже несовершеннолетнее, данная деятельность отвечает такому признаку предпринимательской деятельности, указанному в статье 2 ГК РФ, как самостоятельность.

Обратим внимание на тот факт, что сама по себе государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя не наделяет несовершеннолетнего гражданина полной дееспособностью, а лишь является в последующем основанием для процедуры эмансипации, при этом «несовершеннолетний предприниматель» остается частично дееспособным [4].

При таких обстоятельствах контрагентам несовершеннолетнего предпринимателя стоит проявлять должную осмотрительность при заключении сделок, ведь с учетом вышесказанного, если заключенные сделки будут свершены в отсутствие требуемого п. 1. ст. 26 ГК РФ согласия законных представителей, в последующем вырастет вероятность признания их недействительными.

Согласно ст. 6 Закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ, содержащиеся в государственных реестрах сведения являются открытыми и общедоступными, за исключением некоторых сведений (например, таких как сведения о номере, дате выдачи и органе, выдавшем документ, удостоверяющий лич-

ность физического лица или же некоторых иных случаях, определенных правительством РФ).

Кроме того, сведения о государственной регистрации размещаются в сети Интернет. Получение таких сведений, возможно в том числе путем получения выписки из соответствующего государственного реестра (п. 2 ст. 5 Закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ).

Состав сведений, размещаемых в сети Интернет, об индивидуальных предпринимателях установлен в п. 2 Приложения к приказу Министерства финансов Российской Федерации от 5 декабря 2013 г. N 115н «Об утверждении состава сведений о государственной регистрации юридического лица, крестьянского (фермерского) хозяйства, физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, подлежащих размещению на официальном сайте Федеральной налоговой службы в сети Интернет, и порядка их размещения».

При этом, в составе указанных сведений не содержится информация о возрасте индивидуального предпринимателя или о достижении им совершеннолетия. Информация о том, что индивидуальный предприниматель не обладает полной дееспособностью, отдельно также нигде не фиксируется.

Поскольку дееспособность лица не является чем-либо неизменным, в силу возможности её лишения или ограничения, в сложившихся правовых условиях, оптимальным решением представляется включение в число размещаемых в сети Интернет общедоступных сведений, содержащихся в едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей (далее «ЕГРИП»), сведений о достижении предпринимателем совершеннолетия, путем включения в Выписку из ЕГРИП специальной отметки о том, что «лицо не достигло совершеннолетия», в целях создания возможности оперативного получения данных сведений контрагентами несовершеннолетнего предпринимателя и, следовательно, проявления должной осмотрительности при заключении сделок.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на достаточно длительное существование института индивидуального предпринимательства в России, в законодательстве имеются несовершенства, например, такие как отсутствие четкого указания минимального возраста лица для осуществления предпринимательской деятельности, без образования юридического лица. Поэтому, в целях устранения неточностей и достижения единства применяемых в этой области положений законодательства необходимо совершенствовать гражданско-правовое регулирование отношений, связанных с приобретением статуса индивидуального предпринимателя несовершеннолетними лицами.

Литература:

1. Распределение действующих юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (по состоянию на 12 января 2020 г.) [электронный ресурс]. URL: <https://xn--h1ari.xn--p1ai/Main/StatisticalInformation> (дата обращения 19.01.2020 г.).

2. Тихонов В. В. Возрастной ценз современного российского предпринимателя (правовой аспект) // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2017. — № 3. — С. 92–96.
3. Букшина С. В. Правосубъектность несовершеннолетних: необходимость реформирования гражданского законодательства // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 5. — С. 64–68.
4. Казиханова С. С., Галахтин М. Г. Предпринимательская деятельность несовершеннолетних // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 9 (70). — С. 81–92.

Право — надежда и драма современной эпохи

Обухова Анна Александровна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор пытается определить векторы развития права в современных реалиях, его судьбу и роль на международной арене. Рассматривается соотношение права и силы, как инструментов решения различных вопросов.

Ключевые слова: *престиж права, международные акты, законность, произвол, насилие, защита прав человека.*

Право, как один из основных регуляторов общественных отношений, прочно вошло в нашу жизнь, получив «общее признание в качестве неперемennого условия нормального существования людей, феномена исконно цивилизационного порядка, достижения человечества, его культуры» [1, с. 471]. Однако на современном этапе истории, когда право переступило порог нового тысячелетия, стоит сказать о некоторых тенденциях мирового правового развития.

Корифей отечественной юриспруденции С. С. Алексеев писал, что в последние десятилетия «происходит нечто значительное ... в жизни людей, связанное с правом, с его пониманием, с его судьбой» [1, с. 299]. Казалось бы, общество развивается по демократическому пути, становится более гуманным, среди населения растет уровень правовой культуры и грамотности, все чаще в мире звучат лозунги о соблюдении естественных прав человека, о запрете дискриминации по какому-либо признаку. За последние полвека международное правотворчество далеко шагнуло в направлении определения и защиты прав человека. Было разработано множество международных документов по правам человека, принятые почти всеми странами мира, ключевые из которых — Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), международные пакты о гражданских и политических, экономических, социальных и культурных правах (1966 г.). В большинстве развитых стран права человека занимают центральное место в законодательстве, находя провозглашение и закрепление в основных, обладающих высшей юридической силой конституционных актах. Так может быть мы уже близки к эпохе, когда право будет торжествовать? Когда беззаконие и произвол уступят место законности, и право займет прочные позиции в решении любых вопросов и конфликтов?

Однако, чем выше престиж права в обществе, чем больше надежд возлагается на него, тем легче сделать право прикрытием, маской для беззакония. Одновременно

с повышением роли права, имеет место и иная тенденция — развиваются новые, изощренные способы преступности (киберпреступность), незаконная деятельность должностных лиц и коррупция становятся уже не вопиющими случаями несправедливости и беззакония, а жестокой реальностью, право превращается в инструмент насилия сильных над слабыми, власть имущих над подчиненными. При чем все это существует не на уровне одного государства, а в международном масштабе. Эта тревожная тенденция выражается в «падении» права в общественном сознании, осознании бессилия права перед отнюдь не справедливыми реалиями жизни, в упадке его престижа и в утрате веры в право, как в универсальное средство решения конфликтов. Среди населения в целом, и особенно среди молодежи, распространяются нигилистические настроения. Все потому, что у людей возникает вопрос: как можно верить в силу права, если каждый день приходится сталкиваться с несправедливостью, бюрократизмом, формалистикой; с тем, что вопросы решают, опираясь не на правовые нормы, а на связи, деньги, должностное положение. В результате, в сознании людей формируется мнение, что следует опираться не на правовые принципы, а на принципы власти и силы.

Несмотря на все достижения человечества: научно-технические, культурные и прочие, насилие остается бичом XXI века. И здесь речь идет даже не о насилии над личностью в физическом смысле этого слова, речь идет о насилии над нациями и государствами, прежде всего насилии политическом и экономическом. Примеров такого насилия, «когда международное право рушилось и подменялось грубой силой» [2], множество. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин относит к таким примерам войну, развязанную США в Ираке в 2003 г. против законной иракской власти, военное вмешательство сил блока НАТО в гражданскую войну в Ли-

вии в 2011 г., интервенцию США и ряда других стран в Сирию, вмешательство США в дела внутренней политики Украины с 2013 г. Из самых последних злободневных новостей можно отметить государственный переворот в Венесуэле, когда спикер венесуэльского парламента Хуан Гуайдо после получения гарантий поддержки от США объявил себя временным Президентом Венесуэлы. И, несмотря на то, что самоназначение Гуайдо президентом грубо противоречит конституционным нормам Венесуэлы, США, утверждая, что защищают идеи демократии, оказывают давление на законное правительство Венесуэлы, требуя признать Гуайдо президентом, передают доступ к счетам правительства Венесуэлы в американских банках в личное пользование «самозванцу». Эти ситуации являются примерами вопиющего беззакония, примерами того, когда юридические нормы произвольно применяются и трактуются в одностороннем порядке. В каждом из этих примеров ярко продемонстрированы «беспрецедентные масштабы внешнего вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Вмешательства, сопровождающегося беспрецедентной кампанией информационно-пропагандистской фальсификации реальных событий и произвольными интерпретациями международного и национального права» [2] в интересах стран, осуществляющих вмешательство и обладающих влиянием на мировой политической арене. Опорой этого вмешательства служит вооруженное насилие. Насилие под благообразным прикрытием — защита прав человека и демократии.

И только право, единственная законная сила, которая может противостоять этому насилию. Но, к сожалению, не всегда право есть самый эффективный механизм борьбы

с беззаконием. Учитывая примеры «кризиса» права в международном масштабе, следует признать, что современная международная правовая база имеет множество нечеткостей и неясностей, что, в свою очередь, дает возможность для различной ее интерпретации и толкования. Это выгодно для наиболее сильных на мировой арене стран, поскольку именно эти страны, обладая высоким уровнем воздействия на другие субъекты международных отношений, будут толковать неопределенные нормы в своих личных целях, навязывая свои трактовки права и справедливости. Слабые страны либо будут вынуждены подыгрывать этой позиции, либо находиться в международной изоляции. А сильные страны, расходясь во мнениях по этим вопросам, будут вступать в конфронтацию. Любой из вариантов неприемлем, но в то же время все они имеют место быть в реальной жизни. Это доказывает, что право — не панацея, что право при всей своей безусловной ценности и роли в обществе, порой, оказывается бессильно, уступая место произволу и частным интересам.

Человечество способно сотворить действенное право, отвечающее и нравственным, и формальным требованиям, однако это может быть результатом усилий только тех государств, которые свободно и честно делают выбор в пользу права, признавая общность целей и интересов всего мирового сообщества, руководствуясь едиными принципами и представлениями о должном и справедливом правопорядке. Именно сейчас решается важнейший для человечества вопрос: займет ли право центральное место в жизни общества, и мы будем двигаться по пути социальной справедливости, или же мы вернемся к порядкам, где правом были сила и произвол.

Литература:

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. — М.: Статут, 2010.
2. Зорькин В. Д. Кризис международного права: современный контекст // Российская газета. 2014. № 136.

Социально-психологические особенности современной молодежной организованной преступности в России

Павлова Татьяна Александровна, студент магистратуры

Московский государственный областной университет

В статье рассматривается проблема борьбы с криминальными проявлениями среди молодежи. При этом особое внимание обращается на то, что в настоящее время ведется поиск путей, средств, механизмов для предотвращения преступности на ранних стадиях ее проявления. Очевидна необходимость изучения социально-психологических особенностей склонной к совершению преступлений молодежи. В статье приведены наиболее распространенные особенности молодых людей как внешнего проявления, так и личностные качества потенциально склонных к преступным умыслам.

Ключевые слова: молодежная преступность, криминальная субкультура, круг молодежи, особенность, криминальная деятельность, преступная группировка.

В условиях современности одной из наиболее значимых проблем общества и государства в целом является борьба с криминальными проявлениями в кругу молодежи. Необходимо заметить, что в настоящее время в молодежной среде набирает популярность романтизация преступного образа жизни, что влечет за собой объединения молодежи в криминальные организованные группы. Несмотря на рост преступного направления среди молодых людей, а в некоторых регионах России она имеет высокий уровень до 70%, данная область является менее изученной.

Для того, чтобы предотвратить склонность молодежи к преступлениям, необходимо не только расследовать уже совершенные преступления, но и детально изучать социально-психологические особенности молодежи, которая совершает преступные действия, тем самым появится возможность выявлять склонную к этому молодежь и предотвращать возможные преступные деяния.

Наиболее эффективное направление для предотвращения молодежной преступности в России — это выявление наиболее склонной к преступности молодежи, а именно их социально психологических особенностей характера и личности, ведь как нам известно молодежь является одной из более уязвимых групп нашего общества.

Для изучения личностных особенностей и психотипа человека склонного к преступным умыслам, а также склонности действовать в организованной группе, предлагаю рассмотреть наиболее распространенные особенности:

1) необоснованная агрессия на окружающих, возможно даже проявление жестокости. Чаще всего к более психологически и физически слабым, тем самым самоутверждаться.

2) постоянное состояние конфликтности, как с близкими, так и в кругу молодежи.

3) стремление самоутвердиться среди окружающей молодежи, показывая свою особую смелость на совершение преступных действий.

4) наличие особой идеологии.

Также можно отметить и внешние особенности, но они как правило немного уступают тем что указаны ранее, так например:

- возможны одежда и внешность: специальные татуировки, особые прически, наиболее популярна короткая стрижка
- особенности, проявляющиеся в действиях, не представляющих общественной опасности (молодые люди, принадлежащие к конкретной преступной

группировке, часто стремятся подчеркнуть свое отношение к ней особой системой движений: при приветствии, прощании, в ходе общения, манерах).

При условии объединения в преступную группировку все вышеуказанные черты становятся еще более опасными для общества, так как стремление молодых людей максимально четко выполнить при совершении преступления волю руководства группировки, в которую они входят, иногда даже вопреки неблагоприятно складывающимся для этого обстоятельствам, опасность заключается также в том, что молодежные группировки зачастую действуют по принципу «беспредела», данные факты очередной раз доказывают необходимость изучения социально-психологических особенностей преступной молодежи.

Сами условия существования в современном мегаполисе, с колоссальными социальными и культурными различиями, создают объективные предпосылки для развития молодежной преступности и молодежного варианта криминальной субкультуры, который становится жизненным ориентиром для тех молодых людей и подростков, которые предпочитают вступать в конфликт с законом и общественной моралью, пытаясь сомнительными способами завоевать себе место в социуме, добиться богатства и власти.

Криминальная субкультура достаточно быстро охватывает широкие слои подростков и молодежи, даже не склонных в силу благополучного семейного положения, к криминальной деятельности, это происходит, когда в школах, и даже в высших учебных заведениях появляются устойчивые группы молодых людей, ориентированных на криминальную деятельность и стремящихся внедрить ее ценности в общий коллектив.

Не вызывает сомнения то, что знание особенностей элементов криминалистической характеристики названных преступлений позволяет выработать рекомендации по повышению эффективности их расследования.

Таким образом мы пришли к выводу о том, что одним из средств повышения эффективности расследования преступлений, совершенных молодежными организованными группировками, является информация (знание) об особенностях молодежной организованной преступности, что позволит предотвращать преступные замыслы молодежи раньше, чем они смогут их совершить, в результате данной тактики процент молодежной преступности начнет снижаться.

Литература:

1. Блохина М. В. Молодежные субкультуры в современном обществе: Издательство Тверского государственного университета. Тверь, 2017. 202 с.
2. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодежная преступность: монография: М., 2016. 382 с.
3. Варыгин А. Н., Григорян З. М. Убийства, совершаемые несовершеннолетними (особенности мотивации и предупреждения): монография. М., 2018. 152 с.
4. Катин В. И. Криминальный романтизм как явление культуры современной России. Автореферат канд. культурологии. Саратов, 2018.

5. Стивенсон С. Казанский Левиафан: молодежные территориальные группировки и проблема социального порядка // Отечественные записки. 20017. № 14.
6. Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М. // Юристъ, 2018. 174 с.

Местное самоуправление и российская государственность: становление и развитие

Плюта Кирилл Викторович, студент магистратуры

Иркутский государственный университет

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная власть, государственная власть.

Со времён Петра Великого для России было характерно заимствовать у Западной Европы опыт государственного строительства. Особенно активно это проявлялось в периоды начала XVIII, второй половины XIX и начала XX веков. Распад Советского Союза, системный социальный кризис в 90-е годы вновь привели к поиску моделей развития государственных институтов и общества в целом, что связано с обращением к демократическим ценностям развитых стран мира.

Понятие местного самоуправления, как указано в Конституции РФ 1993 года, было заимствовано в западноевропейских странах. Статья 130 устанавливала, что «местное самоуправление в Российской Федерации предусматривает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владения, пользования и распоряжения муниципальным имуществом». Статьи 131–133 устанавливали юрисдикцию местных органов, порядок изменения границ муниципальных образований, наделения их отдельными государственными полномочиями. Важной особенностью конституционного статуса муниципальных образований является отделение местного самоуправления от системы органов государственной власти (ст. 12), возможность включения земель и природных ресурсов в муниципальную собственность (ст. 9) [1]. Иными словами, основной принцип конституционной модели самоуправления в РФ — конечная децентрализация местных органов власти.

Эти положения были уточнены в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года. Статья 6, обозначающая компетенцию местного самоуправления, перечисляла вопросы местного значения как негосударственные полномочия. Местные органы власти наделены собственной компетенцией в решении вопросов местного значения. В соответствии со ст. 35 закона формирование, утверждение и исполнение местных бюджетов, контроль за их исполнением осуществлялись местными властями самостоятельно. При этом было заявлено, что местные власти не включены в систему государственных органов. Тем не менее, было разрешено использовать административную инфраструктуру местного самоуправ-

ления для реализации государственной политики (наделение муниципальных властей отдельными государственными полномочиями). Осуществление местного самоуправления органами государственной власти и государственными чиновниками не допускалось (ст. 14) [2].

В Российской Федерации воплощалось не государство (как и в ряде зарубежных стран), а общественная теория местного самоуправления, определявшая местное население как субъект местного самоуправления, а деятельность местного населения как самостоятельная и под свою ответственность решением местных вопросов.

Следует отметить, что современная концепция системы местного самоуправления противопоставлена советской концепции власти. В какой-то степени это антиподы. Так, в комментарии к ст. 145 Конституции СССР 1977 года отмечалось, что местные Советы народных депутатов «являются, во-первых, органами местного самоуправления (а не местного самоуправления, противостоящими центру), а во-вторых, единственными государственными органами в каждой этой административной единице»; В то время как муниципалитеты были выведены из государственных образований и лишены функций государственных органов [4, с. 42].

Так, в докладе рабочей группы по местному самоуправлению в РФ на заседании Госсовета РФ в октябре 2002 года отмечалось, что на уровне органов местного самоуправления существует смесь властных и экономических полномочий. Это привело к нарушению недопустимости местного самоуправления, формированию неэффективной бизнес-системы и росту коррупции в муниципальном звене. В 2002–2003 годах практики и ученые отмечали, что реформа проваливается: «недовольство тем, как функционирует местное самоуправление в российском обществе, становится все яснее. Недовольны и сами муниципальные образования, и субъекты Федерации, а также федеральное правительство...». Еще более четко высказался председатель Комитета по вопросам местного самоуправления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. Мокрыли: «Перечень проблем говорит о системном кризисе в организации и реализации местного самоуправления в Российской Федерации. Нет сомнений в необходимости критического анализа государственной

политики в этой сфере, ее корректировки в рамках действующей конституционной модели местного самоуправления» [6, с. 37].

Сомнительно, что конституционные положения о местном самоуправлении с преобладанием общественного принципа могли быть воплощены в нашей стране аналогичным революционным образом в короткие сроки. Даже при скрупулезном взгляде на историческое прошлое российского общества необходимо отметить огромную роль государства в чрезмерной централизации государственной власти на протяжении многих столетий. Государственные институты играли решающую роль практически во всех существенных преобразованиях. Общественные изменения начались по их инициативе и проводились под их руководством. Особенно ярко эта динамика проявляется со времен эпохи Ивана Грозного. В России по инициативе государства за короткое время произошли значительные изменения: радикальный разрыв отношений, социально-экономических, политических структур (реформы Петра Великого, вторая половина XIX века, 90-е годы XX века и др.).

Революционная природа этих преобразований была вызвана не только желанием догнать быстро развивающийся Запад, но также и отсутствием, отсутствием гибких механизмов для регулирования социального развития. Отсутствие предпосылок, теории и опыта демократических преобразований компенсировалось революционной инициативой государства, которая выглядела скорее как ситуативное поведение, своего рода «ответом» на «вызов времени». Государство действовало методом проб и ошибок, определяя оптимальные формы движения. В результате, разрыв коммуникационных линий в обществе (раскол) между государственной властью и обществом, огромное отчуждение культур. Нестабильность таких преобразований, недостаточная гарантия изменений, необходимость маневрирования часто приводили к контрреформациям. Иными словами, государство в нашем обществе является системообразующим фактором, который определяет состояние и вектор развития российского общества как системы. Характерными социально-политическими особенностями здесь являются особенности патриархального государства: в общественном сознании глава государства считается отцом, знающим чаяния своего народа; Государственная опека приводит к социальной пассивности населения, невозможности самостоятельно управлять собой; Государственная власть не имеет противовеса в виде эффективных общественных организаций и общественной инициативы; Слаборазвитость демократических институтов, правосознание.

В ходе обсуждения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года были выявлены различные подходы к определению понятия муниципальной власти в Российской Федерации. Основные разногласия были связаны с оптимальным сочетанием идеи независимости местного самоуправления и принципа един-

ства государственной и муниципальной власти в федеральной структуре. Ко второму чтению законопроекта законодательные органы субъектов РФ, депутаты Госдумы и члены Совета Федерации подготовили беспрецедентное количество поправок — более 6 тысяч. Отзывы поступили от 48 законодательных и 45 исполнительных органов государственной власти 61 субъекта Федерации. В итоге победили сторонники включения муниципальных властей в вертикаль государственной власти. Концепция государственной власти приобрела совершенно иной облик. Первое фундаментальное изменение: термин «государственная власть» перестает быть синонимом только термина «государственная власть». Трансформация понимания государственной власти связана с её широким толкованием (включая здесь систему местного самоуправления). Второе изменение принципиальное: Закон реализовал целостную концепцию государственной власти в России, согласно которой он представляет собой систему из трех эквивалентных подсистем (уровней) власти. Во-первых, это государственная власть Федерации (федеральная власть). Во-вторых, государственная власть субъектов Российской Федерации (региональная власть); В-третьих, местное управление (муниципальная власть) [3, с. 95].

В современном государственном строительстве в России реализуется концепция сильного государства, которая отличается от предыдущих моделей государственной власти в российском мышлении своим акцентом на право, демократию и свободу. Государственная строительная практика в России 2000—2007 годов свидетельствует о реализации многих аспектов установки Президента РФ на строительство сильного государства. В результате создания федеральных округов, упорядочения отношений с субъектами Федерации, укрепления системы исполнительной власти в центре и в регионах произошли существенные изменения в российской реальности в сторону стабилизации развития общества. Укрепилась и сама президентская власть: назначение президентом губернаторов, усиление роли представителей президента и т. д.

Строительство гражданского общества, его институтов в современной России осуществляется по инициативе государства и по схеме «сверху вниз». Иными словами, государство само создает противовес в виде государственных институтов. Такую логику социального развития характеризовал выдающийся российский мыслитель И. А. Ильин с использованием терминологии: «принцип института» (сверху вниз — вниз), «принцип корпорации» (снизу вверх) [5, с. 118]. Идеальный вариант — это сочетание этих принципов в государственном строительстве. Только при условии взаимодействия государственных учреждений с муниципальными, общественными, наличия сильной вертикали власти, сочетания «принципа становления» с «принципом корпорации» в государственном строительстве и формировании гражданского общества мы можем говорить о наличии сильного, эффективного, социально ориентированного государства. В настоящее время в рос-

сийской общественной мысли есть понимание этой проблемы, но мы все еще далеки от идеала.

Несмотря на ограниченные демократические традиции в России, история государственного строительства нашей страны знает периоды массового вовлечения общественных органов и организаций в проведение реформ. Такими были годы вынужденной модернизации страны (1929–1941). С отсутствием партийных комитетов для руководства процессами модернизации, слабостью государственных органов, руководство страны того времени уделяло большое внимание массовым формам работы местных Советов, созданию общественных органов. Это сельские ревизионные и налоговые комиссии, сельские общественные суды, товарищеские суды на заводах, участки местных Советов и депутатские группы [3, с. 96]. Поиск руководством страны наиболее эффективных административных форм в 1930-е годы привел к созданию такого управленческого аппарата, который фривольно сочетал, казалось бы, противополож-

ные элементы: с одной стороны, сверхцентрализацию, единоличное управление, а с другой — государственно-общественные органы, усиливающие связь руководителя с производством и массами. Массовые органы (сек-тионы, депутатские группы и т. д.), учитывая нестабильность административных структур, были, в первую очередь, административным рычагом преобразования народного хозяйства и социальной структуры общества. Кризисное время также требовало организации поддержки политического курса руководства страны «снизу». Этот исторический опыт может быть интересен для современной России.

В соответствии с современной концепцией государственной власти, реализуемой в законодательстве РФ, муниципальная власть максимально близка населению. Являясь важнейшей частью системы реализации государственной политики, это одновременно институт гражданского общества. Для современной России крайне важно избежать превращения местного самоуправления в государственное.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система КонсультантПлюс, URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_28399/ (дата обращения: 13.01.2020).
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ. (ред. от 27.12.2019). [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система КонсультантПлюс, URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_44571/ (дата обращения: 13.01.2020).
3. Алпатов, Ю. М. Городское самоуправление в системе публичной власти РФ / Ю. М. Алпатов // Государство и право. — 2017. — № 3. С. 93–97
4. Бабичев, И. В. Основы взаимоотношений государства и местного самоуправления в российской правовой системе местного самоуправления / И. В. Бабичев // Государство и право. — 2016. — № 3. С. 37–44
5. Василенко, И. А. Государственное и муниципальное управление: учебник / И. А. Василенко. — М.: Гардарики, 2016. — 320 с.
6. Сергеев, А. А. Проблемы реализации и перспектива развития конституциональной модели российского местного самоуправления / А. А. Сергеев // Государство и право. — 2017. — № 3. С. 36–41
7. Шайхулин, М. С. Традиции местного самоуправления для муниципальной власти в России / М. С. Шайхулин // Российская юстиция. — 2016. — № 6. С. 10–13

Квалификация убийств, сопряженных с иными преступлениями

Погорелов Иван Олегович, студент магистратуры

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, филиал в г. Екатеринбурге

В статье рассмотрены проблемы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями.

Ключевые слова: *убийство, сопряженные с убийством преступления.*

После изменений уголовного законодательства, исключивших возможность назначать наказание по совокупности за несколько убийств, в научных кругах много споров вызвала позиция ВС РФ в отношении квалифицированного убийства, сопряженного с другими преступлениями. Признак сопряженности оговаривается в п. «в», «з» и «к» ч. 2

ст. 105 УК РФ. Можно сказать, что в каждом из перечисленных пунктов законодателем предложены альтернативные варианты убийства.

Квалификация содеянного, исходя из сути ч. 1 ст. 17 УК РФ и по логике ВС РФ, объединившего совершение нескольких убийств в единое преступление, должна осу-

шестьваться исключительно в соответствии с п. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Указанные преступления являются, на первый взгляд, предусмотренными законодателем учтенными совокупностями. Однако с данным выводом полностью расходится позиция, озвученная Пленумом ВС РФ, согласно которой сопряженные с убийством преступления необходимо квалифицировать по совокупности преступлений [1], а, следовательно, деяния, предусмотренные в п. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не являются едиными сложными преступлениями.

Судебная практика на сегодня формируется в рамках данного разъяснения в принципе единообразно и в научной среде квалификация сопряженных с убийством преступлений по совокупности достаточно широко поддерживается. Данное положение представляется вполне справедливым, но вступает в противоречие с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ в случае, если считать рассматриваемые преступления едиными.

Исходя из вышесказанного, напрашиваются два основных варианта решения возникшей коллизии: либо путем внесения изменений в ст. 17 УК РФ, посредством исключения нововведения в ч. 1 в виде фразы «... за исключением случаев...», что позволит квалифицировать совершение двух или более преступлений, предусмотренных в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, по совокупности, либо путем отказа от подобной конструкции.

Второй вариант решения проблемы кажется более логичным. Во-первых, если предположить, что описанное законодателем убийство, сопряженное с другим преступлением, является единым, но наказание за него, по мнению ВС РФ, должно назначаться по совокупности, то это уже противоречит ч. 2 ст. 6 УК РФ, т. к. основной состав уже содержит признаки сопряженного преступления, а, следовательно, по факту виновное лицо будет дважды нести ответственность за одно преступление.

Во-вторых, если убийство, сопряженное с другим преступлением, единое преступление, то оно должно иметь единый мотив и цель, например, похищение человека с целью его убийства очевидно подпадает под нормы п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но ВС РФ указывает, что не имеет значения, кому именно в процессе похищения причиняется смерть, что оговорено в п. 7 Постановления Пленума № 1.

Возникает вопрос, тогда какие же именно квалифицирующие признаки, позволяющие квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, заложены законодателем в рассматриваемых пунктах? Так в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ основной состав преступления включает такой квалифицирующий признак убийства как малолетний возраст либо беспомощность лица. Означает ли это, что для квалификации убийства по данному пункту смерть должна быть причинена именно малолетнему лицу либо находящемуся в беспомощном состоянии? Исходя из разъяснения ВС РФ, очевидный ответ — нет, а, следовательно, малолетний возраст или беспомощность лица как квалифицирующий признак в данном случае теряет свой смысл.

В п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующим признаком основного состава преступления законодатель называет сокрытие другого преступления. В таком случае, по какой причине, например, убийство, совершенное в процессе разбоя, с целью скрыть следы преступления, должно быть квалифицировано по п. «з», а не по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Аналогичный вопрос возникает и в отношении п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если убийство, например, потерпевшего было совершено с целью сокрытия следов совершенного преступления — похищения.

Ответ на данный вопрос вновь дает не законодатель, а Пленум ВС РФ. Так в соответствии с п. 13 Постановления № 1, убийство не может быть квалифицировано по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если будет установлено, что оно было совершено, например, из хулиганских или корыстных интересов.

В таком случае возникает следующий вопрос: приводя открытый перечень квалифицирующих убийство признаков, когда содеянное не подпадает под действие п. «к», наличие любого признака исключает квалификацию по данному пункту или только хулиганские и корыстные побуждения? Судя по рассмотренным материалам судебной практики, речь идет именно о первом варианте.

Однако с п. 13 разъяснения в противоречие вступает и сам ВС РФ. Так ВС РФ посчитал необоснованным исключение судом первой инстанции из приговора в отношении Зорук и Егоровой п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. к., совершая умышленное убийство двух лиц по найму, обвиняемые не имели иных мотивов, кроме как сокрытие ранее совершенного преступления, а найм в этом случае является лишь способом убийства. [3] Таким образом, наличие п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не исключает возможность квалификации содеянного по иным пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ, что противоречит п. 13 постановления Пленума.

Убийство жертвы изнасилования, совершенное с целью скрыть данный факт, является не сопряженным с изнасилованием, а совершенным с целью скрыть данное преступление. Ввиду этого Пленум указал, что квалифицировать данное деяние следует по п. «к» и соответствующим статьям УК РФ.

Однако в 2018 году в апелляционном определении по уголовному делу Мурзаева, осужденного по ч. 2 п. «б» ст. 131, ч. 2 п. «б» ст. 132 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ВС РФ исключил п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, мотивировал свое решение тем, что деяния Мурзаева, убившего потерпевшую после изнасилования и насильственных действий сексуального характера целиком, охватываются квалифицирующим признаком «убийство, сопряженное с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера», ввиду чего нет необходимости указывать, что целью убийства было сокрытие другого преступления. [4]

Кроме того, не ясным является принцип, по которому именно похищение, разбой, вымогательство, бандитизм и изнасилование названы законодателем в качестве сопряженных преступлений. С одной стороны, указанные пре-

ступления сами по себе являются тяжкими и особо тяжкими, а в сочетании с убийством степень их общественной опасности возрастает в разы.

С другой стороны, если связывать преступления, сопряженные с убийством, со степенью их общественной опасности, тогда не понятным становится отсутствие, как в законодательных нормах, так и в рекомендациях Пленума ВС РФ указания на другие особо тяжкие преступления, которые вполне логично могут быть сопряжены с убийством.

Кроме того, в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ законодатель собрал три преступных деяния, которые имеют различные видовые объекты состава преступления. Если при разбое и вымогательстве видовым объектом выступает собственность — это сугубо корыстное посягательство, то при бандитизме — общественная безопасность, т. е. бандитизм может иметь признаки корыстного и/или насильственного преступления.

Литература:

1. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. [Электронный ресурс]. Интернет-портал «ГАРАНТ». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>
2. Рогова Н. Н. Уголовная ответственность за квалифицированные виды убийства // Н. Н. Рогова / Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — С. 70–76.
3. Договор-Юрист.Ру — актуальные образцы договоров и юридическая помощь https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/58-ап14–56сп/
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2018). [Электронный ресурс]. Интернет-портал «ГАРАНТ». Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1236391/>
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 31. — Ст. 3921.

Убийство матерью новорожденного ребенка

Погорелов Иван Олегович, студент магистратуры

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, филиал в г. Екатеринбурге

В статье автор обосновывает необходимость исключения убийства матерью новорожденного ребенка из привилегированных составов убийств.

Ключевые слова: *убийство, привилегированный состав убийства.*

Советское уголовное законодательство вплоть до 1960 года в качестве квалифицированного включало под п. «д» убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом». В рамках п. «д» квалифицировалось, в том числе, убийство матерью новорожденного ребенка. УК РСФСР никак не выделял в составе такого убийства признаки, смягчающие вину преступления против жизни и здоровья. Принятый в 1996 году УК РСФСР выделил убийство матерью новорожденного ребенка в отдельную статью. Сегодня убийство матерью новорожденного ребенка является одним из привилегированных видов убийства.

Примечательно, что в п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ сопряженное преступление также имеет объектом посягательства общественную безопасность. Кроме того, ранее п. «в», который на данный момент в качестве сопряженного преступления включает похищение человека, т. е. преступление, имеющее своим родовым объектом свободу личности, включал такое сопряженное преступление как захват заложника, имеющее аналогичный с бандитизмом объект посягательства, но по каким-то причинам, исключенное впоследствии законодателем. [5]

Таким образом, на данный момент следует констатировать, что ВС РФ необходимо пересмотреть свою позицию в отношении сопряженных с убийством преступлений, но на данный момент представляется, что исключение сопряженных преступлений из составов квалифицированных убийств, является наиболее оптимальным решением.

Понятия «новорожденный» в законодательстве не закреплено, но анализ специальной литературы показал, что под новорожденным возрастом ребенка следует понимать период его жизни с момента рождения до достижения им двадцати восьми дней, после чего ребенок является уже малолетним вплоть до четырнадцатилетнего возраста, исходя из норм кодифицированного законодательства.

Исходя из сути ст. 106 УК РФ, следует, что убийство матерью новорожденного ребенка становится привилегированным видом убийства при наличии хотя бы одного из признаков, указанных законодателем в качестве смягчающих вину, в частности: совершение убийства во время

либо сразу после родов; наличие психотравмирующей ситуации; наличие психического расстройства, не исключая возможность.

Анализ судебных решений по ст. 106 УК РФ позволяет утверждать, что в случае, когда убийство матерью новорожденного ребенка осуществляется до достижения им месячного возраста, содеянное без исключений квалифицируется в соответствии с нормами данной статьи при наличии каких-либо психотравмирующих ситуаций. [4], [3]

Признаки убийства, которые законодатель указал в ст. 106 УК РФ, не имеют особого значения для квалификации содеянного как привилегированного убийства, значение имеет время совершения убийства, т. е. возраст новорожденного ребенка. Однако с такой позицией законодательных и правоприменительных органов сложно согласиться, т. к., как верно отметила Живодворова Н. А., под нормы ст. 106 УК РФ «в таком случае можно подвести любое убийство матерью новорожденного ребенка».

В случае если ребенку на момент убийства больше двадцати восьми дней, то квалификация содеянного осуществляется уже в соответствии с нормами п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и при необходимости с иными пунктами и статьями (частью статьи) УК РФ. [1], [5]

Исходя из анализа судебной практики, следует констатировать, что большинство матерей, убивающих своих детей, ведут асоциальный образ жизни и лишь немногие действительно находятся в сложной ситуации, позволяющей несколько смягчить наказание за такое особо тяжкое преступление, как убийство ребенка.

Одновременно смягчение наказания не должно зависеть от возраста убитого ребенка, ключевую роль должно играть психическое и эмоциональное состояние матери в момент убийства. Во время родов и ближайший период после них женщина пребывает в сложном психолого-физиологическом состоянии, позволяющем делать ей снисхождения, т. к., якобы она совершает убийство не совсем осознанно, а, следовательно, не имея прямого умысла.

Однако в большинстве рассмотренных решениях судов указано, что матери-убийцы целенаправленно скрывали свою беременность, не вставали на учет в медицинские учреждения, во время родов не вызывали скорую помощь, не пытались впоследствии спасти потерпевшего, т. е. убий-

ство ребенка являлось планомерным результатом умышленного процесса избавиться от него. Не может являться оправданием для убийства матерью новорожденного наличие других детей, плохое материальное положение, отсутствие постоянного заработка или официального брака и т. п., т. к. государство дает определенные социальные гарантии матерям-одиночкам, позволяет безнаказанно отказаться от ребенка в любое время.

Также не совсем понятным является законодательное отделение новорожденного ребенка от малолетнего, четко прослеживающееся при рассмотрении судебных решений по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Исходя из судебной практики, следует, что если убийство ребенка, в том числе новорожденного, совершается не матерью, а другим лицом, то квалификация деяния осуществляется по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. [2], [6]

В подобных ситуациях никакой уголовной ответственности матери новорожденных детей не несут. Однако тот факт, что большинство из них на учет в медицинские учреждения не встают, до и после родов скорую помощь не вызывают, не обращаются в правоохранительные органы после убийства ребенка иными лицами, не свидетельствует в пользу того, что мать бы не совершила его убийство сама.

Таким образом, следует констатировать, что столь маленькие сроки наказания, которые получают матери за убийство новорожденных детей, выглядят несуразно на фоне сроков, которые суд назначает иным лицам за аналогичные убийства. Также диспропорциональными представляются сроки наказания за убийство матерью новорожденного и малолетнего ребенка. Например, по какой причине психотравмирующая ситуация, возникшая у матери через, например, полтора месяца после родов не может быть настолько же смягчающим обстоятельством, чтобы квалифицировать содеянное по ст. 106 УК РФ.

Таким образом, очевидно, что пересмотр позиции законодателя в отношении ст. 106 УК РФ необходим. В научных кругах по данному поводу давно ведутся споры. Одни предлагают ужесточить наказание за убийство матерью новорожденного ребенка, другие — вывести убийство матерью новорожденного ребенка из привилегированных видов убийств. Исходя из всего вышесказанного, последнее решение выглядит радикальным, но наиболее правильным.

Литература:

1. Дело № 10–14255/2017 — Приговор Дорогомилковского районного суда города Москвы от 25 января 2017 г. // Информационно-правовой портал: Судебная практика по уголовным делам. Режим доступа: <https://advokat15ak.ru/приговор-по-статье-106-ук-рф-убийство-мат/>
2. Дело № 1–292/2013 — Приговор Пролетарского районного суда города Тулы от 17 декабря 2013 г. // Информационно-правовой портал: Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». Режим доступа: <https://sudrf.ru/index.php?id=300&searchtype=sp>
3. В Томске убившую месячную дочь женщину приговорили к 14 годам колонии // Интернет-портал: Риа-новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20190604/1555249365.html> (дата обращения: 20.11.2019 г.).
4. Жительница Бийска, убившая свою 11-месячную дочь, получила 15 лет. // Интернет-портал: Риа-новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20191205/1561982661.html>

5. Девять лет колонии — за нечеловеческую жестокость // Сетевое издание: Вести.Ру. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=337285>
6. Суд вынес приговор убийце новорожденного сына в Хабаровске // Интернет-портал: Известия: iz. Режим доступа: <https://iz.ru/728693/2018-04-05/sud-vynes-prigovor-ubiitce-novorozhdenного-syna-v-khabarovske>

Способы защиты прав граждан по договору перевозки пассажиров и багажа

Поливода Виктория Александровна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Демидова Галина Степановна, кандидат юридических наук, доцент

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье отражен действующий механизм защиты прав пассажиров (граждан). Автором рассмотрены способы защиты прав граждан, являющихся стороной по договору перевозки пассажира и багажа, а также высказано предложение о предполагаемых мерах, направленных на усовершенствование регулирования вопросов воплощения защиты прав.

Ключевые слова: система защиты прав, гражданин-потребитель, досудебное регулирование отношений, претензионный порядок, сроки предъявления требований.

Взаимоотношения пассажиров и перевозчика, возникающие в процессе оказания услуг по перевозке, носят сложный и зачастую комплексный характер. Защита интересов гражданина как слабой стороны в таких отношениях осуществляется путем применения системы правовых норм, обеспечивающих достижение юридического равновесия.

В. В. Бутнев определял систему защиты прав граждан как: «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается восстановление нарушенных прав, защита охраняемых законом интересов, разрешение правовых споров и устранение иных препятствий в реализации субъективных прав. Составной частью механизма защиты прав и интересов, как верно отмечено учёным, выступает и механизм реализации ответственности» [1].

Гражданским кодексом РФ установлен порядок обращения к перевозчику с претензиями и исками по договору перевозки грузов. В свою очередь правила обращения к исполнителю по договору перевозки пассажира и багажа основным законом, регулирующим вышеназванный договор, не регламентированы.

Так как договор перевозки пассажира и багажа относится к разновидности договора оказания услуг, к правоотношениям, возникающим при исполнении такого договора, применяется Закон РФ № 2300—1 от 07.02.1992 «О защите прав потребителей», а также нормы транспортного законодательства.

Так статья 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» закрепляет право на судебную защиту прав потребителей. Однако данной статьёй не регламентирован порядок решения спора путем досудебного регулирования отношений.

Поскольку в Законе РФ «О защите прав потребителей» отсутствуют указания на право обращения в суд потребителя, без обращения к исполнителю договора перевозки пассажира и багажа, ряд уставов и кодексов сохраняет претензионный порядок предъявления требований к пе-

ревозчику. При этом в одних актах направление претензии перевозчику — это право пассажира, в других такое действие является обязанностью решения спора в досудебном порядке.

Так в соответствии со статьёй 121 Устава железнодорожного транспорта РФ до предъявления иска к перевозчику, пассажиром может быть предъявлена претензия.

В свою очередь, в соответствии с пунктом 1 статьи 161 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ предъявление претензии к перевозчику по договору перевозки пассажира и багажа является обязательным требованием.

Воздушным кодексом РФ предусмотрено предъявление пассажиром претензии или заявления. Однако прямая обязанность подачи заявления до предъявления иска отсутствует, что дает основания полагать о подаче претензии или заявления как о праве, а не обязанности пассажира.

Кодекс торгового мореплавания РФ неоднозначно закрепляет претензионный порядок разрешения спора.

Так статьёй 194 Кодекса торгового мореплавания РФ закреплено требование, предъявляемое к пассажиру в случае утраты или повреждения каютного багажа, в соответствии с которым пассажир должен направить перевозчику заявление в письменной форме. Данная норма также закрепляет сроки подачи таких заявлений.

В случае, если такое заявление не будет направлено пассажиром в адрес перевозчика, считается, что багаж был получен неповрежденным, если не доказано иное.

Исходя из смысла вышеназванной нормы, невозможно определить, является подача заявления к перевозчику обязанностью или правом, так как в случае, если пассажиром будет иным способом доказано повреждение багажа, то такие действия можно рассматривать как предъявленную претензию.

Несмотря на отсутствие в некоторых нормах транспортного законодательства обязанности подачи претензий

к перевозчику, наличие норм о претензионном порядке позволяет сделать вывод об их направленности на защиту потребителей от уклонения перевозчика от предъявляемых к нему требований.

Наряду с нормами, закрепляющими претензионный порядок предъявления требований, возникающих из договора перевозки пассажира и багажа, положения транспортного законодательства устанавливают сроки предъявления таких требований.

Ввиду того, что Гражданский кодекс РФ не закрепляет отдельных положений, регулирующих предъявление требований к исполнителю по договору перевозки пассажира и багажа, а также сроки такого обращения, по общему правилу в отношении таких требований срок исковой давности должен быть равен трем годам.

Но, несмотря на отсутствие такой нормы в гражданском законодательстве, отдельные акты транспортного законодательства устанавливают сокращенный срок исковой давности в отношении предъявления требований, вытекающих из договора перевозки пассажира и багажа.

Так, статьей 125 Устава железнодорожного транспорта РФ установлен срок, в рамках которого пассажир имеет право обращения к перевозчику с претензией, равный шести месяцам.

Сокращенный срок исковой давности действует также в отношении требований граждан, вытекающих из договора международной перевозки пассажиров и багажа

Согласно статье 409 Кодекса торгового мореплавания РФ срок исковой давности равен двум годам в отношении требований, вытекающих из договора морской перевозки пассажира в заграничном сообщении.

Требования, предъявляемые к перевозчику, с соблюдением требований оформления и сроков подачи претензий, должны быть рассмотрены перевозчиком в срок, установленный законодательством. О результатах рассмотрения предъявленных требований перевозчик обязан письменно уведомить лицо, обратившееся к нему с претензией.

В случае уклонения от получения претензии, исполнения заявленных требований, а также в случае отказа в удовлетворении требований гражданина-потребителя в добровольном порядке, гражданин может обратиться с иском в суд с целью защиты нарушенных прав.

Несмотря на наличие действующих норм Закона РФ «О защите прав потребителей», который применяется в комплексе с нормами транспортного законодательства, вышеназванный нормативный акт не имеет конкретной направленности на защиту прав граждан, нарушенных в рамках договора перевозки пассажира и багажа, что значительно затрудняет процесс определения применимого права, направленного на защиту граждан.

Представляется целесообразным установить в главе 40 Гражданского кодекса РФ норму, закрепляющую общие положения о способах защиты прав граждан по договору перевозки пассажира и багажа.

Литература:

1. Рублевский М. И. Механизм гражданско-правовой защиты пассажиров в отношении с организацией воздушного транспорта: обзор и постановка некоторых проблем // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 83.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. II) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. № 23.
3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Российская газета. 1997. № 12.
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Российская газета. 1999. № 18.
5. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ // Российская газета. 2003. № 3122.
6. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ // Российская газета. 2007. № 24.
7. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07 февраля 1992 г. № 2300—1 // Российская газета. 1992. № 15.

Применение инновационных технологий в управлении миграцией в Российской Федерации

Саблина Маргарита Дмитриевна, студент магистратуры

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Ключевые слова: *Российская Федерация, государственная миграционная политика, сфера миграции, государственная власть, государственное управление.*

Современное общество стремительно трансформируется и меняется. В последние десятилетия в мире наблюдается активизация миграции. Миграция имеет разные цели, формы, характер передвижения.

Органам государственной власти и управления нужно оперативно реагировать на любые изменения миграционной ситуации. В государстве необходимо совершенствовать управление миграционными процессами, качество правового регулирования и практику применения законодательства о миграции.

«Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 годы», подписанная Президентом России в июне 2012 года стала новым этапом в развитии миграционной политики России. В Концепции определены следующие приоритеты миграционной политики государства:

- 1) обеспечение национальной безопасности, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения страны;
- 2) усовершенствование инструментов правового регулирования в сфере миграции;
- 3) создание дополнительных условий, способствующих добровольному переселению на территорию Российской Федерации соотечественников, проживающих за рубежом;
- 4) упрощение правил приема в российское гражданство иностранных граждан, которые являющихся носителями русского языка, или выпускниками российских образовательных организаций;
- 5) упрощенный прием в российское гражданство иностранных инвесторов, предпринимателей;
- 6) усовершенствование системы выдачи разрешений для осуществления трудовой деятельности на территории РФ [2].

Президентом Российской Федерации 31 октября 2018 года утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, которая пришла на смену прежней национальной миграционной стратегии 2012 года. Ранее действовавшая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года утратила силу.

Дополнительно, в 2015 году, было принято распоряжение Правительства РФ № 2122-р, которым был утвержден План по реализации второго этапа Концепции. В Плане прописаны сроки подготовки нормативно-правовых актов в связи с принятием федеральных законов, запланированных на первом этапе реализации Концепции, а также за-

конопроектов, предусматривающих совершенствование институтов разрешения на временное проживание, вида на жительство и другие [3].

В новой Концепции подчеркивается готовность создания **благоприятного режима** для переселения в Россию лиц, готовых стать полноправными членами российского общества, для высококвалифицированных работников, а также гарантируется **открытость** Российской Федерации для тех иностранных граждан, которые рассматривают Российскую Федерацию для удовлетворения своих экономических, социальных и культурных потребностей [4].

Устранение необоснованных административных барьеров, связанных с ввозом и регистрацией имущества, включая объекты интеллектуальной собственности, средства производства и иные основные фонды. Помимо этого, расширить применение инновационных технологий для контроля и надзора в сфере миграции [4].

Развитие инновационных технологий позволяет усовершенствовать сбор, хранение, качество и многие другие аспекты получаемой информации, необходимые для изучения разных проблем и сфер познания, одной из которых является проблема регулирования миграционных процессов.

Применение в органах государственной власти Российской Федерации новых (цифровых) технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления, занесено в список основных задач применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы, системы государственного управления, взаимодействия граждан и государства [5].

Доступность информации способствует развитию миграционных процессов. Совершенствование технологий и механизмов сбора, хранения, обработки и распространения информации в сфере миграции при помощи новейших информационных технологий предоставляет возможность повышения эффективности дальнейшего управления и регулирования миграционных процессов [1].

Возможность применения новейших технологий во взаимодействии с государственными и муниципальными органами способствует развитию открытости, доступности информации, установлению простых, понятных и исполнимых и прозрачных административных процедур, свободных от барьеров и издержек, снижения принятия необоснованных решений.

Применение информационных и новых коммуникационных технологий, например, возможно:

- 1) для автоматизации подготовки стандартных юридических документов;

- 2) для обеспечения функционирования интернет-порталов коммуникации и юридической помощи между органами власти и мигрантами;
- 3) для расширения использования технологий идентификации личности в рамках контроля и надзора в сфере миграции.

Современные технологии играют все более значимую роль в миграционных процессах.

В условиях глобализации, финансового, культурного и трудового обмена между странами изменяются подходы,

модернизируются инструменты и средства изучения многих проблем.

Интенсивное развитие применения инновационных технологий в управлении миграцией населения одно из стратегических направлений государственного управления. Инновационные технологии могут обеспечить открытость, доступность управления миграцией и предоставляют новые возможности для государственных органов, деятельность которых направлена на контроль и учет за мигрантами на территории Российской Федерации.

Литература:

1. Возможности и перспективы новейших информационных технологий в регулировании миграционной политики Российской Федерации: автореферат дис... кандидата политических наук: 23.00.02 / Иванова Екатерина Александровна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2013. — 28 с.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президентом РФ от 13.06.2012 № 13. (утратил силу с 31 октября 2018 г.) // ИПП «Гарант»
3. Носова Н. А. Регулирование миграционных процессов // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2018. № 23 (44). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud/44/42201> (дата обращения: 14.01.2020).
4. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 45. — Ст. 6917.
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

Молодой ученый
Международный научный журнал
№ 4 (294) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–38059 от 11 ноября 2009 г.,
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
ISSN-L 2072-0297
ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»
Номер подписан в печать 05.02.2020. Дата выхода в свет: 12.02.2020.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.